

© *Петербургское библиотечное общество, 2016*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
e-mail: pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 80

Номер подписан в печать 15.09.2016 г.

Научные исследования

- Андреева Н.С.** Князь Г.Е. Львов:
штрихи к биографии 3
- Соболев В.С.** Академик П.П. Пекарский
об экспедиции Д.Г. Мессершмидта 9
- Сапожникова О.С.** Неизвестный
русский перевод XVI века
из медико-астрологического трактата
«Книга о жизни» итальянского
гуманиста Марсилио Фичино 12
- Клишева В.А.** Проблемы описания
рукописей с сочинениями
писателей-старообрядцев второй
половины XVIII века 24
- Ляховицкий Е.А.** Основные подходы
к интерпретации водяных знаков
бумаги древнерусских рукописей 27
- Сергеев А.Г.** Водяные знаки в Описании
славянских рукописей БАН
XIV–XV веков 30
- Подковырова В.Г.** Некоторые аспекты
изучения списков лицевых
Апокалипсисов из фондов БАН и текст
Откровения Иоанна Богослова
из Библейского Сборника Матфея
Десятого (1507 г., БАН, Срезн. II. 75) 33
- Михайленко А.В.** Достижения
изобразительного искусства в эпоху
Писистрата и его сыновей 43

**Отдельные аспекты
библиотекосведения**

- Бокан М.Г., Пономарева Н.В.** Личные
архивы библиографов как составная
часть научно-биографической работы в
области библиотечно-информационной
деятельности 47

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Батюто С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Технический редактор

Томина М.В.

Пименов Е.Н. Информационный шум в Интернет и неоднозначность поисковых терминов 54

Авраева Ю.Б. Новая «модель» методических кадров общедоступных библиотек 61

Восток и книга

Белова Л.Б. «Первый путеводитель от Батума до Турецкой границы» В.П. Врэдия 71

Виноградова Т.И. «Парадокс Нидема» и традиционная китайская библиография 74

Хамуд Н.М. Зарождение новой арабской историографии в Египте: научно-библиографический обзор 80

Тептюк П.С. Новая гипотеза о происхождении современных форм чисел 83

Из истории библиотек

Пивоваров Е.Г. Вопреки испытаниям судьбы: академические издания в Библиотеке Конгресса США в 1815–1851 годах 96

Юркин И.Н. «...Хотя и тесен, всё же достаточен»: (Дом Демидовых на Васильевском острове в судьбе Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук) 103

Комарова О.А. Заместители директора и учёные секретари Библиотеки Академии наук в 1930–1950-е годы: опыт коллективной биографии 111

Рецензии

Баженова Н.М. Научная рецензия на рукопись сборника «Четвёртые Лупповские чтения: Доклады и сообщения» 117

Приложение к журналу 119

КНЯЗЬ Г.Е. ЛЬВОВ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена отдельным аспектам биографии известного российского общественного и политического деятеля князя Г.Е. Львова. В ней, в частности, рассматривается его родственное окружение, политическая карьера, участие в земском движении, сотрудничество с П.А. Столыпиным, а также его деятельность в эмиграции.

Ключевые слова: биография, Георгий Евгеньевич Львов, Петр Аркадьевич Столыпин, история России начала XX в., Первая мировая война, земство, Земгор, эмиграция, Государственная дума, Российская империя, кадеты, Временное правительство.

Выдающийся русский общественный и политический деятель Георгий Евгеньевич Львов родился 21.10. (2.11.) 1861 г. в Дрездене. По своему рождению он принадлежал к высшему слою русской аристократии — к Рюриковичам. От легендарного родоначальника Георгия Евгеньевича, его трёх братьев и сестру отделили тридцать поколений.

Среди предков князя Львова немало видных государственных деятелей. Из них в роду особо почитался удельный ярославский князь Фёдор, защищавший Ярославское княжество от набегов Золотой Орды. В 1467 г. он и двое его сыновей — Давид и Константин были канонизированы, став первыми ярославскими святыми. Их чудотворные мощи покоятся в Фёдоровской церкви Ярославля.

Род Львовых в XVI и XVII вв. играл важную роль в жизни русского государства. Бояре Львовы занимали в этот период высшие государственные должности — воевод, окольных, царских и патриарших стольников. Сподвижник Д.М. Пожарского Алексей Михайлович Львов участвовал в 1613 г. в избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова, неоднократно выполнял дипломатические поручения — возглавлял дипломатические миссии в Польшу (в 1634, 1635

и 1644 гг.), принимал участие в 1621 г. в свадебном посольстве к датскому королю Христиану. В течение двадцати лет Алексей Михайлович руководил Приказом Большого двorca, став одним из влиятельнейших бояр при царском дворе.

Аристократ по рождению, Георгий Евгеньевич был демократом по убеждениям. По его собственному выражению, ему «претил дух аристократии», духовно близкими он считал людей «либерального демократического склада» [1]. Эта духовная трансформация объяснялась отчасти теми условиями, в которых вырос и сформировался князь Львов.

Его родители принадлежали к числу поместного дворянства, разорившегося в результате крестьянской реформы 1861 г. и вследствие этого утратившего своё положение в высшем обществе. Оказавшимся в затруднительном положении Львовым пришлось самостоятельно приспособливаться к новым жизненным условиям. По словам Георгия Евгеньевича, именно этот «трудный путь завоевания независимого положения в новых экономических и общественных условиях» отделил их от «верхов». Благодаря собственным силам Львовы преодолели выпавшие на их долю испытания и обеспечили себе прочное «положение в новом укладе жизни» [2].

Либеральный образ мыслей Львов унаследовал от отца Евгения Александровича — яркого представителя русской интеллигенции 40-х гг. XIX в., славянофила по убеждениям. Он уделял большое внимание воспитанию и образованию своих пятерых детей и, по словам сына, положил на это «все свои силы и средства». Решение отца оставить государственную службу, переехать с семьей в деревню и заняться хозяйством во многом предопределило дальнейшую судьбу Георгия Евгеньевича [3].

Его детские годы прошли в имении родителей — селе Поповка Тульской губернии, где семья Львовых прожила безвыездно шесть лет вплоть до поступления младших детей в гимназию. Именно в эти годы Львов близко познакомился с сельской жизнью, с помещным и крестьянским бытом.

Несмотря на неудачи, которые преследовали отца в его попытках наладить хозяйство в имении, Львов вспоминает о проведённом в Поповке времени как о лучших годах своей жизни, пишет об атмосфере «желанности и дружественных отношений», созданной вокруг семьи отцом. Он пользовался непрерываемым авторитетом как среди крестьян, которым помогал в меру своих возможностей, в том числе лечил, пока в селе еще не было земского врача, так и среди дворян — «закоренелых крепостников», сторонившихся, но уважавших его. Эта атмосфера «желанности» была «более ценным капиталом, чем денежный <...>. Она помогла нам в дальнейшей жизненной борьбе, в хозяйственной работе и наставила нас на правильный путь», — отмечал в своих воспоминаниях Львов [4].

Из своих сельских лет жизни Георгий Евгеньевич вынес глубокую убежденность в народной мудрости и любовь к простому русскому крестьянину, в идеализацию которого его потом не раз обвиняли политические оппоненты. По словам Львова, переселяясь в деревню, его отец полагал, что крестьян следует учить правильному ведению хозяйства,

и выписал для этого немцев. Однако, пожив в деревне, он убедился в том, что учиться хозяйствовать следовало именно у мужиков, оказавшихся «не только лучшими учителями по хозяйству, но и наставниками жизни». «Они раскрыли нам тайные силы земли, дали реальное знание её, вселили в нас любовное отношение к пашне, к полям, к лугам <...> не как к материальной ценности, а как к одухотворенной приложением любовного труда. С ними постигли мы цену и значение трудовой жизни, и в простых формах приложения к ней Божеского начала», — писал Львов в своих воспоминаниях [5].

Благодаря годам, проведённым в имении, он близко познакомился и с бытом наёмных сельскохозяйственных рабочих. В Поповке ему с братом было поручено следить за работами на скотном дворе и за питанием работников. Выполняя поручение, братья находились в повседневном общении с ними, во всех тонкостях освоили разные виды сельскохозяйственных работ и особенности применявшихся орудий.

Земляк Львовых Л.Н. Толстой, высоко ценивший всю их семью, однажды экзаменовал Георгия Евгеньевича по части знания рабочего крестьянского инвентаря. К досаде «экзаменатора» — знатока крестьянского быта выяснилось, что «экзаменуемый» разбирается в этом инвентаре лучше него. Этим Львов в особенности гордился [6].

В связи с поступлением младших детей в гимназию семья Львовых переехала в Москву. По окончании одной из лучших московских гимназий — Поливановской Георгий Евгеньевич поступил в 1880 г. на юридический факультет Московского университета. Выбор факультета, как отмечает Львов в воспоминаниях, был связан отнюдь не со склонностью к юридическим наукам, а с «жизненными соображениями практического свойства». Он казался ему наиболее легким, дававшим «систематическое общее образование» и возможность соединить с учебной работой в отцовском имении [7].

В студенческие годы происходит духовное становление Львова. Будучи студентом, он посещал дом своих московских знакомых, где собирались выдающиеся представители русской интеллигенции — славянофилы И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, Н.П. Гиляров-Платонов, историк В.О. Ключевский, философ В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой, во многом повлиявшие на мировоззрение Львова. Московские годы дали ему неоценимый жизненный опыт, дополнив уже имевшийся опыт сельской жизни. О годах своего становления Львов писал: «Разнообразного жизненного материала набиралось всё больше и больше. Соответственно расширялось и непонимание. Оно складывалось и росло уже не на одной только поповской почве» [8].

Из Москвы он часто уезжал к родителям в имение, которое было обременено долгами и сильно запущено. Самостоятельно стал вести в нём хозяйство и даже зимой ходил с обозами в Москву продавать хлеб. Его стараниями удалось поднять имение и обеспечить стариков родителей.

Окончив университет в 1885 г., Георгий Евгеньевич становится членом тульского губернского присутствия по крестьянским делам. Однако через несколько лет, в 1889 г., оставляет должность из-за конфликта с местными властями, вызванного его заступничеством за несправедливо наказанных крестьян.

В феврале 1900 г. Львов был избран земским начальником в Московском уезде Тульской губернии. Крестьяне нескольких местных волостей, знавшие его по прежней службе, с восторгом встретили назначение и поднесли Львову профору на деревянном блюде. Любовь и уважение крестьян были для него лучшим признанием. Вскоре Георгий Евгеньевич примыкает к земскому движению — к либеральной оппозиционной обществу, стремившейся развивать местное самоуправление и улучшить жизнь крестьян. В рядах земцев он приобрёл непререкаемый авторитет и в 1902 г. стал

председателем Тульской губернской земской управы.

В 1903 г. Львова постигло большое горе — неожиданная смерть любимой жены графини Ю.А. Бобринской, приходившейся внучкой Екатерине II. Георгий Евгеньевич тяжело переживал: уехал в Оптину Пустынь и хотел оставить мирскую жизнь. Однако старец, с которым он говорил в Пустыни, «велел ему идти пока в мир». По словам хорошо знавшей Львова К. Ельцовой, со смертью жены его личная жизнь «как бы совершенно окончилась». Он целиком отдался работе, которая «поглотила его совершенно, стала всею его жизнью». С этого момента Георгий Евгеньевич целиком посвятил себя земской деятельности [9].

Широкую известность Львов приобрёл в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., возглавив уполномоченных земских организаций по оказанию помощи раненым на полях сражений. Под его руководством 360 уполномоченных от земств в мае 1904 г. отправились на линию фронта в Маньчжурию. Земские отряды развернули большую работу на передовой и в ближайшем тылу — организовывали передвижные госпитали, перевязочные и питательные пункты. Благодаря их деятельности сотням раненых удалось спасти жизнь.

Львов и общеземская организация получили широкую известность в армии, а затем и в России. Князь, по выражению его секретаря и биографа Т. Полнера, стал общим любимцем: «необычайная скромность, бросавшаяся в глаза, простота жизни, неутомимость в передвижениях, ласковость и ровность в сношениях с самыми разнообразными людьми, умение вызывать в них самые лучшие инстинкты <...> — всё это делало его непреодолимым и обаятельным» [10].

В 1905 г. Львов, принадлежавший тогда к партии Народной свободы, был избран в первую Государственную думу, где возглавил врачебно-продовольственный комитет. В его непосредственную задачу входила организация

помощи населению — открытие столовых, санитарных пунктов и т.д. для голодающих, погорельцев и малоимущих. В период своей думской деятельности Львов сосредоточился на продовольственном вопросе. Часто бывая в Министерстве внутренних дел, познакомился и стал сотрудничать с председателем Совета министров и министром внутренних дел П.А. Столыпиным.

После роспуска первой Думы её кадетские депутаты 10.07.1906 г. подписали знаменитое Выборгское воззвание к гражданам России с призывом отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против разгона Думы. Львов же не подчинился партийной дисциплине: не подписал это воззвание, посчитав его нецелесообразным и вредным.

Во вторую Думу он не прошёл и целиком посвятил себя земской деятельности и помощи переселенцам. Переселенческая политика, являвшаяся частью столыпинской аграрной реформы, поощряла переезд крестьян из центральной России на свободные земли Сибири и Дальнего Востока. В 1908 г. туда отправились 140 уполномоченных от земских организаций, в том числе и Львов, для оказания помощи переселенцам. Он на месте исследовал состояние земель в целях развития хлебопашества и сельскохозяйственной деятельности переселявшихся колонистов и пути сообщения для организации широкой колонизации заселяемых регионов.

Для изучения переселенческого дела, по поручению Столыпина, Львов в 1909 г. предпринял поездку в США и Канаду, где исследовал быт русских переселенцев-духоборов. Как справедливо отмечали современники, его влекла не политическая карьера, а «реальная, практическая работа, на пользу <...> народа» [11]. Общеземская организация во главе с Львовым появлялась в районах стихийных бедствий, там, где страдало население и была нужна быстрая и действенная помощь.

Благодаря этой деятельности он приобрёл репутацию «делового, самоотверженного, умеющего <...> создавать

работника», признанного практика и организатора [12]. Известность князя росла с каждым днем, и в 1913 г. Московская городская дума избрала его городским головой Москвы. Однако правительство не утвердило Львова в этой должности, и это только прибавило ему популярности.

С началом Первой мировой войны Львов проявил себя как выдающийся организатор — в 1914 г. под его руководством был создан «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым военным», объединившийся через год со Всероссийским союзом городов (Земгор). С 1915 по 1917 г. Георгий Евгеньевич возглавлял объединённый комитет Земского союза и Союза городов. Свою задачу Земгор видел в том, чтобы помочь правительству в организации снабжения русской армии.

С самого основания деятельность этой общественной организации приняла широчайший размах — от создания госпиталей, санитарных поездов (в них получили лечение более 2,5 млн больных и раненых воинов), поставок одежды и обуви для армии до строительства дорог и производства снарядов, недостаток которых остро ощущался на фронте. Организатором и вдохновителем этого был князь Львов.

В феврале 1917 г. он становится главой Временного правительства и министром внутренних дел. Писавшие о Львове мемуаристы в один голос отмечали, что это отнюдь не случайность: в столь критическую минуту другого кандидата на эту должность просто не было.

Однако сам Львов не хотел и не добивался этого поста. В период разгула анархии на должность главы правительства требовался решительный и жесткий политик, способный железной рукой навести порядок. Львов же на эту роль не годился: по своему складу он не был политиком, не мог прибегнуть к насилию, не желал гражданской войны. Собственно, его скорая отставка была предопределена. Спустя четыре

месяца после назначения 8.07.1917 г. Львов покинул занимаемые посты, передал власть А.Ф. Керенскому и удалился в Оптину Пустынь, пытаясь обрести там душевный покой.

После Октябрьской революции он покинул Москву и уехал в Сибирь. В феврале 1918 г. большевики арестовали Львова в Тюмени и вскоре перевели в Екатеринбург. Чудом оставшийся в живых, освобожденный под подписку о невыезде, князь бежал оттуда в занятый белочехами Омск.

Едва вырвавшись от большевиков, Львов по поручению Временного Сибирского правительства выехал в США для переговоров с президентом В. Вильсоном и другими политическими деятелями об оказании помощи антибольшевистским силам в России. Однако его миссия оказалась безрезультатной — бывшие союзники в Первой мировой войне не хотели помогать России.

Из США Львов переезжает в Париж, где в конце 1918 г. возглавляет Русское политическое совещание, созданное для представительства России на Парижской мирной конференции и оказания внешнеполитической поддержки Белому движению. Свои задачи это совещание не выполнило и в 1920 г. прекратило деятельность.

В последующие годы Львов, как председатель созданного по его инициативе нового Земгора (Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей), посвятил себя организации помощи русским эмигрантам. Трудно переоценить вклад Львова в это дело. При его непосредственном участии деятельность Земгора охватила пространство русского рассеяния от Константинополя, Галлиполи и Лемноса до стран Западной Европы, принявших беженцев. Эти страны превратились в арену гуманитарной и просветительской деятельности Земгора.

Особой заслугой Львова стало создание при содействии этой организации сети

русских школ за границей, насчитывавшей свыше 60 средних и низших школ с общим количеством учащихся 5000 чел. Благодаря моральному авторитету и личным качествам Львов пользовался уважением и симпатией многих выдающихся государственных деятелей Европы и США, и это позволило привлечь иностранные средства для содержания русских школ за границей. По признанию политического и общественного деятеля Н.И. Астрова, только его энергии и «авторитету у иностранцев» русская эмиграция обязана всем тем, что «удалось добиться Земскому союзу в деле защиты её интересов» [13].

В последние годы жизни Георгия Евгеньевича мучила «глубокая, непрестанная, ноющая тоска по России». «И всё было нехорошо кругом, всё не то, всё гораздо, неизмеримо хуже, чем в России... <...> И супы французские ничего нестоящие, и яблоки без вкуса, и трамваи, и язык, его бедность», — вспоминала о Львове Ельцова [14].

Для того чтобы хоть как-то заглушить ностальгию, Львов уходил летом странствовать по Франции. «С котомкой за плечами и иногда в обуви, похожей на лапти», ходил по французским деревням [15]. По нескольку дней гостил у знакомых и шёл дальше из деревни в деревню. Однако ничего не помогало, тоска по России была слишком велика. 6 марта 1925 г. князя Львова не стало. Через три дня — 10 марта состоялись его отпевание и похороны на кладбище Батиньоль. Некоторое время спустя Львов был перезахоронен на Сент-Женевьев-де-Буа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Львов Г.Е.* Воспоминания. М., 1998. С. 26.
2. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 26.
3. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 27.
4. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 55, 57.
5. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 59.
6. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 67.

Научные исследования

7. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 161–162.
8. *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 138.
9. *Ельцова К.* Сын Отчизны // *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 246.
10. *Полнер Т.* Князь Г.Е. Львов // *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 291.
11. *Астров Н.И.* Судьба // *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 269.
12. *Астров Н.И.* Судьба С. 270.
13. *Астров Н.И.* Памяти кн. Г.Е. Львова // *Львов Г.Е.* Воспоминания. С. 276.
14. *Ельцова К.* Сын Отчизны. С. 260.
15. *Ельцова К.* Сын Отчизны. С. 259.

АКАДЕМИК П.П. ПЕКАРСКИЙ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию академика П.П. Пекарского некоторых аспектов истории экспедиции Д.Г. Мессершмидта в его труде «Наука и литература в России при Петре Великом». Его вывод — Мессершмидт является первым ученым-путешественником, познакомившим общественность с географией, историей и этнографией Сибири.

Ключевые слова: архивные материалы, экспедиция, результаты, путешественник, Сибирь, комендант, Тобольск, губернатор, пленные, «древние вещи», сибирские звери, список.

П.П. Пекарский в своём фундаментальном труде «Наука и литература в России при Петре Великом», опубликованном в 1862 г. [1], рассмотрел ряд аспектов истории экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Ей был посвящён специальный параграф главы XII под названием «Первое учёное путешествие по Сибири доктора Мессершмидта».

Проведённое П.П. Пекарским исследование сегодня имеет особый смысл и важное научное значение. Это объясняется, прежде всего, тем, что тогда в процессе работы (то есть в конце 1850-х годов) учёным были использованы возможности существовавшей именно в то время источниковой базы. Её параметры за прошедшие полтора века претерпели значительные метаморфозы. Произошли серьёзные изменения в ведомственной принадлежности комплексов архивных документов; были ликвидированы одни и, соответственно, созданы другие архивы; произошли большие перемены в фондировании архивных материалов. Многое изменилось в результате проведённых за эти годы работ по совершенствованию учёта, систематизации и научного описания документов и др.

Приведём некоторые примеры, подтверждающие данное наше наблюдение.

В своём «Предисловии» к книге П.П. Пекарский сообщал читателям, что им были широко использованы рукописные материалы Московского Главного архива МИД, Московского Общества истории и древностей и Архива Святейшего правительствующего Синода. Учёный изучал и документы нескольких частных архивов, в их числе коллекции И.П. Каратаева и Д.В. Поленова [2]. Все упомянутые архивы уже давно прекратили своё существование.

Кроме того, необходимо также отметить, что в этот период ещё только начиналось формирование и научное описание многих будущих фондов Архива РАН. Однако П.П. Пекарскому была предоставлена редкая возможность работать с «собраниями академических бумаг» академиков А.А. Куника, В.И. Ламанского и др. [3].

Всё это свидетельствует о том, что П.П. Пекарский имел в своём распоряжении источниковую базу, в значительной степени отличающуюся от существующей ныне, и это обстоятельство послужило тому, что результаты проведённого им исследования в чём-то могут отличаться от уже ставших ныне традиционными обобщений и выводов.

Наиболее интересный фактический материал работы П.П. Пекарского

можно, с известной долей условности, систематизировать следующим образом:

1. Сведения об активных участниках экспедиции.

2. Данные о ходе экспедиционных работ и об их результатах.

3. Материалы о деятельности Д.Г. Мессершмидта по организации экспедиции.

4. Рассказ о завершающем этапе экспедиции.

Проведённая П.П. Пекарским исследовательская работа позволила ему сделать следующий основной вывод о том, что «Д.Г. Мессершмидт является первым учёным путешественником, познакомившим свет с географией, натуральной историей и этнографией Сибири» [4].

Изложим вкратце отдельные важные, на наш взгляд, аспекты исследования П.П. Пекарского. Прежде всего, здесь приводятся некоторые сведения об активных участниках экспедиции. Отмечено, что большую помощь Д.Г. Мессершмидту оказывали шведские военнопленные, сосланные властями на жительство в Сибирь. Так, в марте 1720 г. комендантом г. Тобольска были направлены в экспедицию два пленных шведских офицера Матерн и Шенниг. Один из них «аптечное художество разумел», а другой был «в черчении и рисовании искусен» [5].

Через год, в феврале 1721 г., сибирским губернатором князем А.М. Черкасским экспедиции был передан шведский офицер И.Ф. Таборт (Ф.И. Страленберг). Позднее Д.Г. Мессершмидт называл его «своим красноречивым, прилежным, верным другом и подпорою» [6]. Известно, что И.Ф. Таборту во время путешествия удалось собрать богатый материал для составления карт Сибири. Примерно в это же время вместо заболевшего Шеннига в распоряжение Д.Г. Мессершмидта был командирован пленный унтер-офицер Канель, который мог заниматься изучением «физических и математических изменений климата и погоды» [7]. В 1721 г. в состав отряда был включён шестнадцатилетний К. Шульман, который «рисовать и чертить нарочито умел» [8].

Д.Г. Мессершмидт не знал русского языка, что делало невозможным его общение с представителями власти и местным населением. Поэтому сибирским губернатором был предоставлен переводчик П. Крац — «уроженец прусской земли» [9].

Кроме того, органами власти обеспечивалась охрана экспедиции. П.П. Пекарский отметил, что уже от Петербурга Д.Г. Мессершмидта сопровождали «два драгуна», а весной 1720 г. тобольским комендантом были предоставлены для этой цели ещё два человека — драгун А. Невчин и казак А. Курятников [10].

В архивных источниках П.П. Пекарским были выявлены интересные сведения ещё об одном участнике экспедиции. В декабре 1720 г. Д.Г. Мессершмидт «приобрёл у одного отца крестьянского мальчика пятнадцати лет за 12 рублей в кабалу навечно» [11]. Причём в январе 1724 г., видимо, по минованию надобности, этот юноша уже в Иркутске «был продан одному посадскому человеку» [12].

В работе П.П. Пекарского имеются достаточно конкретные данные о ходе экспедиционных работ и об их результатах. Так, летом 1720 г. были собраны следующие «древние вещи»: «языческие шейтаны (кумиры)», «древние калмыцкие и татарские письма», «каменные могильные образы», «великие мамонтовы кости» и др. [13]. Осенью 1721 г. в районе Абаканского острога с помощью местных охотников успешно велась добыча разных сибирских зверей, это были: олени, бобры, выдры, рыси, лисицы, куницы, соболи и др. [14]. В 1723 г. в районе Енисейска удалось найти «зелёную руду, горячую серу, морской ладан, нашатырь» [15]. В 1724 г. были найдены «монгольские, тунгусские и китайские рукописи» [16].

Из архивных документов П.П. Пекарским были также извлечены и любопытные материалы о сложном, завершающем этапе экспедиции. Известно, что в феврале 1726 г. Д.Г. Мессершмидт возвратился в Москву, а в марте — в Санкт-Петербург. В апреле того же года

была создана специальная комиссия Академии наук «для рассмотрения привезённых из путешествия предметов». Однако этот процесс пошёл очень медленно. П.П. Пекарский отметил то обстоятельство, что Медицинской Канцелярии Д.Г. Мессершмидтом была передана только часть привезённого экспедиционного материала, всего «пять ящиков и один тюк» [17]. В то же время большая часть вещей учёным была оставлена на своей квартире.

В связи с этим в октябре 1727 г. президентом Академии наук Л. Блюментростом было направлено Д.Г. Мессершмидту официальное письмо, в котором, в частности, указывалось на то, что на его квартире находится ещё двадцать «мест» багажа — разных сундуков, ящиков, баулов и др. Данным документом предписывалось «без всякого замедления предоставить Медицинской Канцелярии весь этот багаж» [18].

В своём письме, направленном на имя императора Петра II, Д.Г. Мессершмидт объяснял задержку в предоставлении всех привезённых предметов тем, что им долго готовился каталог и «статейный список путешествия». Наконец, всё было доставлено в Академию наук. В апреле 1728 г. Академией наук был выдан Д.Г. Мессершмидту аттестат, в котором указывалось, что из всех предоставленных им вещей «для Кунсткамеры были удержаны только немногие» [19].

Далее последовали долгие хлопоты учёного о получении обещанного ранее вознаграждения за экспедицию и выдаче ему положенного жалованья и паспорта. Ввиду этого Д.Г. Мессершмидт вынужден был прожить в Санкт-Петербурге ещё два года. В 1729 г. он женился. Дама эта, по выражению П.П. Пекарского, «имела живой и необузданный характер и была совершенной противоположностью преданному науке мужу». (После смерти Д.Г. Мессершмидта она вышла замуж за Г.В. Штеллера.) Скончался Д.Г. Мессершмидт в Петербурге в 1735 г.,

прожив последние годы в бедности и забвении.

Работа академика П.П. Пекарского занимает своё вполне значимое и достойное место в историографии истории экспедиции Д.Г. Мессершмидта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. 596 с.
2. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. III–IV.
3. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. VI.
4. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 350.
5. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 352.
6. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 355.
7. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 354.
8. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 354.
9. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 357.
10. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 352.
11. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 353.
12. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 359.
13. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 353.
14. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 356.
15. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 358.
16. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 359.
17. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 360.
18. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 360.
19. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 361.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД XVI века ИЗ МЕДИКО-АСТРОЛОГИЧЕСКОГО ТРАКТАТА «КНИГА О ЖИЗНИ» ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИСТА МАРСИЛИО ФИЧИНО

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раннему русскому переводу известного трактата эпохи Ренессанса «Книга о жизни» Марсилио Фичино, который до сих пор оставался вне внимания отечественных специалистов. Русский переводчик работал не с латинским текстом Фичино, а использовал немецкий перевод медико-астрологического трактата в составе сенсационного для своего времени издания — «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига. Недавно выявленный в собрании БАН список Сергея Шелонина этого сокращенного перевода содержит 288 миниатюр, которые восходят к гравюрам немецкого издания. Таким образом, он является копией с оригинала перевода и позволяет ориентироваться именно на его текст при изучении восприятия европейской эзотерической и научной традиций русской культурой XVI в.

Ключевые слова: Марсилио Фичино, «Книга о жизни», итальянский гуманизм, Иероним Бруншвиг, дистилляция, астрология, алхимия, Максим Грек, Сергей Шелонин.

В 1896 г. историк медицины Л.Ф. Змеев указал в двух своих монографиях на книгу «О дистилляции» страсбургского врача Иеронима Бруншвига (Брауншвейгский) (1450–1512) как на источник ряда русских рукописей, бытовавших под названием «Травник» [1]. Самый ранний из известных Л.Ф. Змееву русских списков этого трактата датируется рубежом XVI–XVII вв. (РНБ. Q.XVI.29), поэтому учёный вполне обоснованно предположил, что перевод выполнен в XVI в.

Русский заказчик избрал для перевода достаточно новаторский трактат, издание которого в 1500 г. стало сенсацией для медицинских и издательских кругов Западной Европы. Книга ознаменовала собой переходный этап от кустарных алхимических методов Средневековья к химическим лабораториям Нового времени; до работы Иеронима Бруншвига дистилляция не дифференцировалась как особая отрасль медицинской техники и не выделялась как раздел лекарствоведения [2]. На примере более чем

350 видов органического сырья страсбургский врач описал методы изготовления лекарственных средств путем дистилляции, снабдил свой труд многочисленными изображениями растений, животных, насекомых, ботанических садов, схематическими рисунками перегонных приборов, холодильников, печей, других приспособлений и инструментария. Трактат Иеронима Бруншвига выгодно отличался от других трудов по медицине доступным языком, занимательными отступлениями и воспоминаниями о случаях из жизни автора, историческими примерами. Не удивительно, что такая значительная и одновременно занимательная медицинская энциклопедия переиздавалась в Европе регулярно вплоть до 1614 г. [3].

Описывая содержание русских списков перевода «Книги о дистилляции», Л.Ф. Змеев кратко коснулся и состава издания: «Подлинником, с которого переведены наши рукописи,

служила “Destillirt-Buch” Иеронима Брауншвейгского, близкого ученика, если даже не профессора Салернской школы (а другое, снятое с 1-го Destillirt-Buch Marcelli Ficini), подлинник издан в пятьдесят тридцатых годах с рисунками, очень близкими к нашим, как и само содержание, оглавления и пр. Но перевод грубоват, зато рисунки наши мягче. Нужно думать, что книга также еще в XVI в. переведена у нас; но подлинник затерян, списков же было мало [...]» [4]. Таким кратким замечанием Л.Ф. Змеев указал на присутствие труда Марсилио Фичино в составе «Книги о дистилляции», которая была переведена на Руси, и назвал его Destillirt-Buch, хотя подобного сочинения у флорентийского гуманиста нет. Эта недоразумение объясняется тем, что в XVI в. авторитету Фичино приписывали алхимические и медицинские сочинения, в том числе о дистилляции (это было тем более убедительно, что в своих сочинениях и письмах философ касался этой темы). В распоряжении Л.Ф. Змеева, по-видимому, было одно из тех изданий Бруншвига, которые выходили в отредактированном виде уже после кончины автора-составителя; в них, в частности, последние две части с описаниями рецептов на основе дистиллированных лекарств и алхимических составов типа «quinta essentia», «aurum potabile» печатались под колоннотитулом «Das drit Buch Marsilij Ficini» (см., например, издание 1521, 1537 гг. и др.). Краткое упоминание Змеевым о Фичино в контексте немецкого медицинского трактата не привлекло внимание исследователей, и вопрос о существовании древнерусского перевода какого-либо труда известного итальянского гуманиста никогда не ставился.

Иероним Бруншви́г, начиная со второго издания 1505 г., включал в состав своей «Малой книги о дистилляции» две части популярного медико-астрологического трактата Марсилио Фичино «Книга о жизни». И после кончины страсбургского врача обе части всегда

входили в состав его изданий. То, что практикующий медик поместил книгу флорентийского философа в контекст своего труда, без сомнения, свидетельствует о разделении им достаточно оригинальных взглядов Фичино на здоровье человека и его взаимосвязи с космосом.

Марсилио Фичино (1433–1499) — итальянский философ и переводчик, создавший во Флоренции под покровительством Лоренцо Великолепного и других Медичи многочисленные труды, в которых пытался всячески примирить античную философию или «древнюю теологию» (prisca theologia) с учением католической церкви. Фичино принадлежат прокомментированные переводы собрания сочинений Платона, «О мистическом богословии» и «О божественных именах» Псевдо-Дионисия Ареопагита. Увлечение идеями Платона и его последователей о связи между устройством космоса и функционированием человеческого организма привело Фичино к собственным концепциям в областях эзотерики, астрологии, оккультной магии и мистики. В своих работах он стремился доказать единство тела и духа на метафизическом уровне. Согласно антропологии и космологии Фичино, дух мира (spiritus mundi) — это всепроникающая сила, которая отражается в мире вещном и взаимодействует с человеческим духом; как высшие миры влияют на низшие, так и spiritus связывает все на земле с надмирными сущностями. При этом у Фичино «spiritus» может употребляться и во множественном числе: spiritus божественный, небесный, ангельский, человеческий, животный, растительный, элементарный. Дух может быть и медицинским, то есть исцеляющим, — это тоже одна из составляющих вездесущих космических связей. Поэтому вопросы здоровья, телесного и душевного, которым занимаются врачи, обусловлены, согласно Фичино, нашими связями с этим духом, а, следовательно, никакое врачевание невозможно

без согласования действий с высшими мирами: звездами, планетами, ангельскими и божественными сущностями. Спекуляциями в неоплатоническом духе Фичино пытался связать свое понимание духа и души мира с темой здоровья духа человеческого, то есть с христианским понятием Спасения [5].

Подобные взгляды Марсилио Фичино не разделяли многие его современники, в том числе и его друг, знаменитый философ Пико делла Мирандола. В своем монументальном труде «Рассуждения против прорицательной астрологии» оппонент Фичино объясняет причины успеха астрологии и противоречивости всех её принципов христианству и «доказывает, что за влиянием светил скрывается не детерминированное определение судьбы человека, а лишь физическое воздействие» [6]. В это же время внимательно следил за деятельностью Фичино в области эзотерики и флорентийский архиепископ Антонин, впоследствии канонизированный: он настоятельно советовал Фичино подчинить изучение сомнительных предметов нуждам христианского просвещения [7]. В большой степени взгляды Фичино как теоретика астрологической медицины и представителя «спиритуальной» или «натуральной» магии выражены именно в «Книге о жизни» [8].

«Книга о жизни» состоит из трех одновременно созданных частей, опубликованных как единое целое в 1489 г.: «О здоровой жизни» (*De vita sana*), «О долгой жизни» (*De vita longa*), «О стяжании жизни с небес» (*De vita coelitus comparanda*). Первая книга посвящена обсуждению здоровья тех, «кто усердствует к ученым занятиям», и содержит цитаты из античных авторов (Демокрит, Гераклит, Платон, Аристотель, Плутарх и др.), медицинских и астрологических трактатов (Авиценна, Гипократ, Гален, Серапион и др.), описание симптомов различных заболеваний, которым, по мнению Фичино, подвержены люди интеллектуального труда (меланхолия, избыток или дефицит разных видов желчи и др.) и способов их

излечения с учетом знаний о связи между способностями человека и космическими явлениями (восход и заход Солнца, движение Луны и планет, расположение звезд и т.д.). Вторая часть «О долгой жизни» посвящена геронтологическим проблемам: описанию состояния и характерных заболеваний пожилых людей, рекомендациям по созданию необходимых условий для украшения и продления их жизни, устройению домов престарелых, режиму, диетическим, гигиеническим предписаниям. При этом в каждой главе подробно сообщается, как именно надо согласовывать изготовление лекарств и их применение со свойствами планет, о которых говорится как об одушевленных существах, что вообще характерно для философии Фичино, упоминаются греческие боги (Апполон-Феб, Зевс, Минерва, Дионис и др.) в качестве покровителей разных видов деятельности человека и его способностей, чьи функции тоже следует учитывать при создании необходимой для долголетия атмосферы, и т.д.

Третья часть, в которой наиболее выражены неоплатонические воззрения Фичино, посвящена магическим практикам, описанию и объяснению понятия духа (*spiritus*) мира, лучи которого влияют на материю и души людей (а потому их следует привлекать заклинаниями и специальными манипуляциями, предметами типа талисманов и т.д.), способностью духа мира порождать любые явления (землетрясения, эпидемии), свойствам планет, в том числе благоприятных, сочетание которых определило, согласно его выкладкам, рождение Христа. Эта часть не была помещена Иеронимом Бруншвигом в состав «Малой книги о дистилляции».

К настоящему времени известно четыре списка XVII в. и четыре XVIII в. [9] с русским переводом «Книги о дистилляции» или фрагментами из него. Только в двух из них читается перевод из «Книги о жизни» Марсилио Фичино. Это известный еще Л.Ф. Змееву список *in quarto* РНБ, Q.VI.7 и недавно выявленный

список перевода in folio в собрании Отдела рукописей Библиотеки Академии наук — Основное собр. 17.4.12 [10]. К созданию обеих рукописей, которые бытовали под названиями «Травник» и «Лицевой Травник», причастен выдающийся русский книжник, редактор, эрудит Сергей Шелонин (нач. XVII в. — ок. 1664 г.). Известно, что он всегда работал с самыми значительными редакциями переводных памятников и авторитетными списками, принадлежавшими известным церковным деятелям или ими созданными [11]. Список БАН 17.4.12 на 355 листах содержит 288 рисунков, 4 оглавления к разным частям переведенного трактата Иеронима Бруншвига и 5 предметно-тематических указателей ко всем статьям. То, что рисунки списка БАН 17.4.12 восходят в большинстве своем к гравюрам «Малой книги о дистилляции», позволяет считать список БАН (1620-е гг.) копией либо с рукописи переводчика, либо с очень близкого к нему по времени списка. Подобные иллюстрированные списки перевода книги Иеронима Бруншвига к настоящему моменту не известны. Таким образом, содержание двух «Травников» Сергея сохранили в наибольшей полноте русский перевод книги Бруншвига, включая сочинение Марсилио Фичино.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что имя автора «Книги о жизни» осталось неизвестным русской аудитории, впрочем, как и имя Иеронима Бруншвига: в русских списках они отсутствуют. Первая часть трактата Фичино — «О здоровой жизни», посвященная рассуждениям о здоровье учёных мужей, не была переведена ни в каких фрагментах. Вторая часть — «О долгой жизни» была переведена частично. Что касается личности переводчика, взявшегося за перевод «Книги о дистилляции» вместе с трактатом Марсилио Фичино, то, как убедительно доказал в своей работе известный военный медик и историк медицины Н.А. Богоявленский, им был профессиональный врач, прекрасно владеющий латынью и немецким, а также медицинской

терминологией, в том числе и русской народной; он давал адекватные соответствия названиям болезней на разных языках, грамотно подавал картину клинических явлений и патогенеза [12].

Из двадцати глав второй части «Книги о долгой жизни» Фичино были переведены, а также изложены в пересказе главы с 8-й по 14-ю. В качестве предварительного наблюдения можно отметить, что русский переводчик очень умело смог избежать значительную астрологическую составляющую трактата Фичино путем сокращения, пересказа или пропуска фрагментов оригинала и заимствовать исключительно то, что его (а также заказчика перевода) очевидно интересовало: вопросы сохранения здоровья и украшения досуга пожилых людей, продления им жизни, рекомендации относительно диеты, гигиены и поддержания душевного тонуса.

Начинается перевод из «Книги о долгой жизни» Фичино небольшим подзаголовком: «**Иная беседа и повесть**». Текст, размещенный далее, соответствует главе 8-й «О диете на каждый день. Порядок приема» («Von den Dieten von Tag Satzungen. Das ist von Ordnung der Speiss»). (Здесь и далее цитаты из книги Иеронима Бруншвига будут даваться без изменений в соответствии с изданием 1521 г.) Переводчик сократил текст этой главы более чем наполовину: он изъясил все астрологические рассуждения типа «Венера советует», «согласно Сатурну», упоминания «астрономии», «философа Демокрита» и оставил только практические советы. Здесь, как и во всей книге, реалии были русифицированы, например, немецкая мера массы «лот» (lot = 12,8 г) была переведена в русские «золотники» (1 лот = 3 золотника). В этой главе Фичино предлагает рецепты изготовления тонизирующих напитков для поддержания «естественной теплоты» тел мерзнувших стариков и сохранения необходимого количества влаги в организме, — это смеси из дорогих составляющих: миндаля, имбиря, кедровых орехов, шафрана

и других трав, сваренных с сахаром, — которые следует принимать несколько раз в день. Но, как отмечает Фичино и вслед за ним переводит русский врач, есть и лучшее средство: «лучше есть вина фряжского тонкого, чисто испити».

Глава 9 о воздействии «благовонных трав» на деятельность сердца переведена практически без купюр. Ее название соответствует немецкому оригиналу: **«Беседа о естестве спесьеруен арамадум и кордиялиумь. Сиречь о зеляхь благовонных, кои и о тех зеляхь, кои сердцу пристоят старым людем»** (ср. нем: «Capitel sagt die Natur der specereien Aromatum und Cordialium die aller Notürfftigest sein, wie da sein sol der alten Speiss»). В главе рассматриваются в основном рецепты, в состав которых входит трава «миробалан» (или плоды индийского миндаля, используемые в медицине и по сей день), а также ароматические вещества на основе сандала, розы, «инбиря», «салвиевой травы», «финикловой травы» и др. Русский переводчик выборочно отнесся к медицинским авторитетам: он оставил ссылку на неизвестного ему «Исаака, искусного доктора», сохранил «ученый же Ависена, искусен в том, свидетельствует», но опустил «Диоскорид говорит».

Глава 10 посвящена золоту как обязательному составляющему рациона пожилых людей: **«Беседа о злате и о злате сусалном и тако злато старых людей питает и естество их укрепляет»** (в немецком оригинале: «Das X Capitel sagt von dem Gold und von dem edelen Guldnen Auffenthaltungen der alten Menschen»). В этой главе описаны способы растворения золота при термическом и химическом воздействиях и добавлении его, вместе с другими ингредиентами, в пищу. Фичино советует при определенной картине неба добавлять несколько унций (нем. «лотов») золота в напиток, который, по его словам, становится «золотым вином», чрезвычайно полезным для желудка (русский переводчик оставляет распространенный алхимический термин «аурум потабиле»). Фичино указывает

на то, что приготовление полезной еды должно происходить при благоприятном расположении звезд, а также наибольшее внимание уделяет влиянию Солнца и Юпитера на процессы жизнедеятельности. Русский переводчик оставляет «особну силу солнечную», но Юпитера заменяет на «дух животный» и приравнивает к Солнцу: «Понеже злато солнечным обхождением средостно естество все собирает, <...> понеже особна сила солнечная — дух животный есть, розплодит по всему телу силу свою». Русский врач переводит названия созвездий, которые были известны на Руси с появлением переводной книжности: «Собирай те травы, егда луна во Льве или во Овне или во Стрельце». В этой главе связь между алхимией и астрологией очевидна, но в русском переводе текст превратился в перечень способов приготовления лекарств на основе золота и трав для пожилых людей без каких-либо астрологических «программ», но с астрономическими сведениями.

Глава **«Беседа, отчего старые люди живот свой укрепляют»** является выдержкой из главы 11-й Марсилио Фичино «Das XI Capitel sagt von dem Gebrauch von Milch und des menschlichen Bluts zu Leben der Alten» («Об употреблении молока и человеческой крови для жизни пожилых людей»). Переводчик, как видно, полностью изменяет название. Эта глава прошла значительную цензуру. Именно в ней появляются впервые комментарии переводчика, которые указывают на преднамеренные пропуски при переводе из Фичино; сразу после названия главы читается комментарий от первого лица: «Много zde преступаю для несогласия словес». Далее переводчик следует оригиналу: «Часто такое бывает, что после семидесяти или шестидесяти трех лет древо человеческое, то есть тело, влагу теряет и древо пресыхает», — и приводит рецепты для пожилых людей («подобает питати старость, аки младых отроков различными млеками»). Русский врач переводит достаточно точно и последовательно

с немецкого оригинала, пока не доходит до места об употреблении с целью омоложения человеческой крови, а точнее — детской: «<...> Раз уж ведьмы сосут кровь, то почему бы не сосать детскую кровь и старикам, если мальчик здоров, весел и согласен? Они должны сосать её, как это делают пиявки, из сосудов левой руки. <...> Этому ребёнку следует после такой процедуры сразу давать сахар и вино. И делать эту процедуру при прибывающей луне» (рис. 1). (Благодарю Софию Ремоновну Хоробрых и Николая Александровича Бондарко за помощь в переводе этого отрывка.)

Русский врач полностью изымает этот фрагмент, оставляя для читателей (или заказчика) такое объяснение: «Зде же престувлено с половину листа для несогласия словес». Интересно, что в обоих списках этот комментарий выделен кинварью, что, скорее всего, было скопировано из рукописи переводчика XVI в. Пропустив фрагмент о крови человеческой, переводчик излагает далее об употреблении свиной крови с вином для примочек на желудок при внутренних заболеваниях, а также об употреблении ее при «укушении бешеной собаки». В конце главы итальянский гуманист вновь напоминает о желательном употреблении человеческой крови и вновь русский врач-переводчик опускает этот фрагмент, оставляя комментарий того же типа: «А зде иные строки перестувлены для несогласия». Слово «несогласие» употреблено в своем основном значении — то, что «не согласуется», «находится в противоречии», «лишено ясности» [13].

Глава «**О строении храмин, где подobaет пребывати старым людям, и чем им питатися и чем врачеватися**» соответствует главе 12-й Марсилио Фичино «Von der Ordnung und Gewohnheit der alten menschen, ihr Tagsatzung und Wohnung» (О режиме и привычках стариков, их диете и жилищах). Глава содержит рекомендации о содержании «храмин» (жилищ) пожилых людей, создании им здоровых условий для жизни, чтобы они

не потеряли бы память и чтобы от чрезмерного употребления пищи и «брашен» не усугубилась бы их дряхлость, и «не потюмили» бы своим «безсильством» своих родных. Глава содержит очень трогательные зарисовки ухода за стариками, которые «как овечки» нуждаются в тепле зимой, а летом — в прохладе, рекомендации о поддержании санитарно-гигиенических норм в их жилищах, которые можно назвать идеальными домами для престарелых, где звучит музыка и где с ними гуляют и общаются молодые и здоровые, доброжелательные люди: «старые ко младым привыкнут и уныние свое забудут». Эта глава переведена полностью, включая упоминания о «целомудренных» Сократе и Платоне, которые и были, по словам Фичино, авторами идеи окружать стариков молодым поколением.

Название следующей главы «**Беседа, кое написано есть о зелейной силе, коя сила травамъ дана от Б(о)га**» никак не коррелирует с названием на немецком: «Das XIII Capitel sagt was Hilft die alten manschen von den Planeten entpfahen zu erquickken und zestercken alle Glider». И это объяснимо: название соответствует главному посылу главы — астрологическим выкладкам флорентийского астролога-философа о помощи планет. «Юпитер», «Венера», «Сатурн», «бог Апполлон» читаются буквально в каждом предложении с указанием того, как они взаимодействуют с человеком и что они «рекомендуют» выполнять, чтобы их влияние было положительным: какие травы в какой период собирать, как из них готовить напитки для пожилых людей. Русский переводчик достаточно остроумно в одном обороте пересказывает основной посыл Фичино о влиянии космоса на излечение, при этом добавив от себя «сила от Бога», чего не было в оригинале, см.: «коя сила травамъ дана от Бога и от двизанию небеснаго есть и по обхождению аерному и по планитову, обаче достоить старымъ людем елинского мудреца последовати». А «еллинским мудрецом», которому надо последовать, становится под пером

русского переводчика Аполлон: «Gott Appollonus» превращается в «Апполона — первого начальника и составленника зелиямъ и врачеванию». Интересная характеристика, отсутствующая у Фичино, дана Бахусу, он становится всего лишь специалистом по изготовлению вина: «Бахус же первое начальникъ есть обретанию, как вино присаживати, понеже то вино есть оживление и питание телу дряхлым людем, воистинну смыслъ и остроумие вино наводитъ». Вне контекста всех идей трактата Фичино Юпитер, Сатурн, Зевс выглядят здесь домашними врачами, которые дают добрые советы относительно травяных зелий: нигде не упоминаются они как «боги» или «планеты», хотя, безусловно, о том, что они обозначают, и переводчик, и читатели знали. В остальном переводчик следует тексту дословно: «по Фебову учению емлем мумию и мясо гусей печеных», «Апполин восхвалил Сократа, мудрейшаго в лечебнице всех греков», «Завес повелевает взять копрей да травы “еленя языка”», «Сатурнос же к тому повелевает прибавити кишницеу единого предиреченные зелия», «Венус повелевает прияти сподиум да сикориеву траву <...> ко укреплению селезенному». При этом переводчик не забывает по-прежнему русифицировать реалии: «Но Юпитер повелевает к тому взять кринь полскою, но не тот кринь, который на Руси растет, но крин, которой латынове называют “лилию”», «Но к весельству ко укреплению сердечному приемлем <...> тритрариеву траву, или мелисову, или мелисолову, а ту траву немцы имянуют крут, также и шафран».

Можно говорить о том, что переводчик закамуфлированным образом попытался донести до русского медицинского сообщества и любопытствующей общественности конца XVI в. не поощряемые в православной культуре астрологические «мудрствования», но все же, учитывая большие лакуны при переводе и абсолютную «смазанность» астрологической картины, с воодушевлением написанной Марсилио Фичино (от которой ничего,

кроме названий планет и имен античных богов не осталось), сведения подобного рода переводчика, как кажется, не особенно интересовали. Стоит повторить, что он, действительно, был максимально внимателен именно к приготовлению лекарственных средств и там, где невозможно было избежать чуждые православной традиции имена и названия (а переводчик умело пользовался этим приемом), оставлял их, превращая в «начальников» и «мудрецов», но главная идея Фичино, к которой философ подводит во второй книге — о «лучах», «spiritus mundi» и влиянии космоса, — не отразилась в переводе. Скорее даже, переводчика интересовала более химическая или алхимическая, нежели астрологическая составляющая трактата Фичино, что очень согласуется с выводом Н. А. Богоявленского о том, что «Книгу о дистилляции» переложил на русский опытный, практикующий врач, нуждающийся в технологии приготовления зелий из подручных средств. В конце главы Фичино использует свой обычный приём для примирения астрологии с христианством и после описания функций богов и планет переходит к молитве Господу, которая полностью передана в русском переводе: «И мним себе, что лечба польза есть телу человеческому, но еже Всемогущему Создателю Богу помолимся да предиреченным травам силу воздаст, и тако Его щедростию и силою избавляеми бываем от недугов прилучающихся».

«Иная Беседа, в коей речется о безсилли старых людей, како подобает их прохладити в месте прохладном по различным вертоградом по учению Венисову» соответствует главе 14-й Фичино «Über die grünen Garten Wisen und Matten» (рис. 2). Эта глава посвящена описанию приятного досуга пожилых людей, которым необходимо гулять по «дебрем» и «вертоградом», где травы растут, «понеже благовоние оживляет дряхлость и естество их укрепляет» и где «тело обвеселитца». Эту главу можно назвать даже медико-поэтической, наиболее часто

здесь употребляется слово «веселит», «обвеселят», — такому состоянию способствуют запахи и красоты земного мира: не только аромат розы, шафрана, фиалки, созревшего винограда во время утренней росы или на вечерней заре поднимают настроение человеку, но и само лицезрение зелени «нрав человеческой прохладит» и «зрак острит, очем светлость наводит» (то есть улучшит зрение). Фичино и здесь предлагает множество рецептов для сохранения здоровья и долголетия: «Тем же старым людям подобает держати во рте листвие салвиевы травы и тако зубы их укрепляются», «Тем же повелеваем прохладжати по ручейкам и по рекам и тако водяное естество из очей волгость вытянет». Глава переведена подробно, без отступлений.

Еще две главы, представляющие собой компиляции из разных фрагментов глав второй части «Книги о жизни» Марсилио Фичино, требуют дополнительного исследования.

В качестве предварительного вывода можно сказать, что трактат Фичино в сокращённом и переведённом виде утратил некоторую тайнозрительскую загадочность и пафос доступного лишь избранным знания о высших сферах: он стал домашним справочником по медицине, к некоторым практическим советам которого стоит прислушаться, как и изучить на его основе свойства имеющихся под рукой трав.

Крайне отрицательное отношение к астрологии в православной культуре ярко выразил в своих посланиях Ф.И. Карпову, Николаю Булеву-Немчину и нескольких Словах против «звездочетцев» преподобный Максим Грек [14], старец Афонской горы, вызванный для sprawy в Москву Василием III (1518 г.), а в начале своего поприща увлекавшийся гуманистическими идеями и бывший новицием в монастыре св. Марка во Флоренции (1494–1498 г.). Максим Триволис находился под огромным влиянием приора своего монастыря, выдающегося проповедника и обличителя общественных

пороков Джироламы Савонаролы, присутствовал на аутодафе, о чем написал позже в «Повести страшной и достопамятной». По мнению исследователей, Максим Грек не мог не знать о спорах вокруг астрологии, которые захлестнули в это время итальянских гуманистов, принимавших участие в философских вечерах «Флорентийской платоновской академии», к которой в первую очередь имел отношение Марсилио Фичино. Максим Грек оставил достаточно скептический отзыв об «училищах италийских» и составляющих доказательной базы философов-гуманистов, а значит, имел представление о происходивших на разные темы дебатах: «И никакая в них догма крепка нещуется, ни человеческая, ни божественная, аще не аристотельские силлогизмы тем утвердят сию догму» [15]. По всей видимости, Максим Грек был знаком с антиастрологическими трудами Савонаролы и его последователя Пико делла Мирандолы, а, возможно, и с самими астрономическими сочинениями друга Пико — Марсилио Фичино. Некоторые цитаты из Фомы Аквинского Максим Грек мог воспроизводить по памяти благодаря знакомству с сочинениями Савонаролы против астрологии, который, в свою очередь, использовал положения, высказанные Пико делла Мирандола [16]. С какими именно трудами по астрологии имели дело адресаты критических посланий Максима Грека, определить трудно, пока известен лишь распространяемый Николаем Булевым альманах с предсказаниями на 1524 г., но стоит иметь в виду, что к этому времени на Русь уже попадают западноевропейские медицинские трактаты, поскольку иностранные врачи, с конца XV в. прибывающие на службу к великим князьям московским, привозили с собой специальную литературу [17]. Первый перевод на русский язык европейского медицинского трактата состоялся к 1534 г. — так называемый Травник Николая Булева, готовившийся по распоряжению митрополита Даниила для Василия III (оригинал:

Johannes von Cube. Hortus sanitatis. Lubeck, 1492). Вряд ли это был первый известный и единственный европейский медицинский трактат на Руси вплоть до конца XVI в. Как видим, в составе медицинских справочников могли быть и астрологические сочинения, подобные «Книге о жизни» Марсилио Фичино: именно этим простым путем астрологические и эзотерические знания могли проникать в древнерусскую читающую среду. Таким образом, можно ставить вопрос и о том, не оказался ли в России медико-астрологический труд Марсилио Фичино в составе ранних изданий Иеронима Бруншвига уже в начале XVI в. и не осуждал ли Максим Грек известные ему еще со времен жизни во Флоренции астрологические идеи именно этого сочинения.

Итак, перевод на русский язык нескольких глав медико-астрологического трактата Марсилио Фичино «Книга о жизни» был осуществлен, скорее всего, в последней четверти XVI в., практически через сто лет после первого издания (1489 г.) и через пятьдесят лет после

разоблачительных Посланий на «прорицательную» астрологию Максима Грека. Судя по тому, что самый ранний (но не полный) список «Книги о дистилляции» Q.VI.29 датируется, как уже говорилось, рубежом XVI–XVII вв., то перевод следует датировать XVI в. (Более подробной аргументации на основании дополнительных сведений, читающихся в записях на рукописях, будет посвящено отдельное сообщение.) Из двух частей известного и популярного в Европе трактата в России оказались востребованными только главы, посвященные геронтологическим проблемам, в основном — способам изготовления снадобий для пожилых людей и уходе за стариками. Загадочным остается то, что русский перевод сохранился только в списках Сергия Шелонина. Возможно, это означает, что, как и в других случаях с получением соловецким книжником доступа к лучшим спискам из библиотек первых лиц государства, Сергей стал обладателем оригинала перевода в качестве участника еще одного какого-то важного книжного проекта своего времени.

men nachtfaren od heckren od daz schenle
gnant werden fugen das blüt der lüge kin
der / off das sie in den kerffren wider langē
Warumb dan auch nit vnser alten / so vō
aller hilff verlassen vnd enzüit seint sollen
fugen das blüt einß langen der anders dz
gern wil thün oder willig ist vnd gesund /
frisch / frölich vnd temperiert / Vnd der
auch das aller best blüt hab / vnd des vil
leicht zeuil . Darumb so sollen ste das sugē
als die eglen vñ der adern des linckē arms
so kum recht offen ist zwel lor od vier Aber
als bald darnach sollē sie innemē so vil zuck
er / vnd auch so vil wein / vnnnd das thün
die weil der mon zū nimpt oder wechset.

Рис. 1. Фрагмент о желательном употреблении крови детей с целью омоложения из главы 11-й второй книги Марсилио Фичино «О долгой жизни» (в составе издания «Книга о дистилляции» Иеронима Бруншвига (Страсбург, 1508): «[...] Раз уж ведьмы сосут кровь, почему же наши старики, будучи оставлены безо всякой помощи и имея заболевания, не должны сосать кровь ребенка, который с охотой желает и согласен это сделать, и здоров, свеж, радостен и подготовлен, и который имеет наилучшую кровь, и даже, возможно, с избытком? Поэтому они должны сосать ее как пиявки из едва вскрытой вены левой руки, два лота или четыре. Однако сразу после этого детям следует дать столько же сахара и столько же вина. И следует делать эту процедуру при прибывающей луне»

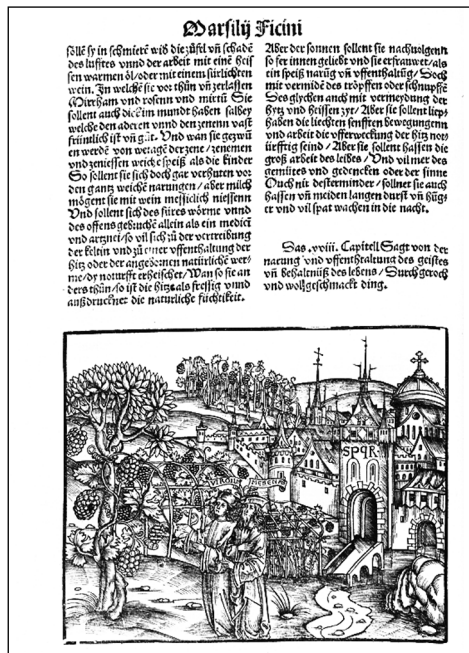

Рис. 2. Иллюстрация ко второй книге Марсилио Фичино «О долгой жизни». (В составе издания «Книга о дистилляции» Иеронима Бруншвига (Страсбург, 1508)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Змеев Л.Ф.* 1) Русские учебники: Исследование в области древней учебной письменности. СПб., 1895 (На обл. 1896 г.). С. 101–113; 2) Чтения по учебной истории России. СПб., 1896. С. 91.

2. *Sigerist H.* Hieronymus Brunschwig and His Work: A Fifteenth Century Surgeon. New York, 1946. P. 14–17; *Reginald B.* Hieronymus Brunschwig's «De arte distillandi» and the technical language of distillation // *Fifteenth Century Studies*. 1985. Vol. 11. P. 7–22; *Taape T.* Distilling reliable remedies: Hieronymus Brunschwig's *Liber de arte distillandi* (1500) between alchemical learning and craft practice // *Ambix*. Vol. 61. № 3. August. 2014. S. 236–256.

3. Иероним Бруншви́г первую свою книгу о дистилляции 1500 г. назвал «Малой книгой» (*Liber de arte distillandi de simplicibus*. Das Buch der rechten Kunst zu distillieren die einzigen ding von Hieronymo Brunschwigk. Strassburg: J. Grüninger, 1500). В 1512 г. вышла его «Большая книга о дистилляции» (*Liber de arte distillandi de compositionis...*). Обе книги переиздавались регулярно в Страсбурге и Франкфурте-на-Майне в 1505, 1508, 1515, 1519, 1521, 1528, 1531, 1532, 1537, 1538, 1551, 1552, 1554, 1555, 1560, 1597, 1610, 1614 гг., а также в переводе на другие языки: в Брюсселе в 1517 г., Лондоне в 1527 г., в Ольмюце в 1559 г.

4. *Змеев Л.Ф.* Русские учебники. С. 108.

5. *Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008; *Горфункель А.Х.* Флорентийская платоновская академия. Сочинения Фичино // *Философия эпохи Возрождения* / А.Х. Горфункель. М., 2009. С. 77–91; *Акопян О.Л.* 1) Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV — начала XVI века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 10–80; 2) Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // *Диалог со временем: Альманах*

интеллектуальной истории. № 49. 2014. С. 66–88; *Гурьянов И.Г.* Платоническое учение о «брачном числе» и его рецепция Марсилио Фичино // *Вестник Российского Университета Дружбы народов. Сер. Философия*. 2015. № 3. С. 41–51.

6. *Акопян О.Л.* Споры об астрологии. С. 31.

7. *Иванова Ю.В.* Марсилио Фичино // *История литературы Италии*. Т. 2. Возрождение. Кн. 1: Век гуманизма / отв. ред. М.Л. Андреев. М., 2007. С. 370.

8. См. подробнее: *Zanier G.* La medicina astrologica e la sua teoria: Marsilio Ficino e i suoi critici contemporanei. Roma, 1977 (Universita Instituto di Filosofia, N 5); *Beierwaltes W.* Marsilio Ficinos Theorie des Schönen im Kontext des Platonismus: Vorgetragen am 28 Juni 1980. Heidelberg, 1980; *Гурьянов И.Г.* Первая книга медико-астрологического трактата «О жизни» Марсилио Фичино в контексте исследований философии Возрождения // *Платоновские исследования*. № 3. 2015 (2). М.; СПб., 2015. С. 147–197.

9. Списки XVII в., указанные Л.Ф. Змеевым : РНБ, Q.VI.29 (рубеж XVI–XVII вв.), Q.VI.7 (вторая половина XVII в.); Q.VI.26; списки XVIII в. : Вяз. 105; Q.VI.3 (вторая половина XVIII в.), Q.VI.13. Лицевая рукопись из собр. Вяземского, F.105 ныне утрачена, см. о ней: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 109–110; ещё одна рукопись этого перевода РНБ F.VI.13 названа в работах: *Уткин Л.А., Гаммерман А.Ф., Невский В.А.* Библиография по лекарственным растениям. М.; Л., 1957. С. 34; *Коваленко К.И.* Сказание о пропущении вод : особенности перевода, списки, редакции // *Рябинские чтения — 2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. Петрозаводск, 2015. С. 486–187.

10. См. о рукописи РНБ Q.VI.7: *Коваленко К.И.* Сказание о пропущении вод. С. 487; о двух Травниках Сергия: *Сапожникова О.С.* Лицевой Травник Сергия Шелонина : список с перевода русского

врача XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2016. № 14. С. 12–34.

11. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М. ; СПб., 2010.

12. Богдавленский Н.А. 1) Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960. С. 72–83.

13. См. статьи «Несогласие», «Несогласный» : Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1988. С. 198–299.

14. Иконников В.С. Максим Грек и его время : Историческое исследование. Киев, 1915. С. 260–306; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 87–101; Бибииков М. В. Византийские астрономические и астрологические системы и их рецепция на Руси (по рукописным материалам) // Вторые чтения проф. Николая Федоровича Каптерева (Москва, 28–29 октября 2004 г.) : материалы. М., 2004. С. 3–7; Журова Л.И. Авторский

текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Ч. 1 / научн. ред. ак. РАН Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2008. С. 233–249.

15. Синицына Н. В. Максим Грек в России. С. 85.

16. Акопян О.Л. Споры об астрологии. С. 355–357. См. также: «Интересное совпадение между Пико, Савонаролой и Максимом обнаруживается в оценке фигуры Аристотеля. Пико утверждает, что “Платон и Аристотель, главнейшие философы, считали ее (астрологию. — О.А.) недостойной упоминания в своих трудах, осудив ее молчанием больше, чем другие — словами и писаниями”. Савонарола вторит ему в самом начале второй книги своего трактата. И почти идентичную формулировку мы встречаем у Максима Грека» (Акопян О.Л. Споры об астрологии. С. 58).

17. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 7–50.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ С СОЧИНЕНИЯМИ ПИСАТЕЛЕЙ-СТАРООБРЯДЦЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века

АННОТАЦИЯ

В статье представлены методологические принципы научного описания рукописей с сочинениями писателей-старообрядцев второй половины XVIII в. Предпринята попытка выявить особенности старообрядческой книжности этого периода. Рассматриваются проблемы, возникшие при описании, и способы их преодоления.

Ключевые слова: рукопись, старообрядческая книжность, рукописное собрание, археография.

Рукописи с сочинениями писателей-старообрядцев второй половины XVIII в. являются предметом описания 3-го выпуска продолжающейся серии научных описаний «Сочинения писателей-старообрядцев» [1, 2]. Тематический принцип ставит перед автором описания ряд задач, которые в полной мере отвечают генеральной цели — раскрыть для исследователей богатейшие фонды старообрядческих рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН).

Из корпуса выявленного материала были отобраны рукописи с догматическими и полемическими сочинениями, отражающие основные вехи старообрядческой книжности, имеющие не только литературную, но и источниковедческую ценность. За столетие существования раскола идеологами старообрядчества разных согласий была разработана мировоззренческая парадигма, обосновывающая духовные и богослужебные практики. Среди поморских авторитетов на первый план выходят Тимофей Андреев, Иван Алексеев, Иван Васильев, Г. Романовский (Корнаев), главой федосеевского согласия становится наставник Преображенского кладбища в Москве И. Ковылин, яркой личностью филипповского согласия был А. Балчужный, идейным

вдохновителем старообрядцев-странников стал старец Евфимий. В поповщине жаркая полемика разгорелась между старообрядцами Рогожского кладбища, от имени которого выступал Сергей Иргизский, и иноком из Стародубских монастырей Никодимом. Творческое наследие этих писателей составляет основу включённых в описание сочинений писателей-старообрядцев второй половины XVIII в.

Содержание выявленных рукописей позволило по-новому его систематизировать. Отказавшись от хронологической структуры прежних выпусков, мы распределили описанные рукописи на две части: в первую часть вошли рукописи с сочинениями, авторство которых удалось установить, во вторую — сочинения пока анонимные. Более столетия назад В.Г. Дружининым была предложена именно такая систематизация репертуара старообрядческих сочинений, которая до сегодняшнего дня является почти единственным в своем роде полным справочником-указателем [3].

Во второй половине XVIII в. старообрядческое сообщество переживает сложные процессы внутреннего дробления, сведения об этом мы можем получить иногда лишь из материалов

переписки духовных предводителей старообрядчества. Поэтому наряду с догматическими и полемическими произведениями выявлялись и сборники эпистолярных сочинений. Особую ценность при отборе материала представляют рукописи с автографами авторов или писцов. Устойчивым правилом для научного описания книжности старообрядцев становится расположение материала описания: от полного и раннего списка сочинения к сокращенным и поздним его редакциям.

Изучение отобранного материала позволило сделать некоторые наблюдения о специфике старообрядческой книжности второй половины XVIII в. Прежде всего, отметим сохранение прежних литературных приёмов: создание компиляций, приверженность стилю изложения в форме «вопросов и ответов» и «обличений». Продолжают свое развитие оформительские приёмы рукописной книги. Наряду с выговской орнаментальной стилистикой активно формируется художественный комплекс книжного искусства в Гуслицах и Стародубье. Выявление примет той или иной оформительской традиции при отсутствии других указующих признаков позволяет предположить территориальное происхождение рукописи.

К новым явлениям старообрядческой книжности можно отнести возрастающую популярность сборников и, в особенности, тематическую направленность их комплектования. Сборники, содержащие оригинальные сочинения, можно условно разделить на 5 различающихся по составу типов:

1) полемико-догматическое сочинение с добавлениями выписок из древнерусского (достарообрядческого) репертуара, тематически тесно связанных с основным сюжетом сочинения;

2) сборник из двух и более сочинений одного автора;

3) подборка тематически согласованных сочинений и выписок разных авторов;

4) подборка копий писем и посланий;

5) редко встречающийся, получивший в научной литературе название «сборник подготовительных материалов» [4].

Так как большое количество текстов нами было выявлено в списках XIX в., то предложенная типологизация в равной мере распространяется и на более позднюю книжную рукописную традицию.

При описании рукописи максимально учитывались её кодикологические особенности, которые помогли в дальнейшем отождествить её происхождение с определенным старообрядческим книжным центром (писцовые записи, почерк, читательские пометы, декор переплета, оформление рамок и инициалов). На современном этапе исследований об орнаментике старообрядческой рукописной книги чётко определены лишь характерные черты книгописной традиции выговских мастеров-художников и писцов, представлены образцы почерков поморских писателей и переписчиков [5, 6]. Формируется представление о комплексе художественных приёмов гуслицких книжников. Особенности книжной культуры Стародубья, Иргиза, Урала и Сибири пока находятся в научной разработке археографов и искусствоведов. Опираясь исключительно на корпус выявленного материала рукописного фонда БАН, отметим, что рукописи с сочинениями старообрядцев украшались в меньшей степени, чем богослужебные рукописи (особенно певческие). В оформлении часто встречаются элементы выговской орнаментики. Переплёты многих рукописей были сделаны позже, по заказу владельцев книжных коллекций; переплётные листы, на которых могли сохраниться записи, свидетельствующие о бытовании рукописи, были заменены при реставрации на новые. Всё перечисленное в известной степени затрудняет отождествление рукописи с местом её происхождения и бытования. В целях расширения научно-справочной базы о старообрядческих книжниках представляется целесообразным создание указателей автографов авторов и переписчиков с небольшими,

но информативными фрагментами их почерка.

На рукописных материалах отдельно взятого фонда выявить основные тенденции развития старообрядческой книжности на определённом отрезке времени и ограниченном тематическом пространстве можно лишь с большой долей условности. Тематический принцип описания имеет свои литературоведческие преимущества, но исключает возможность представить старообрядческую книжность как самостоятельный культурный феномен. Хронологический принцип применяется только в отношении датировки сочинения, в то время как кодекс может отстоять от него в хронологическом измерении на 100 лет. Другим серьёзным недостатком тематико-хронологического принципа описания является неполнота включения подходящих по теме рукописей в выпуск описания. Несмотря на то, что в выпуски серии научных описаний «Рукописи с сочинениями писателей-старообрядцев» вошло более 600 рукописей, за пределами описания остаётся большой корпус неописанных рукописей с сочинениями основоположников старообрядчества, писателей-старообрядцев первой половины XVIII в. Таким образом, необходимость дополнений к каждому выпуску будет неизбежна. Решение этой проблемы видится в переходе от тематического принципа описания к описанию рукописей по собраниям. Применительно к рукописным коллекциям, почти полностью состоящим из старообрядческих рукописей (собраний Дружина, Чуванова, Плюшкина, Белокриницкого, Каргопольского), такой

подход был бы вполне уместен. Наряду с рукописями, содержащими сочинения писателей-старообрядцев, в поле зрения попали бы богослужебные рукописи, торжественники, цветники и другие памятники старообрядческой книжности, дающие материал для археографических исследований. Более того, параллельно с раскрытием фонда памятников старообрядческой письменности мы увидим замысел собирателя или, в случае регионального происхождения коллекции, круг духовных интересов, локализованных в пространстве книжной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Описание рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Т. 7, вып. 1. Сочинения писателей старообрядцев XVII века / сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984.
2. Описание рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 7, вып. 2. Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001.
3. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
4. Гурьянова Н.С. О сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» // Тексты источников по истории и национальная культурная традиция : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2014. С. 23–54.
5. Дружинин В.Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. Пг., 2015.
6. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. II / науч. ред. Н.В. Поныр-ко. М., 2002. С. 198–357.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ БУМАГИ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ

(Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4732.2016.6)

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы два возможных подхода к интерпретации данных водяных знаков: в рамках одного подхода водяной знак рассматривается как элемент листоотливной формы, в рамках другого — как товарная марка бумажной фабрики. Выявлены достоинства и недостатки обоих подходов.

Ключевые слова: водяные знаки, рукописные памятники, торговая марка, листоотливная форма.

Анализ водяных знаков бумаги рукописных памятников давно вошел в обиход исследователей. Накоплен достаточно большой опыт, включающий применение различных подходов к интерпретации этого вида кодикологических данных. В настоящей статье мы кратко охарактеризуем эти подходы, их преимущества и недостатки, а также специфику их применения к древнерусским рукописям.

Наиболее востребованным является подход, в рамках которого водяной знак рассматривается как свойство конкретной листоотливной формы, подразумевающий поиск наиболее близких параллелей, отливок с той же самой формы. Данный подход получил серьезную разработку в том числе и в отечественной науке, в первую очередь, в трудах А.А. Амосова [1]. Тем не менее, как при теоретическом обсуждении данного подхода, так и при его практической реализации зачастую не учитывается ряд существенных проблем.

Сопутствующие друг другу процессы деформации и ремонта формы дают последовательные изменения рисунка водяного знака [2]. Эта проблема накладывается на наличие параллельно

используемых «парных» форм, а также на то обстоятельство, что маркировочные знаки форм, приходивших на место старых, могли быть воспроизведены с использованием тех же шаблонов и быть очень близкими к предшественникам [3]. На разных этапах своего существования форма могла использоваться для выделки бумаги разных сортов [4].

Важной практической проблемой остается и малое число справочников, дающих возможность сравнивать формы на уровне плетения. К числу баз данных, содержащих (помимо прочих) изображения достаточного качества, можно отнести *Watermarks in Incunabula printed in the Low Countries (WILC)*, *Watermark Database of the Dutch University Institute for Art History*, *Gravell Watermark Archive*.

Применение данного подхода требует не только учета конфигурации вержегов и понтюзо, реконструкции плетения маркировочного знака, но и оценки технических характеристик отливной бумаги. (В отечественной науке о рукописях имеется весьма успешный, но, к сожалению, мало востребованный опыт анализа качественных характеристик исторических

бумаг, который был проанализирован в специальной работе Д.О. Цыпкиным [5].)

Альтернативой описанному выше подходу служит подход, в рамках которого знак рассматривается как товарная марка. Основоположником данного подхода является Н.П. Лихачев, который воспринимал водяные знаки исследуемой рукописи как реплики-«варианты» товарного знака производителя бумаги. Данный подход позволял использовать совокупность этих реплик — «разновидность» (включающую в себя все зафиксированные отливки с форм, изображающих данный водяной знак) в качестве надежного маркера жизнедеятельности производства [6]. Появившиеся после работ Н.П. Лихачева фундаментальные исследования конкретных европейских бумажных производств позволяют выявить закономерные связи графики водяных знаков и реалий работы бумажного производства. Как правило, вся совокупность водяных знаков одной мельницы (т.е. её производственных марок, обозначающих разнообразную номенклатуру выпускаемых продуктов) имеет объединяющие их элементы в графике. При существенных переменах в жизни бумажной мельницы, таких, как смена владельца, может смениться вся совокупность знаков, тем не менее, как правило, между разновременными группами знаков сохраняется преемственность [7]. Зная эти закономерности, мы не должны игнорировать ситуации, когда, наряду с группой наиболее близких параллелей анализируемому водяному знаку, справочники демонстрируют нам наличие другой, близкой по рисунку группы знаков, одна из хронологических границ которой будет задевать границу первой группы. Такая ситуация (если нет ярких различий в регионах распространения бумаг) является важным указанием на то, что две группы знаков представляют разные этапы существования одной бумажной мельницы (или группы мельниц).

Преимущество данного подхода состоит в том, что исчезает необходимость

в учете индивидуальных особенностей форм. Кроме того, появляется возможность контролировать степень точности получаемых результатов, так как существует разница между хронологическими границами, которые полностью зависят от полноты справок, и теми, которые проявляются и в графике. Основным недостатком этого подхода является его фактическая неприменимость к анализу знаков, сохраняющих большую стабильность во времени, таких, как известные типы знака «литера Р», «Лилия в щите» и пр.

Не благоприятствует применению данного подхода и сложившаяся традиция расположения материала в филологическом справочниках [8].

Оба описанных выше подхода требуют при применении к древнерусским рукописям учета специфики рынка бумаги, существенно удаленного от основных регионов производства.

Поэтому особое значение имеет исследование данных о закупках бумаги в приходорасходных книгах. Данные приходорасходных книг второй половины XVI в. свидетельствуют как об относительно крупных и редких закупках (Кирилло-Белозерский монастырь), так и об относительно частых и небольших закупках (Иосифо-Волоколамский монастырь, Чудов монастырь и пр.) [9]. По всей видимости, последний тип закупок имел место при работе над Великими Минеями Четвертым митрополита Макария, где наблюдается огромное разнообразие видов бумаг, значительная часть которых встречается в очень небольшом объеме [10].

В условиях большой дисперсности потока потребляемой бумаги конкретная рукопись будет непосредственно характеризовать только тот небольшой запас, из которого был взят материал на неё, но отнюдь не всю картину бытования данной бумаги в России и даже конкретном книгописном центре. Следовательно, подход, в соответствии с которым исследователи стремятся опереться в анализе рукописного памятника на данные рукописей, максимально близких к нему

по происхождению [11], может давать серьезные неточности, так как исчерпывающего представления обо всем массиве письменной продукции нет возможности составить ни для одного древнерусского центра письменной культуры. Корректная интерпретация хронологических указаний бумаги, русских рукописей, возникших в условиях мелких и частых закупок бумаги, возможна при условии привлечения всей полноты доступных параллелей, в том числе и западноевропейских.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. См.: Амосов А.А. 1) Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология // Проблема научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 80–85; 2) Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде. (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. 1982. С. 155–193 и пр.
2. Цыткин Д.О. Экспертное исследование бумаги ручного производства (расширенные тезисы) // Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства. К 40-летию со дня выхода в свет книги З.В. Участкиной «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков»: Материалы и сообщения первых научных чтений. СПб., 2003. С. 80–83.
3. Gerardy Th.M. Die Techniken der Wasserzeichenuntersuchung / Les techniques de laboratoire dans l'étude des manuscrits. Paris, 1974. P. 143–157.
4. См.: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII веках. Вильнюс, 1979. С. 35–36.
5. Цыткин Д.О. Об одной историографической легенде: начало изучения русского бумажного штемпеля // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4. СПб., 2014. С. 41–62.
6. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. С. LXXXIV.
7. См.: Ляховицкий Е.А. Исследование бумаги в изучении письменных памятников. Проблемы классификации и интерпретации водяных знаков // ТОДРЛ. Т. LXII. СПб., 2014. С. 654–661.
8. Ляховицкий Е.А. Исследование бумаги в изучении... С. 644–645, 648–654.
9. Lenhoff G. The Economics of a Medieval Literary Project: Direct and Indirect Costs of Producing the Stepennaia Kniga // Russian History. Vol. 34. N 1–4. P. 219–237.
10. Костюхина Л.М. Роль филигранной в палеографическом исследовании Великих Миней Четых // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 76–86; Ляховицкий Е.А. Интерпретация данных бумаги русских рукописей раннего нового времени // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 5 (5). СПб., 2014. С. 49–50, 53–59.
11. См.: Клосс Б.М. 1) Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. С. 71–81 и др.; 2) К изучению московских скрипториев XV–XVII веков // Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990. С. 106–112; Усаев А.С. 1) Минея № 257 из собрания П.А. Овчинникова и значение её водяных знаков для датировки ряда рукописных книг середины — третьей четверти XVI в. // Очерки феодальной России. М., 2007. Вып. 11. С. 291–308; 2) Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 125–166.

ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ В ОПИСАНИИ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ БАН XIV–XV веков

АННОТАЦИЯ

В представленной статье на материале древнерусских рукописей БАН были рассмотрены некоторые направления исследования водяных знаков и проблемы, связанные с их датировкой, а также перспективы изучения реконструкции структуры рукописей с нарушенным порядком следования листов.

Ключевые слова: филигранные, методы датировки и локализации рукописей, рукописи Библиотеки Российской академии наук.

В настоящее время в Научно-исследовательском отделе рукописей (НИОР) БАН ведется работа по описанию бумажных рукописей XIV–XV вв., опубликовано описание Прологов XV в. (Сентябрьская половина) [1], подготовлено описание рукописей XIV столетия. В предлагаемой статье хотелось бы затронуть на материале рукописей БАН вопросы, связанные с исследованием водяных знаков в наших описаниях.

1. Датировка рукописных памятников

Поскольку в основу отбора рукописей для описания был положен хронологический принцип, особенное значение приобрела их датировка. По сравнению с опубликованными предварительными списками состав рукописей обновился на четверть (причем количество выявленных новых рукописей XIV–XV вв. примерно равно количеству исключаемых из списка) [2]. Многочисленны также примеры уточнения датировок в рамках рассматриваемого периода. Пожалуй, наиболее яркий из них представляет «Ловчанский сборник» Яцимир. 44 (13.3.17). Эта довольно известная в историографии рукопись датировалась второй четвертью XIV в. на основании поздней записи на переплете, воспроизводящей утраченный оригинал.

Анализ водяных знаков показывает, что сборник не может датироваться ранее последней четверти XIV в., а запись скорее всего относится к протографу дошедшей до нас рукописи.

Многие рукописи написаны на бумаге, дающей разброс датировок в несколько десятилетий. В каждом случае необходимо определить, имеем ли мы дело с использованием старых запасов бумаги или рукопись составная. Показательна ситуация с Цветной Триодью Сырку 35 (13.1.21). Первая часть этой рукописи (до л. 143) написана на бумаге, датирующейся 80–90-ми гг. XIV в., а вторая (л. 144–318) представлена многочисленными знаками, датировка которых укладывается в первое десятилетие XV в. На л. 144 происходит смена почерка, но это две весьма схожие манеры письма. Не представляется возможным однозначно решить, является ли рукопись конволютом или две её части написаны одновременно, и датировку всей рукописи нужно отодвигать в начало XV в.

2. Локализация рукописей

Наряду с другими кодицистическими признаками филигранные могут позволить отнести рукопись к тому или иному книгописному центру. Очевидно, что использование данных водяных знаков для этой цели, по сравнению с датировкой

по филиграням, диктует более высокие требования к исходному материалу и тщательности исследования, поскольку подразумевает анализ торговой партии на этапе, максимально приближенном к конечному потребителю. Сколько-нибудь уверенные выводы можно делать только на основании тождества водяных знаков в сравниваемых рукописях (большая удача, если удастся проследить общие специфические деформации знаков), но даже тождество само по себе ещё не является достаточным условием. В своей статье 2009 г. я атрибутировал рукопись 34.7.11 (60-е гг. XV в.) скрипторию новгородского Вяжищского монастыря прежде всего на основании данных бумаги [3]. Рукописи БАН дают несколько примеров совпадения бумаги разных рукописей, не позволяющие тем не менее связывать эти рукописи между собой (речь идёт о рукописях, связь которых изначально неочевидна, т. е. они не происходят из одного комплекта и/или не принадлежат одному писцу). И если Стишный пролог Сырку 75 (13.7.13) и Сборник Яцимир. 45 (13.3.18), содержащие тождественную филигрань Лев, принадлежат всё-таки близкой книгописной традиции, то совпадение одного из сортов бумаги (Башня) в Сводном патерике Солов. 7 и Триодном торжественнике Тимофеева 13 может быть только случайным. Первая из этих рукописей русского извода, и, судя по записям, изначально бытовала на территории Руси, а вторая – типично среднеболгарская и содержит памятник, в древнерусской традиции неизвестный. Таким образом, мы имеем пример использования бумаги, отлитой с одних форм, в рукописях, заведомо не могущих происходить из одного центра.

3. Реконструкция структуры поврежденных рукописей

При кодикологическом исследовании бумажных рукописей полистная роспись водяных знаков подразумевается по определению. В археографической же

практике мы зачастую ограничиваемся выявлением сюжетов филиграней или, в лучшем случае, определением границ смены в рукописи бумаги разных сортов. Между тем, анализ распределения водяных знаков может иметь существенное значение для определения лакун (и их объёма) и перестановок листов в дефектных рукописях. Это становится особенно актуальным, если в процессе бытования кодекса полностью нарушена структура тетрадей (листы сфальцованы). Если текстология памятника не изучена или он обладает рыхлой структурой с вариативностью составляющих его частей, то выявление лакун, а тем более определение их объёма может стать почти непреодолимой задачей. Полистная роспись филиграней в этом случае может помочь – нарушение правильного распределения знаков сразу указывает на возможный дефект. Значительную часть бумажных кодексов БАН XIV в. как раз составляют дефектные рукописи с утратами и перестановками листов. Образец реконструкции первоначальной структуры рукописи с использованием данных бумаги даёт упоминавшийся выше «Ловчанский сборник». Большую часть рукописи составляют выписки из Скитского патерика и другие небольшие статьи, по которым сложно определять утраты и перестановки. Рассмотрение филиграней (а наиболее удобен при реконструкции формат в 4^о, поскольку можно сопоставлять части знаков) и характера сетки в сочетании с анализом текста позволил восстановить первоначальный порядок листов.

Авторы описаний зачастую отказываются от полистного описания филиграней, поскольку такой подход представляется неоправданно трудозатратным. Наш опыт показывает, что при наличии отработанной схемы полистное описание не требует много времени и при этом ускоряет процесс анализа текстов, а в некоторых сложных случаях является просто безальтернативным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской академии наук. Описание рукописей XV века. Вып. 2. Прологи. Ч. 1 : Сентябрьская половина года / сост. О.П. Лихачева. СПб., 2015.

2. *Сергеев А.Г.* Уточнения к «Предварительному списку славянских рукописей XV в.» (по материалам БАН) // ТОДРЛ. Т. 63 (в печати).

3. *Сергеев А.Г.* Рукописи XV века из библиотеки новгородского Вяжищского монастыря // Хризограф. Вып. 3. М., 2009. С. 298–309.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИСКОВ
ЛИЦЕВЫХ АПОКАЛИПСИСОВ ИЗ ФОНДОВ БАН
И ТЕКСТ ОТКРОВЕНИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА
ИЗ БИБЛЕЙСКОГО СБОРНИКА МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО
(1507 г., БАН, Срезн. II. 75)**

(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-04-00276)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме изучения разновидностей списков проиллюстрированного текста Откровения Иоанна Богослова в поздней русской традиции. Впервые в отечественной литературе дан краткий обзор классификаций текста Откровения по зарубежным исследованиям последних лет. На материале 25 рукописей иллюстрированных Апокалипсисов намечена предварительная схема разных типов текста и их источников.

Ключевые слова: Откровение Иоанна Богослова, рукописи, средневековая русская письменность.

В фонде рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН) в составе разных собраний хранится 25 списков лицевого Апокалипсиса, а также две подборки изображений и образцов к этому новозаветному тексту. Хронологически они относятся к периоду со второй половины XVII — нач. XX в. Циклы миниатюр можно отнести к шести различным редакциям, подразделяющимся, в свою очередь, на группы и подгруппы [1]. Однако проиллюстрированные тексты не делятся на редакции в соответствии с редакциями циклов расположенных в них миниатюр. Таким образом, большая часть списков Библиотеки Российской академии наук (БАН) не противоречит выводу, сделанному ранее исследователями лицевых Откровений, о том, что типологически известные разновидности текста и иллюстрирующие его изображения напрямую не соотносятся [2]. Для подтверждения высказанного положения приведём два характерных примера.

В БАН в Архангельском собрании хранится список Апокалипсиса сер. XVII в.

из Николо-Корельского монастыря, принадлежавший изографу Ионе (БАН, Арх. Д 532). В рукописи текст дан без толкований и разделен на 22 главы, но при этом существует ещё одно параллельное деление текста на 70 частей или «мест», как это и обозначено в рукописи. Это дополнительное деление проведено для указания на место расположения миниатюр. Текст из данной рукописи можно было проиллюстрировать любым циклом изображений, который художник мог выбрать по своему желанию. Другой пример: среди рукописей БАН есть два экземпляра лицевого Апокалипсиса (Бурцев. 18 и Плюш. 256) третьей четверти XVIII в., украшенные 72 одинаковыми изображениями. Эти иллюстрации представляют собой подборку гравюр низкой печати, по всей вероятности, одного происхождения [3]. Тексты же в этих двух списках относятся к разным редакциям [4].

Описание и определение редакции рукописного текста русского новозаветного Откровения, особенно периода позднего Средневековья и Нового времени,

в настоящее время представляет собой проблему непростую по причине недостаточной разработанности текстологии славяно-русского Апокалипсиса в отечественной славистике. Эта библейская книга в православной традиции до XV в. как отдельный текст переписывалась нечасто, так как не использовалась при богослужении. В каталоге «Древнерусская книжность XI–XIV вв.» учтено всего четыре рукописи с текстом Апокалипсиса [5]. От XV в., по данным Предварительного списка рукописей [6], сохранилось уже чуть больше — 17 списков. В конце XV столетия произошло важное для дальнейшей судьбы текста Откровения на Руси событие — был составлен единый кодекс Геннадиевской Библии, включивший все книги Священного писания и завершающийся, естественно, последней пророческой книгой Нового Завета. С начала XVI в. Апокалипсис стал переписываться чаще, как отдельно, так и в составе библейских сборников, Миней Четых, других календарных и просто различных сборников [7].

При определении редакции или в настоящее время скорее типа Апокалипсиса необходимо учитывать явление, называемое «контролируемой текстологической традицией», предполагающей не только возможность, но скорее необходимость наличия нескольких источников при списывании текста Священного писания [8]. Откровение Иоанна Богослова, как и целый ряд текстов из Ветхого Завета, переписывался по преимуществу с толкованиями, а неостребованность его в литургической практике привела к достаточно малой традиции переписывания.

Первым на основе именно лицевых списков изложил наблюдения над текстом русского Апокалипсиса Ф.И. Буслаев. Он выделил четыре редакции текста Откровения: первая [9], названная господствующей, так как она охватывает большинство известных учёному списков, представлена текстом Геннадиевской Библии; вторая [10], ранняя

редакция, встречающаяся в самых старших из известных учёному списках, характеризуется одним лексическим признаком — тем, что в стихе VIII, 13 (по Толковому гл. 25 [11]) происходит замена слова «ангел» на «орел»; третья, «олатынная», представляет собой перевод с резкими латинизмами, содержит много полонизмов в глоссах и элементов «юго-западных народных речений»; четвёртая редакция соотносится с киевским изданием Апокалипсиса 1625 г.

В 1891 г. В. Облак опубликовал исследование текста славянского Откровения Иоанна Богослова на основе трёх опубликованных к тому времени текстов и сделал вывод о возможном появлении первоначального перевода в западных областях Болгарии [12].

Важный шаг в изучении редакций текста русского Апокалипсиса был почти через 100 лет сделан А.А. Алексеевым и О.П. Лихачевой [13], которые, так же, как Ф.И. Буслаев, разделили изучаемые тексты на четыре группы, хотя и не полностью совпадающие с предложенными в XIX в. Новая классификация, проведённая на основе статистического принципа, не сопровождается перечислением определяющих признаков каждой из групп, названы только отдельные характеристики некоторых редакций [14]. Так, сформулирован признак, по которому можно определить самую распространённую четвёртую группу, — только в ней сохранился стих (II, 8): «Аггелу сущу въ измирней церкви напиши. Тако глаголетъ первый и последний: быс(ть) мрътвь и оживе» [15]. В работе даются некоторые признаки и для определения особенностей текстов толкований. Например, для первой группы характерно отсутствие перестановки местами стиха (II, 1) и толкования к нему [16]. В статье на большом материале рассматривается вопрос взаимосвязи библейского текста и его толкований и сделан вывод о том, что эти две части могут иметь независимое происхождение [17].

Одна из редакций текста, выделенная у Алексеева–Лихачевой, совпадает с аналогичной у Ф.И. Буслаева: это тексты четвёртой группы или г), имеющие «то же происхождение, что и Геннадиевская Библия» [18], соответственно совпадающие с выделенной в классификации Ф.И. Буслаева первой группой. Возможность других прямых соотношений двух классификаций ограничена различиями в исследованном материале и целях, которые ставили перед собой авторы двух работ.

Особое значение имеет выделенная Алексеевым–Лихачевой третья редакция [19]. Исследователи не учли при анализе самый ранний и авторитетный список этой группы, но при всём том на основании большого количества общих чтений выделили особую группу рукописей (РГБ Унд. 1, РНБ собр. Толст. Q.п. I.6 и РГБ собр. ТСЛ, 710). Последующие исследования подтвердили её существование, об этом чуть позже.

Огромный труд по изучению текстологии славянских списков Откровения проделал немецкий исследователь Карстен Грюнберг, проанализировавший 187 списков и попытавшийся написать историю бытования текста Откровения в славянской традиции с XIII по XIX в. [20]. Как итог проделанной работы, исследователь сделал попытку реконструировать архетип старшего из славянских переводов [21]. Кроме того, он выделил шесть «текстовых семей», которые в самом общем виде могут быть представлены следующим образом: 1) боснийская с делением на 72 главы, извлечённые из толковой версии; 2) редакция Чудовского Нового Завета 1355 г., по мнению исследователя, самая ранняя, на основе которой была сделана попытка реконструкции первичного славянского перевода (третья группа у Алексеева–Лихачевой); 3) восточнославянская толковая (Ник. 1); 4) восточнославянская, извлечённая из толкового с влиянием Вульгаты — Геннадиевская Библия; 5) восточнославянская толковая с повторной выверкой

по греческому тексту — Острожская Библия; 6) восточнославянская толковая по киевскому изданию 1625 г. [22].

Основные итоги изучения текста славянского Апокалипсиса для раннего материала подвела в диссертационной работе болгарская исследовательница И. Трифонова. По сравнению с исследованием К. Грюнберга, она ввела в научный оборот около десятка новых списков XIV–XVI вв. На основе списков Апокалипсиса XIII–XVI вв. она выделила шесть редакций текста: 1) толковая восточнославянская редакция, имеющая несколько подгрупп; 2) боснийская редакция, без толкований, по лексике близка восточнославянским толковым, извлечена из толкового варианта греческого (?) текста; 3) сербская редакция, без толкований, по структуре сходна с боснийской, с восточнославянскими сближается по сохранившимся фрагментам толкований внутри основного текста, есть общие черты с Ник. 1; 4) редакция Чудовского Нового Завета, без толкований, в лексике просматривается дополнительная выверка по греческому тексту, по сравнению с начальным переводом, возможно, афонский перевод XIII–XIV вв.; 5) болгарская ранняя редакция (преславская лексика), без толкований, без следов вторичного влияния греческого текста, близка Чудовской редакции; 6) сербская редакция, с толкованиями, отличными от поздних восточнославянских [23].

Если исключить из перечисленных редакций те, которые характеризуют раннюю общеславянскую историю текста и не имеют принципиального значения для классификации поздних (после XVI в.), использованных в лицевых списках БАН, обобщив все предложенные классификации для поздних русских текстов Апокалипсиса, предложим следующую предварительную классификацию редакций:

1. Толковая восточнославянская редакция, имеющая несколько подгрупп:

а) БАН Ник. 1, нач. XIII в. (имеет сходство с сербскими ранней и поздней) с полным текстом толкований;

б) Новгородская, конец XV — начало XVI в., близкая **Острожской Библии**, извлеченная из толкового текста. Эта подгруппа введена нами впервые как отдельная и под названием Новгородская, так как ранее в текстовую группу, основывавшейся на Острожской Библии, включался только один список Апокалипсиса, хранящийся в Хиландарском монастыре (№ 401). Известны еще два аналогичных списка (БАН, 34.7.11) (60-е гг. XV в.) и РНБ, Кир. Бел. 113/238 (70-е гг. XV в.). Все три списка находятся в сборниках вместе с Маргаритом, сборники подробно изучены с кодикологической точки зрения А.Г. Бобровым [24], М.А. Шибавым [25] и А.Г. Сергеевым [26]. Списки локализованы не только как новгородские, но даже с большой степенью вероятности как принадлежащие Никольскому Вяжицкому монастырю. (Благодарю А.Г. Сергеева за указание на перечисленные новые списки.);

в) РГБ, ф. 173, № 27, **Геннадиевская Библия**, БАН, Плюшк. 146, извлеченная из толкового текста;

г) **ВМЧ** (по трём спискам) с толкованиями; и другие подгруппы.

2. Редакция Чудовского Нового Завета, без толкований, с дополнительной выверкой по греческому тексту (имеет сходство с болгарской ранней) РГБ, ф. 310 (Унд.) № 1 (XV в.); ГПБ, Толс. Q.п. I.6 (XV в.); ГБЛ, ф. 304 (ТСЛ) № 710 (1493 г.).

3. Боснийская редакция с делением на 72 главы, извлеченные из толкового текста: Сборник Хваля 1404 г. и Библия Матфея Десятого 1507 г.

4. **Киевское издание 1625 г.**

К этим редакциям надо прибавить пятую — трехтолковую. Выше уже говорилось о том, что при определении редакции источника библейский текст и толкования к нему не должны рассматриваться как неделимое целое. Но трехтолковые Апокалипсисы существуют и в реальности и по самоназванию

в списках. Для поздних рукописей эта редакция имеет особое значение, так как именно к ней будет относиться приблизительно половина всех лицевых списков. Этот тип текста достаточно авторитетен среди старообрядцев всех согласий. И пока он не исследован, — а ни один из перечисленных учёных не занимался трёхтолковыми Откровениями специально, и только Ива Трифонова упомянула об их существовании, — придётся называть их именно так — просто трёхтолковые. В рамках данной статьи нет возможности рассказать о некоторых наблюдениях, сделанных в отношении этого текста, который должен стать предметом специального исследования.

В начале статьи говорилось о том, что текст Апокалипсиса недостаточно хорошо изучен в отечественной науке. После представленных классификаций это может показаться необоснованным заявлением. Но проблема заключается в том, что классификации существуют, а признаков этих редакций пока чётко не выделено. Кроме того, для поздних, после XVI в. бытующих редакций, специального исследования пока нет, а такие тексты имеют свою специфику, связанную с «контролируемой текстологической традицией», которая изначально предполагает наличие не одного протографа, а нескольких. В интересующий нас период основным источником с особой степенью вероятности становится печатный текст.

В связи с лицевыми Апокалипсисами БАН пока нет возможности дать чёткое деление на редакции. Если вернуться к предложенной сводной классификации, то будет видно, что часть редакций связана, прежде всего, с некоторыми «авторитетными» памятниками, часто существующими и в печатном виде. Поэтому на данном этапе тексты 25 иллюстрированных списков новозаветных Откровений из фондов БАН можно только условно разделить по группам, как это указано в табл.1:

Группировка текстов списков новозаветных Откровений (из фондов) БАН

№	Шифр рукописи	Тип текста
1.	БАН, Бурц. 3	Киевское издание 1625 г.
2.	БАН, Друж. 1010	То же
3.	БАН, Плюшк.255	То же
4.	БАН, Т.п. 1328	То же
5.	БАН, 19.1.6	То же
6.	БАН, 26.5.20	То же
7.	БАН, 33.5.10	То же
8.	БАН, 16.18.4	Толкования св. Андрея, восточно-славянск.
9.	БАН, Усп. 155	То же
10.	БАН, Никол. 15	72 гл. без толк., но с граф. делением на 72 отрывка
11.	БАН, Бурц. 7	Трехтолковый
12.	БАН, Плюшк. 256	То же
13.	БАН, Бурц. 18	То же
14.	БАН, Бурц. 21	То же
15.	БАН, Карг. 287	То же
16.	БАН, Лук. 43	Трехтолковый особый (?)
17.	БАН, Плюшк. 167	Трехтолковый
18.	БАН, Чап. 6	То же
19.	БАН, Т.п. 379	То же
20.	БАН, Т.п. 709	То же
21.	БАН, Т.п. 710	То же
22.	БАН, Т.п. 764	То же
23.	БАН, Т.п. 1325	22 главы, но внутри сохранилось деления на 72 главы с помощью инициалов
24.	БАН, Вят. 638	То же
25.	БАН, Плюшк. 268	То же

Четыре текста Апокалипсиса представлены с толкованиями архиеп. Андрея Кесарийского, один – поделённый на 72 главы без толкований, пять – списаны с киевского издания 1625 г., двенадцать являются трёхтолковыми, три – поделены на 22 главы, иногда с сохранением внутреннего деления на 72 главы. В качестве добавления к таблице уточним, что часть списков мы можем по ряду признаков соотнести с подгруппой Геннадиевской Библии. Это рукописи Успен. 155, 33.5.10 и Плюшк. 255. Причем для рукописи Плюшк. 255 это будет касаться только самого

Библейского текста, а предисловие, оглавление и толкования будут иметь «киевское» происхождение. Один пример и сразу столько поправок, но все они ожидаемые: подтверждается факт наличия разных источников для текста и толкований.

Для уточнения общей картины бытования списков скажем отдельно о некоторых деталях его оформления, имеющих свои традиции и связанных с редакциями текста Откровения. Например, в Апокалипсисе БАН Т.п. 1235 при общем делении текста на 22 главы по Вульгате вставлены цветные инициалы

перед началом каждого из 72 отрывков, сохраняющих деление св. Андрея Кесарийского для толкового типа. Перед несколькими инициалами при этом даётся подпись с номером одной и той же главы по Вульгате. Аналогичная картина наблюдается и в рукописи БАН Ник. 15, где при отсутствии толкований сохранены киноварные буквицы перед началом каждого из 72 отрывков текста-стиха или сущего и количество миниатюр также привязано ко всем главам толкового Апокалипсиса. Такое оформление отражает давнюю традицию бытования текстов, извлечённых из первоначальных толковых вариантов [27].

Интересно отношение к оформлению текста при копировании с издания. В качестве одного из примеров выберем издание Киево-Печерской лавры 1625 г. и покажем, каким образом оно могло воспроизводиться. Копировались все части, включая титульный лист, — вот как он выглядит в рукописи Вят. 638 (рис. 1). В лаврских изданиях на обороте титула помещалась гравюра с изображением Успения Пресвятой Богородицы (престольный праздник Лавры), при копировании эта гравюра тоже помещалась перед текстом, как это произошло в рукописи БАН Друж. 1010 (рис. 2). При переписывании

в рукописи копировались не только особенности оформления (рис. 3), но также и номера листов, что при изменении формата с большего на меньший приводило, как это произошло в рукописи БАН Друж. 1010, к появлению в списке нескольких листов с одним номером [28].

Текст Апокалипсиса из сборника Матфея Десятого, как его определяют все исследователи, соотносится, прежде всего, с текстом из сборника попа Хваля 1404 г., но оба списка имеют много общего с глаголическими списками [29].

Среди лицевых рукописей БАН нет ни одного списка, который относился бы к этой редакции. При анализе иллюстрированного материала Ф.И. Буслаев также не выявил ни одного подобного текста. Окончательные выводы делать рано, но можно сказать, что эта редакция не была особенно распространена среди русских лицевых списков.

Наблюдения над разными типами текста в лицевых Апокалипсисах носят предварительный характер. Основной целью настоящей работы является краткий обзор классификаций текстов Откровения Иоанна Богослова, предложенных в последнее время западными славистами, ранее не представленных в отечественной литературе.

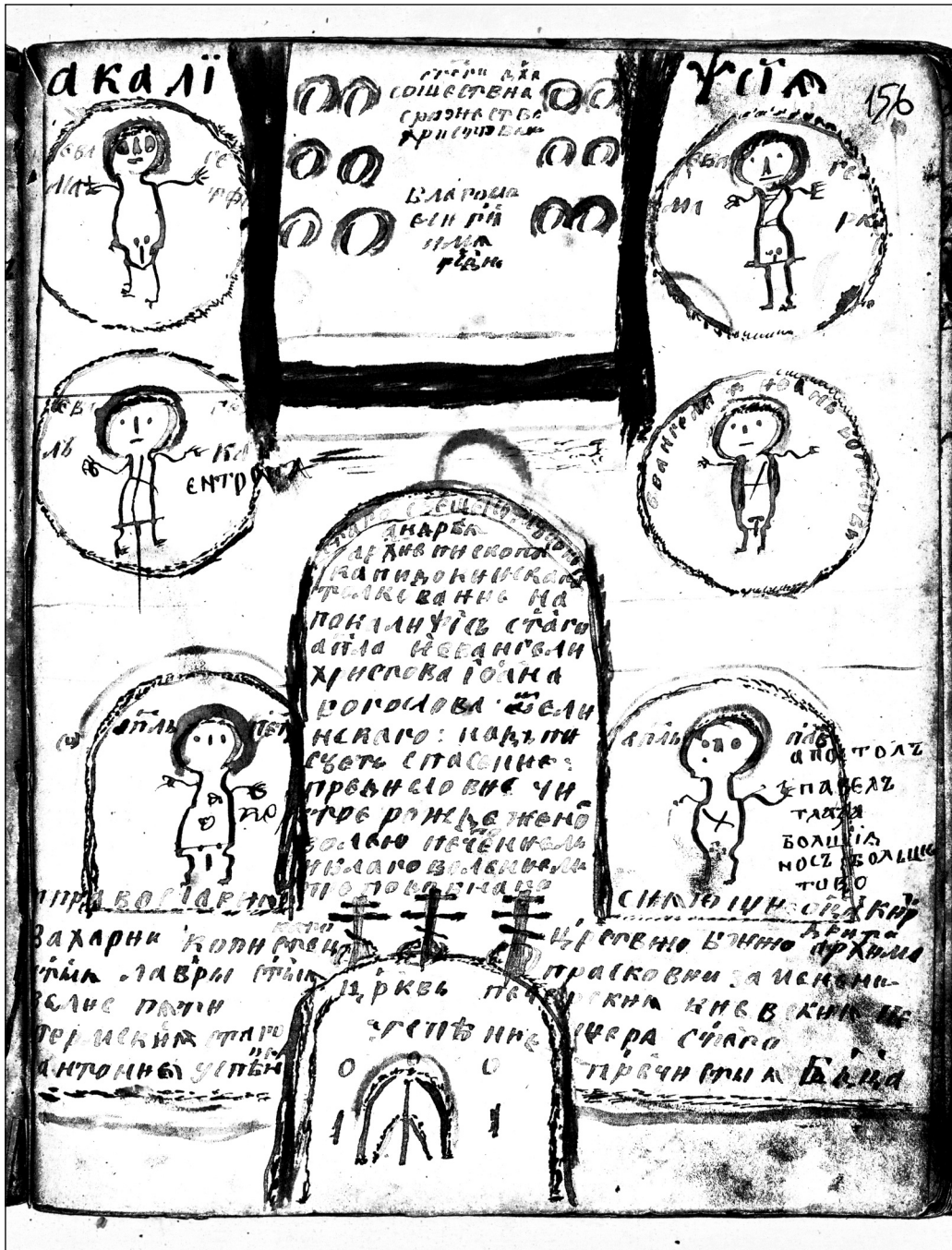

Рис. 1. Непрофессиональная копия титульного листа в издании Толкового Апокалипсиса, Киево-Печерская лавра, 1625 г. (по рукописи БАН Вят. 638, л. 156)

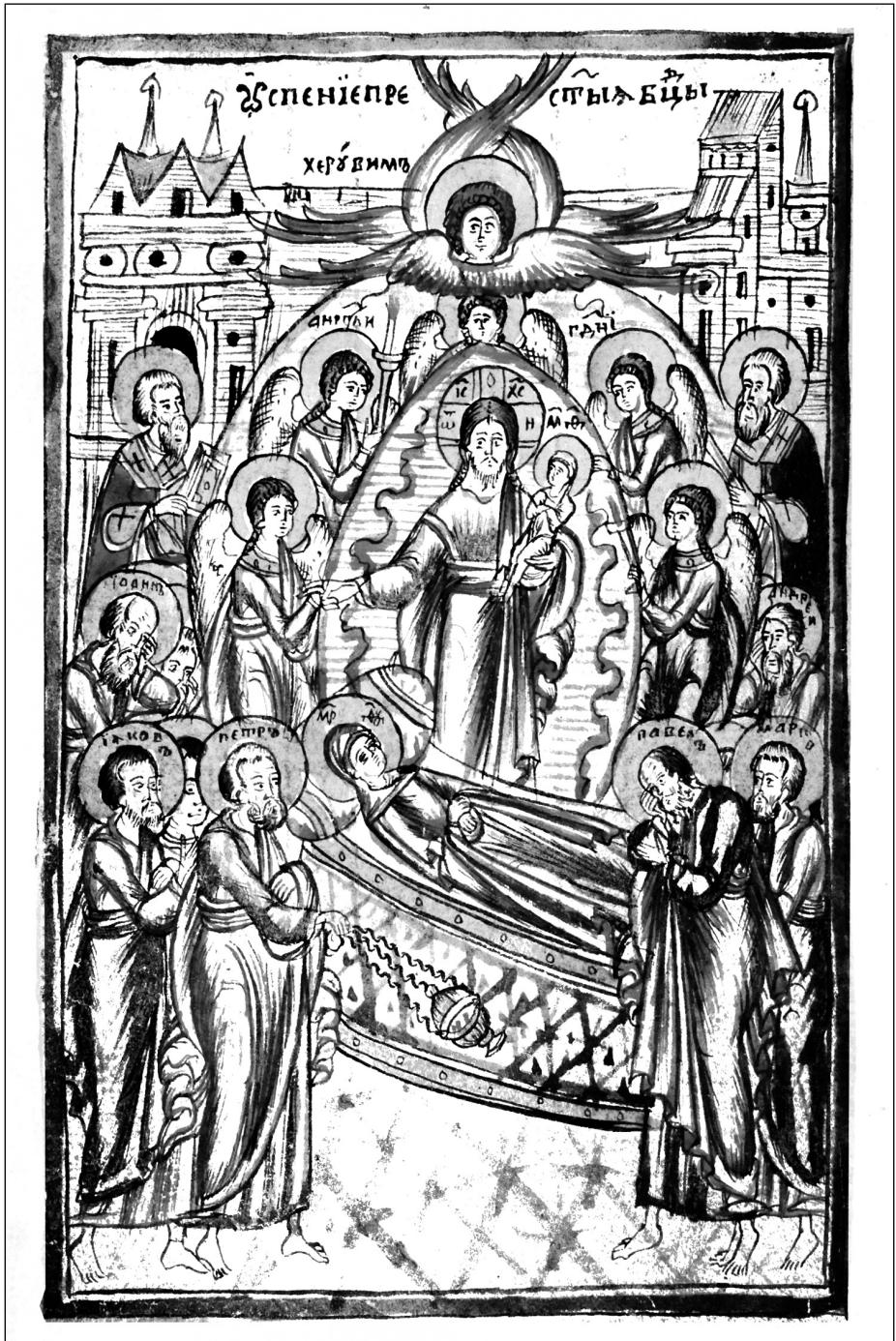

Рис. 2. Копия гравюры с изображением Успения Пресвятой Богородицы, находящейся на обороте титульного листа в издании Толкового Апокалипсиса, Киево-Печерская лавра, 1625 г. по рукописи БАН Друж. 1010, л. 19 об.

Рис. 3. Начало текста Предисловия св. Андрея Кесарийского в издании Толкового Апокалипсиса, Киево-Печерская лавра, 1625 г. и в рукописи Друж 1010, л. 20 с указанием одного номера листа в верхнем правом углу

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подковырова В.Г. Предисловие // Подковырова В.Г. Лицевые Апокалипсисы из фондов БАН. Описание рукописей БАН. Т. 10, вып. 2. (В печати.)
2. Буслав Ф.И. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по Русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. Т. 1. М., 1884. С. 11, 14; Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. Л., 1987. С. 18–19.
3. Подковырова В.Г. Изобразительные «толкования» к Откровению Иоанна Богослова: об одном из гравированных цик-

- лов, появившихся в России (XVIII в.) // Материалы пятых Лупповских чтений. СПб. (В печати.)
4. Подковырова В.Г. Лицевые Апокалипсисы из фондов БАН. Описание рукописей БАН. Т. 10, вып. 2. (В печати.)
5. Творогов О.В. Древнерусская книжность XI–XIV в.: Каталог памятников // ТОДРЛ. Т. LVІ. СПб., 2004. С. 22.
6. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. № 120, 352–355, 786, 1735, 1768–1770, 1988, 2433–2436, 2644, 2809.
7. Трифонова И.К. Книга Откровение на св. Йоан Богослов в Кирило-Методиевската книжовна традиция. Автореф. на дис. доктор. София, 2007. С. 8, 9, 19, 30, 32.

8. Алексеев А.А. Текстология переводных произведений (Священное писание) // Лихачев Д.С. Текстология. СПб., 2001. С. 691–696.
9. Буслаев Ф.И. Свод изображений... Т. 1. С. 11–13.
10. Буслаев Ф.И. Свод изображений... С. 383–387.
11. Соотношение глав Толкового (по Андрею Кесарийскому) и простого текстов см.: Буслаев Ф.И. Свод изображений. Т. 1. С. 8–9.
12. Oblak V. Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse // Archivfürslav. Filologie. 1891. Bd. XIII. S. 321–361.
13. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. Л., 1987. С. 8–22.
14. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 11–15.
15. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 14.
16. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 19.
17. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 18–19.
18. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 14.
19. Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории... С. 13.
20. Grünberg K. Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse. Frankfurt / M.; Berlin; Bern; New York, Paris, Wien, 1996. XI, 223 s., zahlr. Grafiken Heidelberg Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. Bd. 9.
21. Die Apokalypse. Edition zweier Huparchetypen. Band hrsg. B. Panzer; Bearb.: K. Grünberg. Salzburg: Institut für Slavistik, 1999. XXIV, 280 s.
22. Grünberg K. Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse...
23. Трифонова И.К. Книга Откровение на св. Йоан Богослов... С. 27–29.
24. Бобров А.Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 91–92.
25. Шубаев М.А. Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. Т. VI. С. 146–148.
26. Сергеев А.Г. Рукописи XV в. Из библиотеки Новгородского Вязищского монастыря // Хризограф. Вып. 3. Труды межд. науч. конф. (Москва, 5–7 сентября 2005 г.). М., 2009. С. 298–309.
27. Алексеев А.А. Текстология переводных произведений (Священное писание). С. 691–696.
28. Об этом подробно см.: Подковырова В.Г. Источник миниатюры «Успение Богородицы» в рукописном Апокалипсисе из собрания В.Г. Дружинина // Третьи Лупповские чтения: докл. и сообщ. (Санкт-Петербург, 12 мая 2010 г.). СПб.: БАН, 2011. С. 146–159.
29. Grünberg K. Die kirchenslavische Überlieferung der Johannes-Apokalypse...; Трифонова И.К. Книга Откровение на св. Йоан Богослов.

ДОСТИЖЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ ПИСИСТРАТА И ЕГО СЫНОВЕЙ

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные достижения и направления изобразительного искусства в области материальной культуры в период правления Писистрата и его сыновей Гиппия и Гиппарха. Искусство в эпоху Писистрата и его сыновей служило инструментом для проведения религиозной пропаганды и сакрализации и легитимизации образа правителя. Центральной темой является развитие вазовой живописи — переход от чернофигурной к краснофигурной технике.

Ключевые слова: Писистрат, Гиппий, Гиппарх, тирания, Афины VI в. до н. э., краснофигурная керамика, античные боги и герои.

В статье мы рассматриваем основные достижения изобразительного искусства в области материальной культуры, которые произошли в период правления Писистрата и его сыновей Гиппия и Гиппарха.

Центральной темой для нас является развитие вазовой живописи — переход от чернофигурной к краснофигурной технике. В нашем распоряжении в основном один вид источника, раскрывающий развитие изобразительного искусства архаических Афин, — вазы, украшенные фигурными росписями. В меньшей степени сохранилась круглая скульптура и рельефы. В то время художественные изображения на керамике играли невероятно важную роль и служили для развлечения, украшения и повествования. Основная часть сюжетов была связана с мифологией: её не только пересказывали, нанося на вазы, но и интерпретировали согласно современным политическим событиям, подстраивали, иллюстрировали мифами новые проблемы и события.

Около 530 г. до н. э. в Афинах была изобретена краснофигурная техника вазовой живописи. Художники, первыми взявшиеся практиковать новый способ вазописи, осуществляли преобразования

чернофигурной методики на основе привычных форм сосудов. На смену им пришли мастера, которые посвятили себя росписи чаш. Впоследствии пришли художники, которые расписывали сосуды любых форм изображениями высокого качества. Тем временем старая живописная техника продолжала практиковаться в Афинах, и те государства, которые ввозили афинскую керамику, отдавали предпочтение чернофигурным вазам. Новые краснофигурные производились для внутреннего потребления или для экспорта в Этрорию. После 500 г. до н. э. расписывается вазы всех форм, чернофигурная продукция уменьшается в количестве и ухудшается в качестве [1].

К концу VI в. до н. э. чернофигурный стиль [2] вытесняется краснофигурным, который отличается не только технически (фон рисунка черный, а изображения становятся красными или оранжевыми), но и содержательно: постепенно мастера переходят к реалистическим тенденциям и анатомической точности. Архаические черты искусства смягчаются, рисунок становится объёмным, естественным, позы людей приближаются к действительным. Краснофигурный стиль открывал перед художниками новые возможности.

На тёмном чётком фоне светлые фигуры выигрывали за счёт большей пластичности, драматичности. Пространство, сжимавшее фигуры, придавало изображениям особую глубину. Тонко прочерченные кистью линии позволяли выделить части тела, передать мельчайшие детали анатомии, игры складок, орнамент доспехов.

Одной из характерных черт того времени стало желание авторов подписать свои произведения, благодаря чему нам известны их имена. Кроме того, подписываются имена участников тех или иных сенок, делаются шуточные или гордые надписи. При Гипархе и Гиппии краснофигурный стиль вазовой живописи продолжал быстрое развитие, но экономическое значение данного вида керамики и её относительная важность для афинской торговли, возможно, была преувеличена [3]. Коринфская и афинская керамика в равной степени проникает в Элевсин в начале VI в. до н. э. вместе с вотивными вазами и пластинками, которые можно отнести к предметам афинского культа (высокогорлые амфоры), украшенные фигурами животных, богинь или жрецов. Они были изготовлены исключительно для Элевсина. Это свидетельствует о коммерческой инициативе, которую проводили Афины в Элевсине. При Писистрате ремесленники стали извлекать существенную выгоду от заказов на свои изделия. Так по этому поводу пишет исследователь Г. Берве: «не случайно, что как при Кипселидах коринфская, так при Писистрате аттическая керамика переживала расцвет: чернофигурные, а затем краснофигурные сосуды экспортировались в дальние страны и вытесняли с рынка любых конкурентов. Склонность к техническому прогрессу, свойственная некоторым тиранам, была не чужда и афинскому властителю» [4].

Обратимся к основным сюжетам, которые стали невероятно популярны в период правления Писистрата и его сыновей. Очевидно, что Писистрат стремился уравнять себя с великими героями античной мифологии и получить сакральную поддержку

со стороны самых авторитетных и мудрых богов, таких как Афина и Зевс. Отчётливо прослеживается тенденция в популяризации образа Геракла и мифологических сюжетов, связанных с ним. Не секрет, что изображение Геракла было популярным в Афинах практически всегда. Мы можем сделать такой вывод на основании избыточного количества чернофигурной керамики. Даже самая небрежная статистика указывает на то, что пропорция соотношения сцен с Гераклом ко всем остальным мифам большая. Выборка производилась известным исследователем Джоном Бордманом на основе бронзовых рельефов на щитах из Пелопоннеса (Аргос, Коринф) в конце VII — первой половины VI в. до н. э. Использовались для подсчётов коринфские вазы того же периода, спартанские вазы, что и афинские, и из других провинций Пелопоннеса, халкидские вазы с западных колоний.

По подсчётам Дж. Бордмана, сцены с Гераклом представлены в следующем соотношении:

Афинская чернофигурная керамика 510 г. до н. э. — 44%.

Пелопоннесские щиты — 27,5%.

Коринфские вазы — 27%.

Спартанские вазы — 27,5%.

Халкидские вазы — 23%.

Пропорции в скульптуре невыразительны, в связи с малым количеством сохранившихся. Но в указанный нами период в Афинах существовало шесть фронтонов со сценами, на которых изображён Геракл (при этом учитывается присутствие Геракла в сценах гигантомехии); один Дионисийский (на храме Дионисия), один неопознанный (фронтон Оливкового Древа).

Главным оппонентом Геракла был только Тесей, которого изображали на афинских вазах и пелопоннесских щитах чуть более 5%. Краснофигурная архаическая керамика предлагает следующие пропорции:

Геракл — 19,4%.

Тесей — 13,2%.

В V в. слияние двух этих героев пойдет значительно быстрее. Сравнительная незначительность Тесея для афинского искусства до 510 г. до н. э. неслучайна. Тиранической власти больше импонировал древнейший и солидный герой Геракл, сын Зевса. Тесей же нравился демократическим Афинам и после свержения династии Писистрата стал своеобразным оппонентом Гераклу и символом обновленного режима. Отметим, что сюжеты, где Геракл спасает Тесея от Аида, отсутствуют в изобразительном искусстве времён Писистрата и его сыновей. Другой пример негативного отношения к сближению Геракла и Тесея в VI в. до н. э. в Афинах — это отсутствие или присутствие самой Афины. Она часто изображается поддерживающей Геракла, как и других героев в VI в. до н. э., но редко показывается помогающей или славящей убийство Минотавра или освобождение афинских детей Тесею. После 510 г. до н. э. Тесей в самостоятельном качестве появляется в серии изображений путешествия из Трезена в Афины и в значительной степени в литературных сюжетах. И на этих изображениях Афина редко появляется в качестве постороннего наблюдателя. Когда Геракл борется со львом, то если и есть очевидцы, то неизбежно это будет Афина. Поэтому так существенен контраст между её покровительством Гераклу и Тесею. Сложно сказать, с чем связано прохладное отношение Писистрата к герою Тесею. Возможно, в архаику этот герой был меньше известен и популярен, чем Геракл, а тиран выбирал для собственной пропаганды исключительно сильные и беспримысленные образы.

Еще одним популярным сюжетом в вазовой живописи для периода правления Писистрата и его сыновей становится миф о Триптоleme. Такая крупная фигура, как герой Триптолем, была связана с элевсинскими мистериями. В Гимне Деметре он из тех, кого Деметра обучает своим обрядам. В классический период он находится подле богинь, и через него

грекам приносится благословление сельскому хозяйству. На афинских вазовых изображениях Триптолем появляется около 540 г. до н. э. [5]. Первое его изображение появляется на фрагменте керамики из Реггио, где Триптолем стоит с колосьями хлеба рядом с колесницей Деметры. Известно большое количество ваз, где Триптолем изображён восседающим на своём троне с колесом, готовящимся к выполнению своей миссии. Триптолем с роскошной густой бородой в изображении античных мастеров удивительным образом похож на самого Писистрата. Стоит предположить, что тиран, проявлявший неподдельный интерес к культуре плодородия и заботящийся о земледелии и земледельцах, хотел ассоциироваться у народа с Триптолемом, благословенным самой Деметрой.

Едва ли можно упрекнуть Писистрата в том, что ему потребовалось олицетворять себя с героями и искать своеобразной поддержки. Не секрет, что предполагаемые портреты Перикла и Фидия изображены в Амазономахии в статуях Парфенона. Второй вопрос — от кого шла инициатива: из дворца Писистрата и его придворных к мастерам или наоборот. У нас нет свидетельств и доказательств, что правитель делал специальные денежные вложения и заказывал керамические изделия с героической тематикой. Выбор Геракла в качестве героя для подражания также весьма неоднозначен. Гераклу, безусловно, покровительствовала Афина, городская богиня, однако он выступал явно в агрессивном и brutальном образе. Между тем, Писистрат позиционировал себя тихим, спокойным правителем (или достаточно того, что античная традиция зафиксировала его в качестве миролюбивого и мудрого человека). Так, например, Нестор или Одиссей — ещё один любимец Афины — подходил на эту роль гораздо лучше. Согласно свидетельству Геродота, Писистрат носил при себе дубину (вспомним его вооруженный дубинами отряд телохранителей).

На многих аттических керамических сосудах VI в. до н. э. изображен Геракл, обвитый чудовищем с телом рыбы; считается, что это Тритон. По одной из версий, эта сцена должна была служить напоминанием о военной кампании Писистрата против Мегар в 556 г. до н. э. за остров Саламин или за доступ к Пропонтиде. По другим источникам, это относится к активным действиям тирана на Гелеспонте. Если Геракл изображается с кифарой в руках и выступает в роли рапсода, скорее всего, речь идет о традиции Гиппарха декламировать поэмы на Панафинейских играх.

Последнее возвращение Писистрата в Афины произошло благодаря победе в битве при Палленах, где, согласно Геродоту, тиран внезапно ударил по спящим и играющим в кости противникам. «А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул, повел своё войско на врага. Афинские же горожане как раз в это время дня завтракали, а после завтрака одни занялись игрой в кости, а другие легли спать. Тогда Писистрат с войском напал на афинян и обратил их в бегство» (Геродот, I. 63). Вскоре после этого на вазах появляются изображения Аякса и Ахилла, вооружённых и в доспехах, бросающих кости. После успешной для Писистрата битвы он посылает своих сыновей в качестве вестников. Этот сюжет был изображён на чаше художником Лисиппом: группа гоплитов, лучников и всадников столпились вокруг человека с бородой на колеснице. Если это действительно так, то эта чаша — первый пример изображения исторического события в древнем мире [6].

Целенаправленное сближение двух образов сидящих на троне Зевса и Писистрата имело глубокий подтекст: так оформлялась пропагандистская идея о том, что если Зевс является воплощением власти на небе, то Писистрат воплощает её на земле. Следовательно, развитие этих образов задавалось идеологией и типом царской власти, служившей основой для легитимации власти Писистрата. И вопрос легитимности своей власти для Писистрата был ключевым: практически все

его действия и реформы в строительной и религиозной сферах были направлены на укрепление авторитета своей династии. Сыновья Писистрата продолжили политику отца по основным направлениям, однако их положение казалось уже гораздо стабильнее, поэтому свои силы они отдавали не на удержание власти, а на её распространение.

За период правления в Афинах Писистрата и его сыновей Гиппия и Гипарха вазовая живопись претерпела существенные изменения. Переход от чернофигурного к краснофигурному изображению никоим образом не связан с тиранами — это событие относится к совершенно естественному и закономерному явлению. Однако, без сомнения, тематика изображений и спектр сюжетов, которые появляются на вазах, киликах, чашах и прочих изделиях, свидетельствует о влиянии Писистрата и Писистратидов. Излюбленные герои правителей — Геракл, Триптолем, Афина, Зевс — появлялись на вазах как в чернофигурном, так и в краснофигурном варианте и отражали тенденцию к обожествлению тиранов. Искусство в эпоху Писистрата и его сыновей служило инструментом для проведения религиозной пропаганды и сакрализации и легитимизации образа правителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кембриджская история древнего мира. Т. IV. М., 2011. С. 516–517.
2. Boardman J. Early Greek vase painting: 11th–6th centuries BC. London, 1998. P. 288.
3. Кембриджская история древнего мира. С. 353.
4. Берве Г. Тираны Греции. Ростов-н/Д., 1997. С. 74.
5. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 340.
6. Cook R.M. Pots and Pisistratan Propaganda // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 107. 1987. P. 167–169.

ЛИЧНЫЕ АРХИВЫ БИБЛИОГРАФОВ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Архивы деятелей библиотечно-информационной сферы занимают существенное место в научно-биографической работе. На примере Сектора библиотековедения БАН рассмотрены особенности работы с архивами отечественных библиографов и её значение для развития биографики в области библиографии. Статья посвящается 60-летию Сектора библиотековедения БАН.

Ключевые слова: архивы отечественных библиографов, биографика библиотечно-информационной сферы, Сектор библиотековедения БАН.

Личность учёного, формируя информационное поле определенной области знания, во многом определяет специфику создаваемого знания, направления его развития, способы представления научной информации. Поэтому изучение биографии учёного, особенностей формирования его личности, среды, в которой закладывались и развивались его способности, позволяет более точно оценивать его достижения, внесенный им вклад в развитие науки, его влияние на научную и общественную жизнь своего времени. В настоящее время биографика как направление научно-исследовательской работы приобретает всё большее значение в различных областях научной деятельности. Важное значение имеет научно-биографическая деятельность и в библиотечно-информационной сфере, так как, благодаря этой деятельности, расширяются возможности рефлексии библиотековедения, библиографоведения и информатики.

Научно-биографическая деятельность в библиотечно-информационной сфере развивается, прежде всего, в вузах культуры и крупных научных библиотеках. Это связано с двумя факторами: в этих учреждениях проходит деятельность учёных, биографии которых представляют

интерес с точки зрения истории и современного развития науки, с другой стороны, в них имеются научные сотрудники, способные осуществлять научно-биографическую деятельность. Библиотека Российской академии наук (БАН) соединяет в себе оба эти фактора, что даёт основание говорить об её значении в развитии биографики в библиотечно-информационной сфере.

Под биографикой мы будем понимать «вспомогательную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий; тесно связанную с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, вспомогательными историческими дисциплинами» [1].

Перечисляя основные виды исторических источников для биографий, И.Ф. Петровская отмечает особую ценность личных архивов в целом. Наиболее важными документами, составляющими архив, она считает:

- 1) дневники, письма, воспоминания изучаемого лица;
- 2) его литературные, научные и другие труды;
- 3) официальные документы, удостоверяющие личность, её права и

обязанности, — удостоверения, грамоты, патенты о социальном положении, образовании, чинах, наградах и др.;

4) письма, присланные данному лицу разными лицами и организациями;

5) другие письма, дневники, воспоминания разных лиц, включающие сведения о нём;

6) рецензии на его труды и иные отзывы о нём в современной ему печати (в т.ч. статьи в прижизненных словарях и энциклопедиях);

7) делопроизводственная документация государственных и иных учреждений, общественных организаций, военных и военно-морских частей, где он служил, учебных заведений, в которых он учился, учреждений, с которыми связаны другие факты его жизни (судебно-следственные дела и др.);

8) официальные современные ему издания с биографическими сведениями (аннотированные списки лиц и др.);

9) материалы дополнительно к дневникам, переписке и проч., раскрывающие круг его интересов, — списки прочитанных и купленных книг, выписки из книг, записи стихов, песен и т. п., собранные им коллекции;

10) книги его библиотеки с дарственными надписями и его заметками;

11) имущественные и медицинские документы [2]. В перечень наиболее важных документов, предложенный И.Ф. Петровской, не вошли библиографические материалы, которые также могут быть включены в архивы деятелей науки, особенно в библиотечно-информационной сфере, и оказывать существенную помощь в изучении фактов биографии учёного и атмосферы общественной жизни того времени. С этой точки зрения большую ценность представляют персональные библиографические указатели, посвящённые данному лицу, а также универсальные, отраслевые и тематические указатели и базы данных, отражающие наряду с общими проблемами и персональные сведения.

В БАН документы по различным направлениям библиотечной, библиографической, книговедческой и информационной деятельности кумулируются в фонде Сектора библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиотековедения и библиографии (НИОБиБ). Кроме того, в составе фонда Сектора библиотековедения имеются личные архивы российских библиографов, что создает основания для научно-биографической деятельности в библиотечно-информационной сфере. Научно-биографическая деятельность Сектора библиотековедения сложилась в результате реорганизации, проведенной в БАН в начале 1990-х гг. Сектор библиотековедения стал частью вновь образованного НИОБиБ, что привело к изменению приоритетных направлений его деятельности, в том числе и научно-исследовательской, одним из которых стала работа с биографическими источниками.

Возросший интерес общества к отдельной личности, снятие административных барьеров позволили Сектору библиотековедения БАН приобретать и обрабатывать личные архивы отечественных библиографов. В 1992–2008 гг. Библиотекой были приобретены архивы Н.В. Здобнова (1888–1942) [3], А.В. Ратнера (1948–1991) [4], Э.К. Беспаловой (1930–2007) [5], которые поступили в Сектор библиотековедения. К настоящему времени отработана методика работы по хранению и описанию личных архивов в специализированном фонде, полностью обработаны архивы Н.В. Здобнова (640 ед. хр.) и А.В. Ратнера (413 ед. хр.). Начата работа с архивом Э.К. Беспаловой.

Главной ценностью архивного собрания Сектора библиотековедения БАН является личный архив известного библиографа-энциклопедиста Н.В. Здобнова, приобретенный в 1992 г. В нём представлены рукописи опубликованных и неопубликованных работ учёного по теории и истории библиографии, проблемам классификации документов, экономике книги, краеведческой библиографии

и т.д., а также материалы, связанные с его преподавательской деятельностью в Московском государственном библиотечном институте, документы, отражающие его участие в различных обществах, учреждениях и организациях. В переписке Н.В. Здобнова отражены события, связанные с формированием библиографической деятельности в 1920–1930-х гг., проблемами подготовки и публикации его научных, методических, библиографических трудов, его личной судьбой. Самым большим достоянием этого архива является рукопись основного труда учёного — «История русской библиографии от древнего периода до начала XX века», которую многие исследователи-библиографы считали утерянной. Изданные в 1944–1955 гг. три издания «Истории русской библиографии...» были осуществлены по машинописному варианту готовившейся к изданию ещё при жизни автора монографии. Они существенно отличаются от рукописного варианта этой работы. Наличие рукописи позволило осуществить научный проект по подготовке комментированного издания «Истории русской библиографии...» в авторской редакции [6], которое было опубликовано в 2012 г. Ценность этого издания состоит в уникальном сочетании авторского текста Н.В. Здобнова, текстологического комментария, выполненного на основе архивных документов его фонда, и реального научного комментария, подготовленного коллективом ведущих сотрудников крупнейших научных учреждений Российской Федерации — Библиотеки Российской академии наук, Российской национальной библиотеки (РНБ), Санкт-Петербургского университета культуры и искусств (СПбГУКИ).

На основе материалов архивов отечественных библиографов, хранящихся в Секторе, был подготовлен ряд публикаций, позволивший ввести в научный оборот новые материалы об их жизни и деятельности. Материалы из архива Н.В. Здобнова позволили раскрыть проблемы, связанные с подготовкой

предшествующих публикаций «Истории русской библиографии...», активизировали поиски материалов, раскрывающих перипетии подготовки под руководством Н.В. Здобнова «Библиографии Дальневосточного края» и причины, по которым этот капитальный библиографический указатель так и не был издан, были опубликованы письма, написанные Н.В. Здобновым и адресованные ему [7].

Материалы личного архива А.В. Ратнера отражают его многогранную деятельность как историка, библиографа, архивиста. Всю свою короткую жизнь он посвятил изучению истории Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935). Его эпистолярное наследие (228 ед. хр.) посвящено переписке с оставшимися в живых политкаторжанами и их близкими, созданию биобиблиографического словаря «Историки русского освободительного движения». Одиннадцать лет (1980–1991) Александр Владимирович работал редактором в журнале «Советская библиография», поэтому его творческие планы включали работу над словарем библиографов «от Рюрика» до конца 30-х гг. XX в. Но для этого была «нужна солидная организация, которая бы обеспечила организаторскую и издательскую сторону, а таковой нет» [8].

На основе архивных документов А.В. Ратнера была издана книга, включающая дневники, письма, неизданные работы, в том числе его основной труд «История русского освободительного движения», воспоминания друзей и коллег, список его публикаций [9].

Все работы А.В. Ратнера носили ярко выраженный биографический характер и посвящены деятелям русского освободительного движения — историкам и библиографам. Как человек, обладающий архивным образованием, он, по возможности, собирал архивные материалы. В хранящемся в БАН архиве А.В. Ратнера имеются архивные документы А.В. Храбровицкого (1912–1989) — литературоведа, знатока творчества В.Г. Короленко,

и братьев М.П. и Н.П. Рогожиных — московских купцов, старообрядцев, просветителей и их родственников. Среди них — сведения об известном библиографе и библиофиле конца XIX в. Владимире Николаевиче Рогожине (1859–1909), сыне одного из братьев Рогожиных. Им, в частности, были подготовлены «Материалы для русской библиографии XVIII — первой половины XIX столетий. Том 1. 1902; Том 2. 1922», а также «Указатель к труду В.С. Сопикова “Опыт Российской библиографии”».

Начата в Секторе библиотековедения разборка поступившего в 2008 г. архива известного библиографа, книговеда, педагога, профессора Московского государственного института культуры (МГИК) Э.К. Беспаловой. Кроме её личного архива здесь же хранится и архив её мужа М.Н. Беспалова (1928–1976) — книговеда, библиографа, педагога, основателя экономической библиографии в России. Дальнейшая работа с этим архивным фондом позволит проследить судьбы библиографов на протяжении XX в., выявить тенденции развития библиографии, формирования её направлений.

Важную роль в создании и распространении исторических источников для биографий отечественных деятелей библиотечно-информационной сферы играет организация сотрудниками Сектора совместно с Научно-исследовательским отделом истории Академии наук (НИОИАН) Библиографических чтений памяти К.И. Шафрановского. Были проведены две научные конференции — в 2008 и 2011 гг. [10]. В них приняли участие не только сотрудники БАН и родственники К.И. Шафрановского, но и научные сотрудники Москвы, Беларуси, Болгарии. Библиографические чтения и издание сборников работ участников научной конференции осуществлены Библиотекой в рамках разрабатываемого в БАН направления по изучению истории библиотековедения и библиографоведения советского периода [11]. В ходе проводимых в БАН научных чтений

выявляются материалы, связанные с научной, библиографической и организаторской деятельностью К.И. Шафрановского, публикуются его неизвестные раннее работы, воспоминания о нём его родственниками, коллег, друзей. Отдельные архивные материалы К.И. Шафрановского хранятся в семье его родственников, поэтому проведение Библиографических чтений способствует сохранению и введению в научный оборот документов, связанных с его именем. Проведение научных конференций, посвященных памяти К.И. Шафрановского, способствовало активизации работы по подготовке биографических материалов о коллег-библиографах участниками Чтений из Российской национальной библиотеки (РНБ) (материалы о Г.А. Озеровой, Г.М. Вольберг, А.И. Масловой), Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского (о К.И. Дворецковой, А.Я. Ильиной, Л.К. Бурьян) и др. Тесно связана с этим направлением и работа сотрудников Сектора по подготовке воспоминаний и иных отзывов о деятельности коллег, рецензий на их труды. Среди этих работ — воспоминания и портреты учителей — преподавателей Ленинградского государственного института культуры (ЛГИК, ныне — СПбГУКИ) Н.Г. Чагиной [12], Г.И. Поздняковой [13], Р.Ф. Грининой [14], коллег (Н.К. Леликовой, А.Н. Масловой и др.) [15], статьи для томов биографической энциклопедии «Великая Россия», посвящённых сотрудникам БАН [16]. Специфической формой работы Сектора библиотековедения в области биографики является организация с 1992 г. персональных выставок известных деятелей библиотечно-информационной науки и практики. Среди них выставки, посвящённые известным учёным: Б.Ф. Володину, Н.В. Здобнову, А.В. Соколову, преподавателям ЛГИК–СПбГИК: И.В. Гудовщиковой, Н.Г. Чагиной, А.Н. Ванееву и др.

Важными источниками биографической информации о деятелях

библиотечно-информационной сферы, с нашей точки зрения, являются персональные библиографические указатели (базы данных). Представляя разнообразную информацию о конкретном лице, они выполняют подытоживающую и мемориальную функции, позволяя увидеть разнообразные грани деятельности данного лица, обосновать хронику его жизни и деятельности, представить события его биографии и деятельности в контексте времени: в отзывах и воспоминаниях современников, рецензиях на его труды, памяти коллег и учеников. Сотрудники Сектора библиотековедения приняли участие в подготовке ряда персональных указателей в качестве составителей и библиографических редакторов [17].

Существенное значение в представлении персональной информации имеют отраслевые и проблемно-тематические указатели, если в них имеются подразделы, отражающие документы о лицах, связанных с данным направлением деятельности. Биографическая информация представлена в них менее полно, чем в персональных указателях, но иногда это единственные источники сведений о том или ином лице. Специалисты Сектора библиотековедения участвовали в создании целого ряда таких указателей, начиная от указателей трудов сотрудников БАН и кончая указателем содержания журнала «Библиография» [18]. С 1964 г. вышло 5 выпусков указателя трудов сотрудников БАН, отражающего литературу по истории и современной деятельности Библиотеки. В последнем выпуске, отражающем материалы за 2000–2009 гг., наряду с именными указателями, имеются такие разделы, как «Сотрудники Библиотеки РАН (статьи и некрологи)» и «Персоналии», в которых представлены работы сотрудников БАН, посвящённые деятелям других библиотечно-информационных учреждений и организаций. В указателе содержания журнала «Библиография» имеется специальное деление «Персоналии деятелей библиографии, библиотечного

и книжного дела» с подразделом «Награждения и юбилеи».

Таким образом, научно-биографическая деятельность Сектора библиотековедения БАН является многообразной и разносторонней. При этом работа с личными архивами отечественных библиографов сохраняет свое значение как наиболее приоритетная её часть. На примере БАН можно сделать вывод, что работа с личными архивами деятелей библиотековедения, библиографии и информатики в секторах и кабинетах библиотековедения крупных научных библиотек открывает перед ними новые возможности научной, исследовательской, библиографической деятельности. Работа по собиранию, хранению и предоставлению научному сообществу архивных материалов биографического характера о деятелях библиотечно-информационной сферы позволит полнее и ярче представить процессы формирования и развития этой важной области отечественной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Некрасова Н.В. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 31.
2. Петровская И.Ф. Биографика : введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801–1917 гг. СПб., 2003. С. 55–56.
3. Бокан М.Г. 1) Архив Н.В. Здобнова в фондах Библиотеки Российской академии наук // Библиография. 1994. № 1. С. 111–113; 2) Личные архивы библиографов в Библиотеке Российской академии наук // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 201. Книжное дело вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. Традиции и инновации в книжном деле. СПб., 2013. С. 199–203.
4. Бокан М.Г. Личный архив А.В. Ратнера в специализированном фонде Библиотеки РАН // Библиография. 2012. № 5. С. 58–60.

5. *Бокан М.Г.* Научное и архивное наследие Э.К. Беспаловой в фондах Библиотеки Российской академии наук / М.Г. Бокан, Н.М. Баженова // Библиография. 2014. № 3. С. 129–133.

6. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии от древнего периода до начала XX века : коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка; под ред. : Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина; [науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.К. Леликова; редкол. Н.М. Баженова и др.]. М.: Рус. слово, 2012. 1243 с. (История русской науки : исслед. и материалы / ред. Серии : П.Г. Гайдуков, М.П. Лепехин).

7. См.: *Бокан М.Г.* 1) Весомый вклад в историю отечественной библиографии : к выходу в свет комментированного издания «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 58–62; 2) Непрочитанный доклад Николая Васильевича Здобнова / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Мир библиогр. 2001. № 5. С. 35–41; Материалы по «Библиографии Дальневосточного края»: публикация А.Н. Масловой, Н.В. Пономаревой // Историко-библиогр. исслед. : сб. науч. трудов. СПб., 2002. Вып. 9. С. 181–203; *Пономарева Н.В.* Проблемы книговедения и библиографии в переписке Н.М. Куфаева и Н.В. Здобнова : по материалам хранящегося в Библиотеке РАН архива Н.В. Здобнова // Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев, 1888–1948 : сб. науч. трудов по материалам 15-х Смирдинских чтений. СПб., 2010. С. 227–233; «Душевно преданный Вам...» : письма Б.С. Боднарского к Н.В. и Н.И. Здобновым / публ. М.Г. Бокан, С.Н. Чебановой // Историко-библиогр. исслед. Вып. 7. СПб., 1998. С. 178–188, и др.

8. *Шикман А.П.* В контексте времени и среды: памяти А.В. Ратнера, 1948–1991 // Сов. библиогр. 1992. № 2. С. 128.

9. *Бокан М.Г.* Забытые имена в истории Библиотеки Академии наук : работа с архивными документами // Сборник

научных трудов: по материалам науч. конф. БАН / [редкол. : В.П. Леонов (отв. ред.) и др.]. СПб., 2010. С. 182–186; Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера / сост. : А.И. Рейтблат, А.П. Шикман. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 751 с.

10. Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / Б-ка Рос. акад. наук; [редкол. : сост. : Н.М. Баженова, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, А.А. Романова, О.В. Скворцова (отв. ред.); науч. рук. В.П. Леонов]. СПб. : БАН, 2011. 288 с.; Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17 октября 2011 г.) / Б-ка Рос. акад. наук; [редкол. : Н.М. Баженова, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, А.А. Романова, О.В. Скворцова (отв. ред.); науч. рук. проекта В.П. Леонов]. СПб. : БАН, 2014. 291 с.

11. *Леонов В.П.* Вместо предисловия // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / Б-ка Рос. акад. наук; [редкол. : сост. : Н.М. Баженова, и др.; науч. рук. В.П. Леонов]. СПб., 2011. С. 7.

12. *Бокан М.Г.* Вспоминая учителя : к 90-летию со дня рождения Нины Григорьевны Чагиной // Информ. бюл. РБА. 2010. № 55. С. 96–98.

13. *Леонов В.П.* Жизненный путь – творческий путь : памяти Генриетты Ивановны Поздняковой / В.П. Леонов, В.В. Головин, Н.В. Пономарева // Библиотековедение. 2011. № 5. С. 84–86.

14. *Бокан М.Г.* Известный библиотековед и любимый педагог Римма Федоровна Гринина / М.Г. Бокан, Е.Е. Ительсон // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17 октября 2011 г.) / Б-ка Рос. акад. наук;

[редкол. : сост. : Н.М. Баженова [и др.]; отв. ред. О.В. Скворцова; науч. рук. проекта В.П. Леонов]. СПб., 2014. С. 10–16.

15. Пономарева Н.В. Одна, но пламенная страсть...: [штрихи к портрету Н.К. Леликовой] / Н.В. Пономарева, М.Г. Бокан // Мир библиогр. 2004. № 3. С. 13–14; Бокан М.Г. А.Н. Маслова в Библиотеке Российской академии наук / М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева // Александра Николаевна Маслова (1933–2011): биобиблиогр. указ. / Рос. нац. б-ка, Б-ка Рос. акад. наук; [сост. Л.С. Николаева; ред. Н.М. Балацкая]. СПб., 2014. С. 28–30.

16. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. СПб.: Гуманистика, 2014. Кн. 1, 2. (Великая Россия: рос. биограф. энцикл. / под ред. А.И. Мелуа; т. 13, 14).

17. См., например: Валерий Павлович Леонов: биобиблиогр. указ. / Б-ка Рос. акад. наук; [сост. : А.И. Богданов, М.Г. Бокан, О.А. Булдина (библиогр. ред.); отв. ред. Н.В. Колпакова]. СПб.: БАН, 2002. 60 с.; Библиотечное дело и библиография в мире современной науки: к 70-летию д-ра пед. наук, проф. Валерия

Павловича Леонова: указ. публикаций / Рос. акад. наук, Б-ка Рос. акад. наук; сост. : А.И. Богданов, М.Г. Бокан, Н.В. Пономарева, О.В. Скворцова. СПб.: БАН, 2012. 71 с.; Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951): биобиблиогр. указ. / Б-ка Рос. акад. наук; [отв. ред. Н.В. Колпакова; редкол. : Н.В. Пономарева, Г.З. Пумпян (отв. ред.), С.П. Финогенова, О.Г. Юдахина]. СПб.: Альфарет; БАН, 2007. 230, [1] с. (Библиография Востока; № 2).

18. См., например: Библиотека Академии наук СССР (1714–1964): библиогр. указ. Л., 1964. 308 с.; Библиотека Российской академии наук: указ. трудов сотрудников, 2000–2009 / отв. ред. : А.И. Богданов, Н.В. Колпакова; сост. : М.Г. Бокан, Т.Б. Маркова, Н.В. Пономарева, Л.А. Хвощевская. СПб.: БАН, 2015. 235, [1] с.; «Библиография»: указ. содержания журнала, 1992–2008 гг. / Рос. кн. палата, Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка; [сост. О.А. Булдина [и др.]; редкол. Р.А. Айгистов (пред.) [и др.]; отв. ред. : Н.К. Леликова, Н.В. Пономарева; авт. вступ. ст.: В.П. Леонов, Н.К. Леликова]. М.: Бук Чэмбэр Интернэшнл, 2010. 447 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ В ИНТЕРНЕТ И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ТЕРМИНОВ

АННОТАЦИЯ

В статье описываются две разновидности шумовой информации в Сети, связанные с омонимией и полисемией поисковых терминов. Омонимия дает информацию, далеко расходящуюся с информационными потребностями пользователя, а полисемия — неполное расхождение с такими потребностями. Эффективным средством борьбы с данным шумом является лексическая привязка запросов к необходимой для пользователя тематической области.

Ключевые слова: поиск в Интернет, информационный шум, омонимия, полисемия, привязки запроса к тематической области.

1. Природа и виды информационного шума

Информационный шум представляет собой известные нарушения, сбои при передаче информации от её производителя к получателю (пользователю). В Интернет имеется разная по содержанию, часто избыточная и во многом неконтролируемая информация. Из-за такого характера сетевой информации пользователь может получать веб-страницы, предназначенные не для него и не соответствующие его информационным потребностям. Характер несоответствия сетевых документов информационным потребностям пользователя может быть разным и служить основанием для классификации шумовых документов, рассматриваемой в настоящей работе. В сети обнаруживаются следующие случаи шумовой информации:

- денотативно неадекватная информация, когда к пользователю поступают явно не отвечающие на запрос веб-страницы;
- информация, относящаяся не к требующейся данному пользователю дисциплине, а к смежной области знания;
- информация, неадекватная в жанрово-стилевом отношении;

• информация, неадекватная из-за того, что одни и те же страницы неоднократно предоставляются пользователю.

Работа построена на материале запросов, использовавшихся для составления путеводителя по вопросам сохранности документов, доступного на сайте БАН [1]. Далее будут рассматриваться две разновидности информационного шума в Сети: денотативно неадекватная информация и не вполне соответствующие информационным потребностям пользователя веб-страницы.

2. Омонимия и полисемия поисковых терминов

Денотативно неадекватная информация в наибольшей степени удалена от области интересов пользователя. Так, при поиске информации о переплётах по термину *Binding* пользователь будет иметь информацию о переплётах и, в качестве шума, ещё информацию об американском певце Криссе Байдинге (*Chris Binding*). При поиске информации о ртути по слову *Mercury* в ответ будет выдана информация не только о ртути как о химическом веществе, но и о британском певце *Фредди Меркьюри* [2, с. 70–71]. В приведённых примерах соотношение разных

значений названных языковых единиц соответствует отношению омонимии, когда одно слово обозначает две совершенно разные вещи (имеет различные денотаты). По этой причине данный вид шумовой информации мы называем денотативно неадекватной. При поиске информации для путеводителя этот вид шума не составляет особой проблемы, поскольку полная омонимия поисковых терминов встречаются исключительно редко. Трудности возникают тогда, когда между значениями слов поисковых терминов имеется отношение полисемии и эти значения, хоть они и различны, в недостаточной степени удалены друг от друга.

3. Устранение многозначности поисковых терминов

Известно, что омонимию и полисемию языковых единиц в естественном языке и в запросах устраняет контекстное окружение слова. Частным видом контекста в запросах являются ключевые слова, указывающие на предметную область, необходимую данному пользователю. Информация о требуемой пользователю области знания может быть обозначена в явном виде или иметь имплицитное выражение, описываемое, например, таким образом: «Правильное значение слова может быть установлено при помощи контекста, в котором это слово упоминается. Слово *платформа* может означать железнодорожную платформу, или платформу программного обеспечения, а также платформу, как часть обуви» [3]. Описываемые предметные области в рассмотренном тексте — это *железнодорожный транспорт, программное обеспечение, обувная промышленность*. «Конкретизировать значение слова, кроме контекста, помогает также ситуация общения, сфера речевой деятельности. <...> В слове *адаптация* то или иное значение проявляется в зависимости от того, употребляется ли оно в речи медиков (*адаптация организма*) или в речи преподавателей (*адаптация*

текста)» [4]. Предметные области: *медицина, преподавание языков*.

В этой работе рассматривается предметная область «сохранение документов» и неявное обозначение её ключевыми словами *Библиотеки, Музеи, Архивы*. Одни из названных слов (Библиотеки, Архивы) называют хранилища документов на бумажной основе, другие (Музеи) — хранилища в основном небумажных культурных ценностей. Как показывают определения этих понятий [5–7], в их содержании имплицитно содержатся элементы значения «сохранение», «документы» или «культурные ценности». Эти значения (семы) относят тексты запросов и документов к тематической области сохранения документов. Привязка к данной тематике заключается в том, что описываемые ключевые слова изменяют и уточняют значение текстов, привнося в них значения «сохранение» и «документы» («культурные ценности»).

Наиболее характерные для описываемой тематической области ключевые слова *консервация, сохранение, дезинфекция, нетоксичная обработка*, а также ассоциируемые с ними слова в контексте рассматриваемой лексики получают значение «консервация документов», «сохранение документов», «нетоксичная обработка документов». Аналогичным путем изменяется также значение биологических терминов, таких, как *биоповреждения, биологические вредители, дезинфекция, фумигация, пестициды, биоциды* и многие другие слова. Без привязки к какой-либо области знания этим словам в Интернет соответствует информация, относящаяся, главным образом, к медико-биологической, сельскохозяйственной, строительной и другой проблематике и имеющая в лучшем случае косвенное отношение к сохранению документов.

Элементы значения «документы», «хранение» применительно к тематической области консервации документов являются текстообразующими. На основе общности сем происходит «согласование значений» слов, составляющих

целостное содержание предложений и текста [8, с. 13–14]. Когда эти семы одновременно присутствуют в тексте, информация относится к тематической области консервации документов, в одних случаях прямо и непосредственно обозначая предметную область (*Вопросы сохранности документов*), в других ситуациях, обозначая её неявно, косвенным образом, эксплицированием из названий документохранилищ (*Биоповреждения в библиотеках, музеях, архивах*). Если какой-то из названных двух элементов значения в тексте отсутствует, информация будет являться не вполне адекватной и шумовой по отношению к консервации документов. Примеры такой информации, в которой отсутствует элемент содержания «документы»: *Биоциды в строительной химии, Биоциды для защиты бетона, Биоповреждения строительных материалов, Биоповреждения древесины, Биоповреждения вредителями леса, Вредители белокочанной капусты, Вредители садов, Дезинфекция изделий медицинского назначения, Дезинфекция помещений для птицы, Пестициды: защита для растений или трава для окружающей среды, Чем опасны пестициды, нитраты и нитриты в овощах и фруктах*.

Какая-то часть информации, описанной выше, является смежной по отношению к тематической области консервации документов и относится к промежуточной области между релевантной и шумовой информацией. В таком случае говорят, например, что это шум, но «не вредный» и что данная информация в общем похожа на нужную, но является все же не той. В результатах информационного поиска этот вид шумовой информации имеет наиболее широкое распространение.

4. Проявления шума при поиске с ограничением тематической области

Определенная часть информации, получаемой при проведении поиска, не является адекватной для путеводителя не потому, что является шумовой, а на том основании, что она не является

ценной. Точного описания того, что входит в понятие «малоценная информация», для рассматриваемого путеводителя не установлено, но общее представление об этом понятии дает нижеследующий ориентировочный список того, что, по нашей оценке, относится к малоинформативным для пользователей документам. К таким документам относится:

- информация о консервации документов в малых, например, районных библиотеках, музеях, архивах;
- информация о консервации документов в документохранилищах стран, не имеющих должного опыта организации библиотечного дела;
- работы студентов и школьников;
- информация из новостных и газетных сайтов;
- патенты и информация об оборудовании;
- информация из онлайн-каталогов библиотек.

Данная информация чаще всего устраняется из результатов информационного поиска при визуальном контроле и подготовке к включению в путеводитель полученных материалов.

В результате информационного поиска, проводимого с целью комплектования путеводителя, часть информации является шумовой, обеспечивающей приемлемую полноту проведения поиска. Так же, как точность, не самой высокой является и полнота проведения поиска. При создании путеводителя не ставилась цель построить ресурс, содержащий всю имеющуюся в Интернет информацию по вопросам сохранности документов. Задача ставилась по-другому: создать представительную коллекцию ссылок по тематике консервации документов, отражающую основные информационные потребности потенциальных пользователей путеводителя.

Каким образом производится уточнение запроса при употреблении слов, называющих предметную область, далее показывается на примере запросов предметного класса Environment Control.

При поиске информации данная общая тема разбивается на четыре подтемы:

EnvironmentControl
IndoorAirQuality, Dust
Lighting
Temperature&Humidity.

Содержание каждой из них представляется в виде серий информационных запросов с употреблением слов Libraries, Museums и Archives. В приводимых ниже примерах слева представлены формулировки подтем, справа — списки запросов, которые соответствуют каждой подтеме и по которым проводятся поиски с целью комплектования путеводителя:

Environment Control — Microclimate Control Library, Environment Control Library, Microclimate Control Museum, Environment Control Museum, Microclimate Control Archives, Environment Control Archives.

Indoor Air Quality — Indoor Air Monitoring Library, Indoor Air Monitoring Museum, Indoor Air Monitoring Archives.

Dust — Library Dust, Museum Dust, Archival Dust, Airborne Particle Library, Airborne Particle Museum, Airborne Particle Archival.

Lighting — Library lighting, Museum lighting, Archives lighting.

Temperature & Humidity — Temperature Humidity Library, Temperature Humidity Museum, Temperature Humidity Archives.

Из результатов информационного поиска по приведенным запросам удаляются дубли, малоценная и являющаяся шумовой информация, ссылки нормализуются в лингвистическом отношении (приводятся к определенному «стандартному» виду), и после такой обработки ссылки включаются в путеводитель.

Три описываемых маркера тематической области, в разной степени, лучше и хуже, «приспособлены» для выполнения названной функции. Среди названных слов в этой функции лучше всего выступает слово *Музей*. На специализированном словарном сайте АКАДЕМИК описано только одно значение данного

слова, это — место хранения и экспозиции памятников истории и искусств [6]. Очевидно, по этой причине слово *Музей* не дает аномально большого количества шума при поиске. Единственный случай информационного шума связан с запросом *Пожары в музеях* (Fire in Museum). В ответ на данный запрос из Сети поступает большое количество шумовых документов за счет информации, описывающей *Музеи пожаров* и *Музеи пожарного дела*. Попытки борьбы с данным шумом путем изменения порядка слов, как *Museum Fire* вместо *Fire in Museum*, и операции логического отрицания, как *Fire in Museum* — [операция логического отрицания] “Fire Museum”, не дают положительного результата. Для удаления шума можно использовать заключение запроса в кавычки, как «Fire in Museum», но данная обработка запроса не вполне применима, так как при этом будет значительной неполнота получаемой информации (информационные потери при поиске).

Менее результативным в рассматриваемой роли (средства обозначения тематической области) является слово *Библиотека*. Кроме значения ‘ книгохранилище’ (от греческого *biblion* книга и *theke* хранилище), это слово имеет еще два основных значения: собрание книг и серия изданий (*Библиотека поэта*) [5]. Особое употребление у этого слова имеется в программировании. Здесь оно означает файл или совокупность файлов, в которых хранятся процедуры, подпрограммы, функции, макроопределения и другие данные, используемые программами [9]. Ещё больше значений имеется у английского слова *Library* (до 7 разных значений), выделяемых в словарях английского языка. Среди них есть значение (3) коллекция по существу любых материалов, используемых для чтения, просмотра, прослушивания, изучения и получения справок [10]. Приводимые ниже примеры словосочетаний с этим значением выбраны из наиболее авторитетных словарей английского языка: *Article Library, Audiobooks Library, Blu-ray Discs Library, Cassettes*

Library, CDs Library, Children's Toys Library, Clay Tablets Library, Dance Library, DNA Library, DVDs Library, e-Books Library, Electronic Library, Film Library, Flower Library, Library of Genetic Material, Library of Jazz Records, Map Library, Microform Library, Photo Libraries, Program Library, Record Library, Software Library, Videotape Library, Windows Libraries.

Употребление слова в последнем значении ведет к информационному шуму при поиске по многим запросам и, в частности, по запросу *Pests in Libraries* (биологические вредители в библиотеках). Причиной информационного шума является то, что из запроса *Pests in Libraries*, после обычного для Интернет преобразования его грамматической формы (удаляется предлог «in» и словам придается форма единственного числа), получается поисковое выражение *PestLibrary*, и данное выражение имеет значение не «вредители в библиотеках», а «библиотека биологических вредителей». Поскольку коллекции описаний биологических вредителей, прежде всего — насекомых, очень часто встречаются на специализированных сайтах, рассматривающих истребительные меры борьбы с биологическим фактором, термин *PestLibrary* является очень частотным. В ответ на него выдается большое количество информации, которая является шумом в ответ на запрос о биологическом факторе в библиотеках. Для борьбы с этим шумом эффективно использовались следующие средства: заключение запроса в кавычки, добавление в запрос слова *Book*, как *PestsinLibrariesBook* и сужение содержания запроса *PestsinLibraries* с заменой термина *Pests* на *PestControl*, *PestManagement*.

Отметим, что русское слово *Библиотека* не имеет значения «коллекция любых материалов» и по этой причине при поиске с употреблением его не возникает большого количества шумовой информации. Русским эквивалентом *PestLibrary* в Интернет является его буквальный перевод с английского языка, наименование *Библиотека вредителей*.

То, что последнее выражение не очень приемлемо в терминологическом отношении, показывает сравнение частотности рассматриваемых терминов. Частотность *PestLibrary* при поиске в Google составляет 46.400, а у термина *Библиотека вредителей* — только 9 употреблений и лишь одно из них в заголовке статьи. По нашему мнению, это свидетельствует, что русская номинация представляет собой нововведение, кальку с английского языка и не является устойчивым термином в тематической области консервации документов.

Аналогичные вышеописанным виды значений имеются также у слова *Архив*. Основные значения — это (1) учреждение, где хранятся старые документы, письменные памятники; (2) совокупность рукописей, писем, снимков и т.д. [7]. В информатике слово *Архив* означает: (3) устройство для долговременного хранения (магнитная лента, компьютерная директория или папка), содержащее копии файлов для их последующего восстановления; (4) коллекция цифровых данных, сохраняемая указанным образом; (5) компьютерный файл, содержащий один или более сжатых файлов; (6) коллекция информации, постоянно хранящаяся в Интернет [11].

Запросы с описываемым словом дают очень неточную выдачу информации как при поиске с термином *Archives*, так и с русским эквивалентом этого слова. Причиной информационного шума, например, по запросам *Lighting Control in Archives*, *Environment Control in Archives* является значение (6) коллекция информации, постоянно хранящаяся в Интернет. Последнему определению соответствуют: сетевые архивы новостей, архивы сообщений, архивы вопросов и ответов пользователей на форумах, подборки статей по какой-либо теме и многие виды другой информации. Электронные архивы имеют столь широкое распространение в Интернет, что при поиске со словом *Архив* в первую очередь выдается информация о них, а не об архивах

на бумажных носителях. При этом если поиск по терминам *Библиотека*, *Музей* приводит к информационному шуму только при некоторых относительно редких употреблениях названных слов, то в случае слова *Архив* положение совершенно иное. Информация о бумажных архивах представлена в выдаче лишь в малом количестве и в виде «вкраплений» в основном в шумовых результатах информационного поиска. Примеры такого информационного шума: [Apex Pest Control Archives](#), [Insects Pests and Diseases Archives](#), [Lawn Insects & Pests Archives](#), [Pest Control Archives](#), [Pest Management Archives](#), [Pests and diseases Archives](#), [Science of Pests Archives](#). Эффективных средств отсекающего данного шума при работе с путеводителем по сетевой информации к настоящему времени не установлено. По этой причине отбор релевантных для путеводителя документов по архивной тематике производится главным образом визуальным просмотром очень большого количества шумовой информации, и на эту работу расходуется много усилий и времени.

В качестве маркеров тематической области нами использовались не только слова *Библиотеки*, *Музеи*, *Архивы*, но и прямое обозначение её при помощи слов *консервация документов*. Данное средство не эффективно при поиске, так как предметная область в сетевых документах часто обозначается косвенным образом, а прямое наименование её означает неполную выдачу информации. Косвенным обозначением тематической области являются, в частности, упоминавшиеся ранее ключевые слова *биоповреждения*, *биологические вредители*, *дезинфекция*, *фумигация* и т.п., которые обозначают предметную область в сочетании с названиями документохранилищ. Если предметную область выделяют слова *консервация* и *документы*, то в результате будут потери и, очевидно, значительные релевантной для путеводителя информации.

Заключение

Рассмотрение разновидностей шумовой информации, связанной с омонимией и полисемией поисковых терминов, показывает, что данный вид шума хорошо устраняется контекстным окружением слова в запросе, а важным видом контекста являются ключевые слова, описывающие предметную область. Для тематической области консервации документов хорошие результаты дает ограничение поисковой области ключевыми словами *Библиотеки*, *Музеи*, *Архивы*, являющиеся маркерами тематической области, неявным обозначением принадлежности к ней текстов запросов и документов. Привязка к указанной области с помощью названных слов имеется почти в 70% запросов, по которым проводится комплектование путеводителя по сохранности документов на бумажной основе. Для привязки к рассматриваемой области можно использовать и другие слова, но эти три слова являются наиболее предпочтительными.

Определение лексических ключей доступа к тематической области поиска можно рассматривать как одну из задач теории сетевого информационного поиска и составления информационных запросов. Согласно главному правилу подготовки запросов, целесообразно использовать поисковые выражения, состоящие из большого количества слов: «Правильный запрос состоит из нескольких слов, потому что по одному слову обычно трудно понять, что вы хотите найти» [12]; «Для достижения необходимого результата уточните (конкретизируйте) запрос, используя ключевые слова. Если вы ищете сведения по автомобилю Toyota, например, то ваш вопрос должен быть: “автомобиль toyota”, а не “автомобиль”» [13]; «Для улучшения результатов информационного поиска рекомендуется сужать сектор поиска, используя в запросе четвертое, пятое, если нужно, шестое уточняющее слово» [14].

Из сказанного в этой статье вытекает, что при подготовке запросов лучше выбирать те слова, которые служат привязкой

запроса к необходимой для пользователя тематической области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путеводитель по вопросам сохранности документов на бумажной основе — <http://91.151.182.200:8083/>

2. *Пименов Е.Н.* Преимущества путеводителей по сетевой информации по сравнению со свободным поиском в Интернете // Петерб. библ. шк. 2015. № 1 (40). С. 70–76.

3. Анализ текстовых документов для извлечения тематически сгруппированных ключевых терминов — http://citforum.ru/database/articles/kw_extraction/2.shtml

4. Полисемия, омонимия и точность речи — <http://nkozlov.ru/library/samorazvit/d4200/print/?resultpage=13>

5. Библиотека // Словари и энциклопедии на Академике — <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=.%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0+&from=xx&to=ru&did=&stype=0>

6. Музей // Словари и энциклопедии на Академике — <http://dic.academic.ru/>

[searchall.php? SWord=%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9&from=xx&to=ru&did=&stype=0](http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9&from=xx&to=ru&did=&stype=0)

7. Архив // Словари и энциклопедии на Академике — [http://dic.academic.ru/searchall.php? SWord=%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2&from=xx&to=ru&did=&stype=0](http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2&from=xx&to=ru&did=&stype=0)

8. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М. : Восточная литература, 1995. VIII, 472 с.

9. Библиотека // Глоссарий.ru — http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RPwujwgsst:!!

10. Library // Dictionary.com — <http://www.dictionary.com/browse/library%E8%F1EA>

11. Archives // Dictionary.reference.com — <http://dictionary.reference.com/browse/archives?s=t>

12. Поиск в Интернете: Все студенты — <http://everything-for-students.ru/?p=306>

13. Как пользоваться поисковыми системами — <http://spayte.ru/post/162130228/>

14. Как правильно искать в Google — <http://www.vsepoisk.ru/2009/02/google-1.html>

НОВАЯ «МОДЕЛЬ» МЕТОДИЧЕСКИХ КАДРОВ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК

АННОТАЦИЯ

В соответствии с известными в науке подходами: соционическим, практико-ориентированным, цивилизованным, сравнительным, применяемых при изучении личности человека, обоснованы новые типы методистов. Мы построили «модель», включающую 8 типов методистов и 6 параметров, которые отражают новую структуру методических кадров современных публичных библиотек.

Ключевые слова: методист, модель, типы, страты, черты характера, компетенции, стиль поведения.

В наш стремительный век новых технологий возрастает роль библиотек — методических центров, заинтересованных в формировании и сохранении профессиональных принципов и идеалов методической деятельности как части единой системы управления и взаимодействия библиотек России. В подтверждение нашей оценки современной роли библиотек — методических центров мы сошлемся на итоги Всероссийской научно-практической конференции «Методическая служба современной публичной библиотеки: от теории к практике», состоявшейся 27–28 ноября 2014 г. в Санкт-Петербурге, организованной Центральной городской публичной библиотекой (ЦГПБ) им. В.В. Маяковского, которая собрала методистов национальных, республиканских, публичных, специализированных, вузовских библиотек из 26 регионов России. Общее количество участников составило 120 чел. [1, 2]. Научно-практическая конференция продемонстрировала сплоченность методических служб всех типов и видов библиотек, осуществляющих их модернизацию, на основе реализации государственных (муниципальных) заданий (услуг), в корне изменивших статус и значимость деятельности методистов и их роль по формированию нового поколения конкурентоспособных специалистов

с высоким инновационным потенциалом и исполнительской дисциплиной.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема типологии методических кадров, ответственных за выполнение поручений Президента и правительства, изложенных в (Дорожной карте) «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры», утвержденной 22 декабря 2012 г. Проблема типологии методических кадров назрела давно, ибо произошли изменения в библиотечной сети, её кадрах. Создаются предпосылки для развития последних с целью обновления системы обучения и образования, реализации новых «Модели стандарта деятельности общедоступных библиотек» и «Стандарта научно-методической деятельности». Методисты, как никогда ранее, стали занимать ключевые позиции и выполнять управленческие функции по правовому регулированию библиотек, технологическому, инновационному обеспечению и оказывать методическую поддержку по непрерывному профессиональному развитию. Без преувеличения можно сказать, что методисты — лицо методических центров, реальные полпреды библиотечной практики, стратегии её развития. Методические центры начинаются с методистов!

И это факт, это новая реальность, в которой функционируют методисты, ещё вчера их называли чиновниками, «лишними людьми» и т.д.

Кто они? Какие же они сегодня? Эти вопросы задавали вчера, задают сегодня, будут задавать завтра, т.е. судьба методистов, их предназначение до сих пор волнуют библиотечное сообщество. Мы сочли нужным не оставаться в стороне... Считаем, что методисты — это своеобразный профессионально-кадровый феномен, который никого не оставляет равнодушным, от начинающего библиотекаря до библиотечных чиновников и библиотекведов. Они функционируют в рамках новых координат, решают реальные задачи: создают базу оценочных данных о состоянии библиотек края, республики, области, выявляют причины отклонения от запланированных показателей; осуществляют анализ возможных решений и действий на уровне функциональных подсистем низовых библиотек и др. Они решают главную задачу — создание и распространение инновационных продуктов в соответствии с новыми стандартами. По мнению заведующей научно-методическим отделом (НМО) Краевой научной библиотеки г. Пермь Л.С. Ведерниковой, «необходимо производить продукт (услугу), соответствующий потребностям библиотек, нуждающихся в новых “экологически чистых” и высокотехнологических услугах, укрепляющих авторитет и престиж методистов и их возможности. Нельзя “крутить” бесконечно одни и те же услуги, растрачивая на них время и силы. Это лишь “портит” методистов и библиотекарей, которые получают от них дежурные услуги» (из интервью автора статьи с Л.С. Ведерниковой). Методические службы внедряют стандарты, которые обеспечивают высокий уровень развития библиотек, их безопасность и правовую защищенность. Так работает НМО Учебно-научной базы (УНБ) Пермского края, Псковской, Нижегородской, Белгородской областей. Вектор их развития направлен на обслуживание населения,

обеспечение качества работы библиотек, выявление влияния библиотек на местах через ежегодные опросы глав поселений, города, области.

Поэтому так важно обозначить статус и квалификационные требования к деятельности методиста:

1. Место, занимаемое в организационной структуре УНБ, централизованной библиотечной системы (ЦБС): функциональный руководитель или специалист Методического отдела.

2. Объект руководства (методической помощи): библиотекари низовых библиотек.

3. Производственно-управленческие связи: вертикальные (директор, зам. директора); горизонтальные (зав. отделами, зав. филиалами).

4. Основные определения методистов. Методист — это:

а) должность, включенная в штатное расписание библиотек;

б) специалист любого из подразделений библиотеки, занятый научно-методической работой целиком или посвящающий ей часть своего рабочего времени;

в) профессионально-ключевая фигура и ядро научно-методических центров библиотек;

г) это функциональный менеджер, несущий ответственность за весь комплекс современной работы библиотекарей и выполняющий самый сложный и ответственный труд, результаты которого оценивают не только органы управления библиотечным делом, но и время.

5. Функции методистов:

а) аналитико-диагностическая,

б) экспертная,

в) информационно-консультационная,

г) учебно-педагогическая,

д) организационно-управленческая.

6. Обязанности методистов. Методисты — осуществляют методическое обеспечение (информационное, технологическое, статистическое), методический мониторинг, проводят методическое и управленческое консультирование,

семинары, издают методические пособия и материалы, методические рекомендации для низовых библиотек;

– отвечают за реализацию государственной библиотечной политики в регионе и выполнение государственных (муниципальных) заданий, системы качества работы библиотек.

7. Образование – высшее, специальное.

8. Стаж работы – более 5 лет.

9. Подчиняется непосредственно директору библиотеки.

Итак, мы охарактеризовали статус методиста, раскрыли его место в структуре библиотек, определили ключевые обязанности и ответственность.

В связи с произошедшими изменениями Трудового кодекса РФ с 1 июля введены новые профстандарты. Профстандарты по сравнению с квалификационными требованиями предназначены для определения новых профессий, новых должностных обязанностей на основе сочетания требований к знаниям, умениям, профессиональным навыкам, опыту работы.

Немаловажное значение профстандартов заключается в том, что они позволяют дать оценку профессиональных знаний, умений при присвоении тарифных разрядов, категорий методическим кадрам. Предстоит серьезная работа по обоснованию содержания целого комплекса профстандартов методической деятельности, которые определяли бы надлежащее место и роль методических кадров в структуре общедоступных библиотек.

На данный момент мы предлагаем свое видение роли, места методистов, их типологию, в соответствии с действующими квалификационными требованиями, стандартами.

Цель нашей статьи – обосновать «Модель новых типов методистов общедоступных библиотек», показать разнообразие их деятельности, диверсифицировать структуру их знаний, умений, навыков, используя различные подходы к типологии личности методистов.

Поскольку методисты – это прежде всего аналитики, они позиционируют себя управленцами, то все знания, умения, навыки мы определили, исходя из общих требований, которые в целом могут предъявляться к методистам [3, 4].

Итак, какими знаниями, умениями, в первую очередь, должен владеть методист? Предлагаем их вашему вниманию. Методист должен:

– трезво оценивать конкретную ситуацию и предвидеть результаты;

– знать структуру организации и ее подразделений, в дальнейшем по мере необходимости уметь формировать новые структурные образования, соответствующие происходящим изменениям и производственным потребностям;

– устанавливать новые контакты с разными партнерами, территориальными сообществами.

Методист – это тренер, поэтому он должен уметь:

1) слушать; установлено, что 9% рабочего времени люди пишут, 16% – читают, 30% – разговаривают и 45% – слушают других людей;

2) учить и тренировать библиотекарей, содействовать их творческому развитию;

3) быть объективным, справедливым;

4) советовать; поощрять у библиотекарей сильное желание знать результаты своего труда и обсуждать их и свои стремления с коллегами, а значит, с методистом, который оказывает поддержку;

5) вести за собой библиотекарей, вовлекать их в решение актуальных, инновационных проблем с помощью информационных и гуманитарных технологий.

6) выявлять новое, передовое [2].

Мы разработали примерную Структуру специальных знаний, умений, навыков методистов (прил., табл. 1).

Таким образом, наша «Структура...» включает наиболее важные специальные знания, умения и навыки. Сегодня структура знаний-умений-навыков является важнейшим показателем компетенции специалистов и может служить

основанием для построения «Модели новых типов методистов общедоступных библиотек».

На протяжении 80–90-х гг. XX в. вплоть до 2015 г. мы изучали и продолжаем изучать методические кадры в разных регионах России, приняли участие во Всесоюзном исследовании «Библиотечная профессия: состояние и перспективы». В соответствии с методологией и научной программой исследования под руководством доктора педагогических наук, профессора А.В. Соколова мы смогли определить страты методистов, их достоинства и недостатки [5]. В рамках собственного исследования «Профессионально-психологические типы методистов: методисты глазами директоров и библиотекарей», в котором применили теории Г. Юнга, Гиппократов [5, 6]. Мы получили следующую картину: «Методисты-сангвиники на взгляд библиотекарей» составили более 30% от общего числа; «Методисты-холерики» — 25%; «Методисты-флегматики» — 25%; «Методисты-меланхолики» — 15%.

Среди методистов не оказалось ни одного «интроверта», это объективный взгляд и оценка библиотекарей.

И не определились — 5% (затруднились ответить) [5, 6].

В начале 80-х гг., применив данные подходы, была установлена неоднородность методических кадров в зависимости от образования, стажа работы, отношений с библиотекарями. Мы опросили методистов Бурятии, Иркутской, Читинской обл., Краснодарского края. Всех опрошенных мы разбили на группы: «универсалы», «отраслевники», «функционеры», «новаторы». И уже в конце 90-х гг., используя практико-ориентированный подход и мнение самих методистов, мы построили следующую «Модель типов методистов массовых библиотек» (прил., табл. 2).

«Модель типов методистов массовых библиотек» в конце 90-х гг. явилась «первой ласточкой», отправной точкой для дальнейшего изучения и углубления

работы по разработке новой модели, с учетом новых реалий. Убедившись в надежности данных подходов, мы расширили границы объектов для опроса и получили разнообразную информацию о состоянии кадров (количество методистов, их обязанности, материально-техническое оснащение и использование новых технологий в разных библиотеках, в частности, в Бурятии, Иркутской, Омской обл., г. Пермь, Санкт-Петербург).

Данные подходы позволили определить типы методистов, которые функционируют в реальных условиях, осуществляют методическое обеспечение на основе новых технологий, собственных возможностей (творческий потенциал, информационный, технологический и др.) (прил., табл. 3).

Данная модель типов методистов совершенно меняет представление о структуре кадров методистов и свидетельствует об изменениях в кадровом сегменте общедоступных (публичных) библиотек. Мы сделали акцент на технологическую составляющую и не ошиблись.

Респонденты отдали предпочтение методистам, которые владеют новыми технологиями и могут создать сайты, блоги, подготовить библиотечные новости, прокомментировать полученную информацию [2].

Известен ещё один подход — цивилизованный. Его автором является Конфуций. Он всех людей делил на четыре категории:

- владеющие знанием,
- стремящиеся его приобрести,
- ограниченные от природы,
- неспособные что-либо усваивать [7].

Цивилизованный подход широко применяется, когда речь идёт о построении управленческих моделей и кристаллизаций знаний менеджеров. В рамках этого подхода мы выделили следующие типы методистов: «Методист-новатор», «Методист-организатор», «Методист-информатор». Опираясь на два подхода — соционический и цивилизованный, мы дополнили вышеуказанный

перечень типов методистов (прил., табл. 4).

«Методист-лидер» — это экстраверт, ориентированный на людей. «Методист-эксперт» — софист, живёт интересами дела, редко ошибается, понимает, что делает, люди идут за ним. «Методист-манипулятор» (Кукловод), его девиз — «играй людьми». Сильная личность, устанавливает свои правила игры, которые не афишируются, часто меняются.

Далее, важно было обосновать и определить критерии и страты, чтобы типологический анализ не был бессистемным, случайным, неупорядоченным [8, с. 44]. Согласно теории стратификации кадров, включающей пять страт, различающихся друг от друга по принципам профессионализма — высокого или низкого, динамичности характера — высокой или низкой. Назовем эти страты:

€ (Альфа) — «Авангард» — лидеры, новаторы, которым профессия методиста обязана импульсами, побуждающими к движению, своими идеями, творческим поиском. Отличительная черта, особенность «авангарда» в том, что это люди, преданные делу, но никогда не удовлетворенные традиционным состоянием.

¥ (Гамма) — «Гвардия» — классные специалисты, мастера своего дела, отлично освоившие современные технологии, со своим профессиональным мировоззрением, пользующиеся заслуженным вниманием и авторитетом. Однако «Гвардейцы», в отличие от «Авангарда», не могут самостоятельно преобразовать сложившееся состояние, довольствуясь улучшением и советами.

Σ (Сигма) — «Средняки» — специалисты, ограничивающиеся удовлетворительным выполнением служебных обязанностей, следуя принятым образцам. Они не дают той отдачи, которую от них ждут по субъективным причинам (неумение, нежелание, неспособность к подлинному профессионализму) и по объективным причинам (хроническая болезнь, уход за ребенком и т.д.).

π (Пи) — «Пилигримы» — случайно приобщившиеся к профессии работники, не связывающие свои жизненные планы с продолжительным пребыванием в профессиональной среде.

Пятая страта — «Балласт». В результате нашего исследования были получены следующие данные: к страте € («Альфа») относится 35,3% методистов; к страте ¥ («Гамма») — 59,8%; к страте Σ («Сигма») — 5,9%; к страте π «Пи» («Пилигримы») — 11,8%; к страте «Балласт» — ни одного методиста.

Какие типы методических кадров работают в методических службах, являющихся центрами методического обеспечения и методической поддержки библиотечных инноваций и библиотечных результатов? Мы построили несколько «Моделей типов методистов библиотек» — всего 3 модели, это «обобщенный или некий эталон, освобожденный от частных вариантов, отступлений, модификаций, отображения объектов реального мира, которые помогают нам понять, как он устроен» [9, с. 9]. Для каждой модели мы применили следующие подходы: соционический, цивилизованный, практико-ориентированный и сравнительный. Все три варианта «Моделей» мы посчитали необходимым объединить и построить «Единую модель типов методистов» (прил., табл. 5).

Наша «Единая модель ...» включает 8 типов методистов, каждый из них может выполнять в соответствии со штатным расписанием обязанности заведующего НМО/Главного библиотекаря/методиста (областной, краевой, республиканской библиотек).

В районном звене обязанности методиста выполняет директор / зам. директора библиотеки. Каждый тип методиста — это собирательный образ, в котором сочетаются наиболее яркие черты характера, профессиональные способности (компетенции), склонности и возможности, стиль поведения. Например, заведующий НМО может быть одновременно

«лидером», «новатором», «организатором», «экспертом», «информатором»; главный библиотекарь — «экспертом», «исследователем», «технологом», «блогером», «манипулятором» и т.д.; методист — «нюс мейкером», «летописцем», «технологом», «блогером», «информатором», «организатором» и т.д.

В зависимости от типа библиотеки, занимаемой должности могут преобладать те или иные типы методистов в одном сотруднике НБ РБ или в ЦБС. Главное, чтобы они соответствовали целям, задачам и принципам методической деятельности, были конкурентоспособными. Мы разработали «модели» и определили типы методистов, чтобы поднять их авторитет, инновационный и интеллектуальный потенциал, профессиональный и образовательный ресурс.

Все «модели» не являются окончательными, ибо методическая деятельность меняется быстро, так же, как и кадры, одно поколение (ветераны) сменяет другое (более мобильное, амбициозное, начиненное всякими технологиями и новыми знаниями, сертификатами и т.д.). Может быть, методическое пространство станет не только наземным, но и виртуальным, а это уже другая система, с другим правовым и профессиональным статусом, другими специалистами. «Модель» можно изменять, дополнять, сокращать, с учетом требований времени, в частности, с Профстандартом ТК РФ. Например, построить индивидуальную модель методиста-лидера, который имеет высшее специальное образование, стаж работы более 5 лет, его страта — «авангард» (альфа), по характеру — «сангвиник», основная компетенция — «трезво оценивать ситуацию и предвидеть результаты», по рейтингу — новатор, по стилю поведения — «уверенный», «решительный (самостоятельный)».

Таким образом, наша «Модель типов методистов библиотек» является квинтэссенцией результатов научных исследований, проведенных на протяжении 1980-х — 2015 гг., и отражает

новую структуру методических кадров общедоступных библиотек.

На наш взгляд, понятие «методист» устарело, оно из советских времен, там зародилось и «по инерции» перешло в новую Россию, в новые стандарты.

Методисты XXI в. — другие специалисты, которые выполняют государственные методические услуги; осуществляют методический мониторинг; участвуют в разработке и реализации региональной библиотечной политики и т.д. Качественно изменилось содержание функций ЦБ субъектов РФ. В Стандарте качества предоставления государственной услуги «Научно-методическое и консультативное обслуживание библиотек» определены следующие функции: аналитико-диагностическая, экспертная, информационно-консультационная, учебно-педагогическая, организационно-управленческая. Расширилась нормативная и правовая база действующих ЦБ РФ. Начали действовать «Стандарты научно-методической работы регионов»; «Библиотечная статистика», «Модельный стандарт деятельности общедоступных библиотек». Мы предлагаем современное название: «Менеджер» по сетевому взаимодействию библиотек, которое, на наш взгляд, отвечает новым требованиям и содержанию «Научно-методическая деятельность» (НМД) ЦБ регионов [10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Авраева Ю.Б.* Говорят методисты из разных регионов России, или на профессиональную арену вышли методисты... // Библиосфера. 2015. № 2. С. 76–78.

2. *Авраева Ю.Б.* Методические службы библиотек: новые лица, роли и возможности // Методическая служба современной публичной библиотеки: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2014 г.) / Центр. гор. публ. б-ка им. В.В. Маяковского; сост.:

Отдельные аспекты библиотековедения

- Е.Г. Ахти, Ю.А. Груздева, Л.А. Семенова; отв. за выпуск Ю.А. Груздева; гл. ред. Е.Г. Ахти. СПб., 2014. С. 6–17.
3. *Авраева Ю.Б.* Методист и библиотекарь: проблемы взаимодействия // Библиосфера. 2011. № 4. С. 30–36.
4. *Никонов В.* Государственное управление имеет значение: открытая лекция проф. В.А. Никонова для студентов факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова 3 сентября 2012 г. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 88 с.
5. *Авраева Ю.Б.* Коллективный портрет методистов ЦБС Бурятии накануне нового тысячелетия // Национальная библиотека Республики Бурятия: испытание временем. Сборник статей / сост. М.П. Осокина. Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. С. 183–187.
6. *Авраева Ю.Б.* Талант быть методистом // Библиотека. 2002. № 4. С. 70–71.
7. *Гусева Е.Н.* Типология библиотек. М. : Либерия-Бибинформ, 2008. С. 92.
8. *Царский В.* Современный справочник менеджера. М.: Рипол Классик, 2002. С. 50–66.
9. *Авраева Ю.Б.* Руководители и методисты библиотек: новые ориентиры: тематический сборник избранных работ. М.: Литера, 2015. 248 с.
10. *Суслова И.М.* Менеджмент библиотечно-информационной деятельности: учеб. для вузов культуры и искусств / И.М. Суслова, В.К. Клюев; под общ. ред. И.М. Сусловой; МГУКИ. СПб. : Профессия, 2009. С. 44.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Структура специальных знаний, умений, навыков методистов

№ п/п	Знания	Умения	Навыки (владеть)
1	2	3	4
1	Закона РФ по библиотечному делу и смежных отраслей, структуры Государственного задания по научно-методической работе (НМР) и её показатели	осуществлять контроль по реализации библиотечной политики в регионе на основе методического мониторинга и его направлений	разработки и реализации работы по выполнению Государственного задания в соответствии с нормативной и правовой базой на всех уровнях
2	теории и передовой практики организации методической деятельности отечественных и зарубежных библиотек	организовать научно-исследовательскую, аналитическую, консалтинговую, консультационную деятельность, направленную на повышение эффективности НМР	выявлять и распространять лучший опыт по созданию инноваций в НМР по обслуживанию библиотек, населения и органов управления
3	структуры и сети библиотек региона, электронных библиотечных систем и передовых технологий, их доступность	организовать сетевое взаимодействие с целью создания базы данных о преимуществах различных библиотечных систем на основе мониторинга всей сети	осуществлять партнерские отношения с другими организациями с целью обмена опытом, идеями, мнениями и использования ресурсов и коммуникаций
4	библиотечных стандартов и системы качества, применяемых в регионе, в частности, оценки качества методических услуг	применять стандарты, систему качества и оценки методических услуг с целью обеспечения достоверности и реального уровня работы библиотек	осуществления контроля по предоставлению качества услуг на основе критериев эффективности, оперативности, полноты и актуальности
5	современных показателей библиотечной статистики и методики их исчисления в процессе планирования и отчетности	планировать работу, вести статистический учет и отчетность, составлять тексты планов/отчетов по итогам работы библиотек на основе традиционных и новых показателей	владения методикой исчисления всех показателей библиотечной статистики в соответствии с международными рекомендациями (ISO, IFLA) и практикой библиотек
6	организации непрерывного обучения библиотекарей с целью повышения их профессиональной грамотности	разработать учебные планы, программы долгосрочного обучения библиотекарей с целью создания образовательного ресурса	эффективными методами обучения разных групп библиотекарей

Продолжение табл. 1

№ п/п	Знания	Умения	Навыки (владеть)
1	2	3	4
7	функций, обязанностей и прав библиотекарей	заключать эффективные контракты (договора), соблюдать нормативно-правовые требования	выявлять интеллектуальный, инновационный потенциал библиотекарей
8	обеспеченности финансовыми, материально-техническими, информационными ресурсами в библиотеках региона	обосновать потребность библиотек региона в финансовых, материально-технических, информационных ресурсах	раскрывать динамику использования всего комплекса финансовых, материально-технических, информационных ресурсов

Таблица 2

Модель типов методистов массовых библиотек (90-е гг.)

Летописец-краевед	Реалист	Имидж-мейкер	Программист	Аналитик	Исследователь	Программатик	Защитник
I вариант	I вариант	I вариант	I вариант	I вариант	II вариант	II вариант	II вариант
1	2	3	4	5	6	7	8

Таблица 3

Модель новых типов методистов публичных библиотек

Методист-блогер (15%)	Методист-тренер (20%)	Методист-технолог (25%)	Методист-нюсмейкер (30%)	Методист-модератор (40%)
1	2	3	4	5

Таблица 4

Типы методистов с позиций 2-х подходов

Методист-новатор (50%)	Методист-организатор (30%)	Методист-информатор (20%)	Методист-лидер (50%)	Методист-эксперт (30%)	Методист-манипулятор (20%)
1	2	3	4	5	6

Таблица 5

Единая модель типов методистов библиотек

№ п/п	Типы	Критерии (ключевые показатели)	Функции, обязанности, права	Страга	Черта характера	Компетенции (способности, умения)	Стиль поведения
		1	2	3	4	5	6
1	Методист-лидер	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Альфа — «Авангард»	холерик	трезво оценивать ситуацию и предвидеть результаты	уверенный
	новатор	опыт работы			экстраверт		решительный
2	Методист-эксперт	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Гамма — «Гвардия»	сангвиник	выявлять новое, передовое, превращать их в инновации, предвидеть изменения	осторожный
	исследователь	опыт работы			интроверт		корректный
3	Методист-технолог	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Гамма — «Гвардия»	сангвиник	владеет новыми технологиями	толковый
	программист	опыт работы			экстраверт		пунктуальный
4	Методист-тьюсмейкер	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Альфа — «Авангард»	холерик	уметь готовить библиотечные новости	оперативный
	имидж-мейкер	опыт работы			экстраверт		амбициозный
5	Методист-блогер	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Гамма — «Гвардия»	флегматик	создавать новые порталы (сайты)	дружелюбный
	модератор	опыт работы			экстраверт		компанийский
6	Методист-организатор	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Альфа — «Авангард»	сангвиник	организовывать непрерывное образование и обучение библиотекарей	открытый
	информатор	опыт работы			экстраверт		искренний
7	Методист-манипулятор	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Альфа — «Авангард»	флегматик	выявлять слабые и сильные стороны, в деятельности библиотекарей	азартный
	игрок	опыт работы			экстраверт		громкий
8	Методист-летописец	соответствующее образование	в соответствии с должностью	Сигма — «средняк»	флегматик	собирать факты о работе библиотек своего региона	заинтересованный
	краевед	опыт работы			интроверт		дотошный

«ПЕРВЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ОТ БАТУМА ДО ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ» В.П. ВРАДИЯ

АННОТАЦИЯ

О корректурном издании путеводителя, хранящемся в Отделе рукописей БАН. Выходу издания помешало начало Первой мировой войны.

Ключевые слова: история книги, Вячеслав Пантелеймонович Вradiй, путеводитель, Батум, Турецкая граница, Первая мировая война, Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук.

Вячеслав Пантелеймонович Вradiй — путешественник, зоолог, этнограф, автор многочисленных научно-популярных статей, очерков, брошюр, большая часть которых является результатом его наблюдений во время путешествий по Дальнему Востоку, Сибири, Азии, Кавказу. В разных городах страны он устраивал выставки привезённых из экспедиций материалов, принимал участие в организации и описании коллекций провинциальных музеев, выступал с лекциями.

В.П. Вradiй родился в С.-Петербурге в 1872 г. Родители — потомственные дворяне и помещики из Херсонской губернии (по линии отца) и Черниговской и Могилевской губерний (по линии матери, урожденной Радченко). Начальное образование получил во Франции и С.-Петербурге, среднее — в С.-Петербурге в гимназии Гуревича на классическом отделении, высшее — в С.-Петербургском университете на физико-математическом факультете. Сведения о себе и своих трудах он приводит во многих изданиях. О своей «научно-литературной» деятельности с 1893 по 1913 г. и о своём отце, изобретателе, он пишет в статье ««Отказаться!» — девиз русской жизни», изданной в виде отдельной брошюры в Тифлисе. Из 23 работ В.П. Вradiя, хранящихся в фондах БАН в виде отдельно изданных статей, три брошюры

с дарственными записями автора: одна — вел. кн. Константину Константиновичу, две — Имп. Академии наук; шесть брошюр поступили в БАН из библиотеки Министерства двора [1].

В 1912–1914 гг. он путешествовал по Кавказу, где занимался изучением Батумской области, района, прилегавшего к турецкой границе. В эти годы в газетах «Батумские вести», «Кавказ» и «Закавказье» им был опубликован целый ряд статей об археологических памятниках и легендах края, земельном вопросе, морских промыслах, школьном деле в Русском Лазистане [2].

В 1914–1915 гг. Вячеслав Вradiй готовил к изданию путеводитель «Батум — Турецкая граница. Первый путеводитель от Батума до Турецкой границы (по личным заметкам из трёхкратного путешествия по Русской Анатолии)». В 1914 г. корректура издания была прислана автором в Академию наук из Тифлиса с пометкой на обложке издания: «В виду военных действий печатание мною приостановлено. Вradiй». На обороте обложки автор написал: «В Импер. Академию наук от автора (как единственный экземпляр брошюры). Сведения о пещерах печатаются впервые. В.П. Вradiй. 1914. 17 сентября». В октябре 1914 г. корректурный экземпляр был передан из Историко-филологического отделения в Рукописное

отделение Библиотеки Академии наук [3] и хранится с тех пор на правах рукописи в Основном собрании Отдела рукописей под шифром 4.2.29.

Путеводитель готовился к печати в издательстве Г.С. Таварткиладзе в Батуме. В предисловии, названном «Заметка», автор сообщает, что данная работа явилась результатом трёх его поездок по «Русскому Лазистану», или «Русской Анатолии», как предлагает называть этот район Вячеслав Вradiй. Первые два путешествия, в одном из которых, по его словам, он чуть не погиб, были совершены им летом-осенью 1912 г. Подробные описания этих путешествий напечатаны в газете «Кавказ» за 1913 г. [4]. Третье путешествие было осуществлено в ноябре 1913 г. на средства Главного управления землеустройства и земледелия, выделенные ему «для продолжения научного изучения Батумской области». Работа посвящена главному управляющему землеустройством и земледелием Александру Васильевичу Кривошеину.

Идея написать путеводитель по Батумскому побережью возникла у него не случайно. В 10-е годы Батумскую область, и прежде всего Батум, начинают рассматривать в качестве будущего привлекательного для туристов курорта. В прессе обсуждаются вопросы оздоровления климата этого района, где «господствующим заболеванием» была малярия. В 1912 г. по поручению Министерства земледелия и землеустройства в Батум для организации ботанического сада приезжает профессор А.Н. Краснов. В нескольких статьях в газете «Батумские вести» он описывает «картины жизни Батумского побережья» [5]. Вячеслав Вradiй предложил программу создания областного музея в Батуме, в котором должно быть отражено все своеобразие Батумской области [6]. В проекте устава Батумского курортного общества, опубликованном в газете «Батумские вести», одним из направлений деятельности общества предусматривалась публикация рекламных проспектов, брошюр, статей

о Батуме и его окрестностях, в том числе издание путеводителя [7].

Небольшой по объёму (56 с.) путеводитель предназначен не столько для отдыхающих курортников, сколько для путешественников, готовых пренебречь комфортом ради красот Батумского побережья. Автор приводит необходимые для путешественников сведения о способах и маршрутах пути от Батума до турецкой границы, отдавая предпочтение пешеходному. Рассказы о живописных природных памятниках он дополняет легендами и поверьями, бытовавшими среди местного населения. Отдельный раздел посвящён краткому описанию самых интересных объектов путешествия: селений Гония с Гонийской крепостью, Сарпи, Макриал, Султан-Селим и Кизил-Топрах (русское селение). В путеводителе отмечены местности, где распространена малярия.

Специальный раздел посвящён пещерам от Сарп до Макриал, которые, как подчеркивает автор, описаны им впервые. Всего он насчитал 16–19 пещер, из которых в путеводителе описаны семь. Рассказ о посещении этих пещер в 1912 г. был опубликован им в газете «Кавказ» (1913 г. № 79 и 85).

Автор предлагает назвать описываемые им пещеры, гроты и горы именами исследователей-энтузиастов, посвятивших свою жизнь науке, но зачастую не находивших поддержки со стороны властных структур, от которых зависела успешность их работы. В статье «Отказаться!» — девиз русской жизни», изданной в виде отдельной брошюры, он пишет о проблемах, с которыми сталкиваются российские учёные, и называет в качестве примера имена известных учёных Д.И. Менделеева, Н.Н. Миклухо-Маклая, Н.М. Альбова. Их именами, а также именами путешественника, врача А.В. Елисеева, зоолога Г.И. Раdde, который был директором Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки, Николая Пржевальского, зоолога Петра Палласа и швейцарского учёного ботаника

Едмона Буасье названы семь описанных В. Вradiем пещер.

Путеводитель дополнен тремя приложениями:

I. Расстояния.

II. Этнографический состав и численность населения Гонийского и смежных участков.

III. Главнейшая литература о Русском и Турецком Лазистане («Русской и Турецкой Анатолии»), в том числе несколько статей автора, среди которых одна в рукописи.

Кроме того, приведен краткий, состоящий из самых необходимых слов, русско-лазско-турецкий словарь. Издание проиллюстрировано тремя рисунками с изображением лазского селения «Сарпы», пещеры Науслен — Н. Пржевальского и береговой полосы от Сарп к Макриалам — района пещер.

В примечании к «Заметке» автор пишет о своём намерении в будущем переиздать путеводитель, учтя в нём высказанные в его адрес замечания.

Судя по имеющимся пометам автора (с отсылками к первой корректуре), это вторая корректура издания. Работа над ней не закончена, в тексте встречаются опечатки, не исправленные автором.

Присланная автором в Академию наук корректура путеводителя «От Батума до Турецкой границы» — одна из последних работ Вячеслава Вradiя. В 1915 г. в Тифлисе вышла последняя его работа — «Отказаться!» — девиз русской жизни». Дальнейшая судьба автора неизвестна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Вradiй В.П.* 1) Каталог китайско-манчжурской выставки (Москва. Февраль-март 1901 года). Научные (этнографические, зоологические, ботанические и геологические) коллекции и фотографии, собранные за двухлетнее (1898–1900 гг.) путешествие по Азии: из Китая, Манчжурии,

Японии, Уссурийского края и Сибири. М., 1901. С. 5–9; 2) «Отказаться!» — девиз русской жизни. Тифлис, 1915. С. 16–24, 28–30.

2. *Вradiй В.П.* 1) На турецкой границе // Батумские вести. 1912. № 810, 812, 813, 815, 824 и 841; 2) Зачорохский край // Кавказ. 1913. № 36, 38, 49, 50, 55, 58, 66, 67, 74, 79, 85, 89, 105 и 130; 3) К учреждению 1-й Кавказской биологической станции (Сарпская [Анатолийская] биолого-ихтиологическая станция). (Письмо в редакцию) // Закавказье. 1913. № 174; 4) Школьное дело в Русском Лазистане // Кавказ. 1914. № 5; 5) Земельный вопрос в Русском Лазистане // Там же. № 30; 6) Археологические памятники и легенды Русского Лазистана // Там же. № 38 и 43; 7) Малярийные районы от Батума до Трапезонда // Там же. № 45; Хамшенли // Там же. № 13; Морские промыслы улазов // Там же. № 55; Негры Батумской области и Кутаисской губернии. Изд. тип. Г.С. Таварткиладзе в Батуме [б. г.]; Буффонада Батумского ботанического сада и профессор А. Краснов. Тифлис: Изд. авт., 1914 и др.

3. Протокол историко-филологического отделения. XI заседание. 24 сентября 1914 г. С. 151, § 334.

4. *Вradiй В.* Зачорохский край // Кавказ. 1913. № 36, 38, 49, 50, 55, 58, 66, 67, 74, 79, 85, 89, 105 и 130.

5. Интервью с А.Н. Красновым см.: *Груши В.А.* Ботанический сад в Батуме // Батумские вести. 1912. № 767; *Краснов А.* 1) Батумское побережье // Там же. № 803–811; 2) В волшебном царстве (Поездка в Сарпы) // Там же. № 826–827; 3) Что такое наши батумские горы // Там же. № 830.

6. *Вradiй В.* К учреждению Батумского областного музея // Там же. № 782, 783, 785, 786, 794, 795, 797, 799, 801, 803, 805. Программа будущего музея опубликована в № 801, 803.

7. Проект Устава Батумского курортного общества // Там же. № 635.

«ПАРАДОКС НИДЕМА» И ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка дать ответ на так называемый парадокс Нидема исходя из наших оценок роли традиционной библиографии в китайском обществе.

Ключевые слова: Джозеф Нидем, китайская наука, библиография, конфуцианство, система образования, государственные экзамены.

Жизненный путь английского биохимика, эмбриолога и китаиста Ноэля Джозефа Теренса Монтгомери Нидема (Нидхэм, Noel Joseph Terence Montgomery Needham) проходит через весь XX в.: 1900–1995 гг. Разносторонность его научных интересов поражает, для прошлого столетия подобный энциклопедизм — уже редкость. Выпускник Кембриджа, он остался при университете, занимался эмбриологией и морфогенезом. В 1936 г. в лабораторию Нидема поступили трое китайских ученых. Общась и работая с ними, Нидем увлекся китайской культурой, они обучили его *вэньяню*, китайскому литературному языку, что открыло ему непосредственный доступ к древнекитайским письменным памятникам.

В 1942 г. Нидем отправляется в Китай, дабы возглавить Китайско-Британское бюро научного взаимодействия (Sino-British Science Co-operation Office) в Чунцине, тогдашней столице оккупированного Японией Китая. С китайской стороны эту организацию представлял историк Ван Лин, укрепивший интерес Нидема к научным достижениям древнего Китая.

В 1945 г. выходит первый труд Нидема о китайской науке — *Chinese Science*, где он характеризует старую китайскую науку как «протонауку». В 1948 г. Нидем вернулся в Кембриджский

университет, где преподавал биохимию вплоть до 1966 г., после чего занимал различные административные должности, а в 1976 г. стал директором Библиотеки истории науки. Заслуги Нидема были оценены очень высоко: в 1985 г. был торжественно открыт Исследовательский институт им. Нидема (Needham Research Institute) в Кембридже, занимающийся исследованиями науки, технологии и медицины Дальнего Востока, а в 2008 г. именем Нидема была названа кафедра китайского языка Кембриджского университета. Он был членом Королевского общества и Британской академии наук, профессором и почетным членом многих университетов мира, в т.ч. иностранным членом Академии наук КНР, почетным советником ЮНЕСКО, организации, в которой он в 1946 г. возглавил созданное по его инициативе отделение естественных наук.

Задуманная и редактируемая Нидемом серия монографий «Наука и цивилизация в Китае» (Science and Civilisation in China) стала крупнейшим исследовательским и издательским мероприятием: с 1954 г. в издательстве Cambridge University Press вышло в свет 7 томов в 27 книгах, работа над несколькими томами продолжается до настоящего времени. Первые два тома были выпущены в соавторстве с Ван Лином, к работе

привлекались видные китайские и западные ученые.

Приведем краткое содержание томов:

1. Вводный.
2. История научной мысли.
3. Математика и наука о Небе и Земле.
4. (В 3-х ч.) 1) Физика. Машиностроение. 2) Гражданское строительство и морское дело.

5. (В 13-ти ч.) 1) Бумага и книгопечатание. 2–5) Траволечение — история, физиологическая алхимия, аппарат и теория. 6–7) Военное дело. 8 и 10) [В работе.] 9) Текстиль. 11) Металлургия. 12) Керамика. 13) Горное дело.

6. (В 6-ти ч.) 1) Ботаника. 2) Сельское хозяйство. 3) Агроиндустрия и лесоводство. 4) Биология и биотехнологии: традиционная ботаника, этноботанический подход. 5) Ферментация и наука о продуктах питания. 6) Медицина.

7. (В 2-х ч.) 1) Язык и логика. 2) Общие выводы и размышления.

Материалы, собранные и осмысленные коллегами Нидема, естественно, учитывались создателями тома о науке в энциклопедии «Духовная культура Китая». Для сравнения приведем роспись глав из «Общего раздела»: Методологические науки (Нумерология; Математика). Науки о небе (Астрология; Астрономия; Метеорология; Календарь). Физические науки. (Механика; Оптика; Магнетизм; Акустико-музыкальная теория). Науки о земле (География; Геология и смежные науки; Сейсмология; Геомантика — *фэн шуй*). Инженерная мысль (Техника; Строительство; Метрология). Науки о превращении веществ (Алхимия; Химия). Науки о жизни и человеке (Биология; Медицина; Эротология; Макробиотика). Общественные науки (Языкознание; Педагогическая мысль и образование; Экономическая мысль; Военная мысль) [1, с. 28–652].

В первом вступительном томе Дж. Нидем формулирует свои подходы к оценке традиционной науки, которые претерпели существенные изменения по сравнению

с его первоначальной концепцией «протонауки», во многом под влиянием своих соавторов. Один из них, Натан Сивин (Sivin, 1931 г. р.), профессор Пенсильванского университета, рассматривает китайскую науку как один из вариантов «мировой науки», т.е. равноправное современной науке явление. Под влиянием Н. Сивина Нидем признал китайскую науку особой теоретической системой, в основе которой лежит натурфилософская концепция взаимосвязанности всех явлений в мире. Дж. Нидем подразделял китайские научные дисциплины на «ортодоксальные», т.е. признанные властью астрономию, математику и физику, и «неортодоксальные» — даосскую алхимию. Медицина занимает в этой системе некое промежуточное положение. Н. Сивин, признавая подобную классификацию, возражал против нидемовской идеи о том, что источником продуктивной для китайской науки методологии являлся даосизм. Оба исследователя порицали европоцентричный подход к оценке традиционной китайской науки, отказываясь видеть в современной науке бесспорное преимущество западной цивилизации.

С момента выхода в свет первого тома «Науки и цивилизации» в науке формулируется т.н. проблема, или парадокс Нидема: выявление причин невозникновения современной науки в Китае и появления её в Европе. Н. Сивин называет одну из своих статей так: «Почему научная революция не произошла в Китае — или всё же произошла?» [2]. На синологов Н. Сивин возлагает интеллектуальную ответственность перед современным обществом за изучение китайской науки в её взаимодействии с китайской культурой.

Объяснений «парадоксу Нидема» за эти годы было дано множество. От теологического: народ, не исповедующий монотеизм, не знающий Бога-творца, не может и сам сотворить нечто, меняющее природу [3], до приземленных экономических, историко-политических и

экологических подходов. По Нидему, научная революция на Западе порождалась переходом от феодализма к капитализму, Китай же строился на иных моделях общественного развития. Зачастую поиск причин отсутствия научной революции в Китае подменяется поиском причин экономического отставания Поднебесной, бывшей в течение столетий первой экономикой мира, но утративший с середины XVII в. свои позиции настолько, что через полтора столетия фактически лишилась независимости. Для китайцев это обернулось двойным гнетом — маньчжурской династии и западных держав, но было бы чересчур наивно видеть причины всех поражений в особенностях правления дома Цин.

Попытаемся подойти к разгадке «парадокса Нидема» с другой стороны. Китайская традиционная библиография — часть китайской науки, плоть от плоти её. Будучи наукой прикладной, библиография играла громадную роль в жизни китайского общества; такого влияния на государственное устройство, как в Китае, библиография не имела ни в одной стране Западного мира.

Зарождение китайской библиографии относят к временам классической древности. Философ VI–V вв. до н. э. Лао-цзы, которому приписывается авторство «Дао дэ цзина», основополагающего трактата исконной китайской религии даосизма, по свидетельству Сыма Цяня (145 или 135 — ок. 86 до н. э.), служил при дворе одного из удельных князей в качестве историографа, архивариуса и библиотекаря-библиографа. Это — практически единственный конкретный факт его биографии. Все остальные — и рождение седовласого младенца в возрасте 81 года (отсюда его имя, буквально — «Старый Сын») из бедра матери, и беседы с Конфуцием, и встреча с начальником заставы на западной границе владений дома Чжоу, попросившего мудреца письменно изложить суть своего учения, и его последующий уход в неизвестном направлении —

очевидные легенды, причем большинство из них довольно поздние.

Конкретные же сведения о библиографической деятельности отдельных людей относятся к более позднему времени. Особенности древней китайской библиографии определены китайской историей и политической практикой. Мир китайской духовной культуры формировался на Великой Китайской равнине и сопредельных областях в условиях перманентных, разрушительных и кровопролитных междоусобных конфликтов. Победившее на время княжество всегда действовало по одному образцу: власти осознавали, что дворцовая библиотека разграблена, но остались книги из библиотек других княжеств, нужно всё это учесть, объединить и как-то систематизировать [4]. Единство страны было впервые достигнуто при Цинь Шихуане (260–210 гг. до н. э., на троне — с 246 г. до н. э.), и было недолгим. Всей последующей историографией это период оценивается отрицательно именно в культурном аспекте. Цинь Шихуану не простили расправы над учеными-конфуцианцами, на тот момент противниками объединения страны, и уничтожения литературы конфуцианского толка.

Когда в 206 г. до н. э. власть оказалась сосредоточена в руках императоров одного правящего дома — Хань, работа по собиранию книг ускорила. Нужно было дать идеологическое обоснование возводимой властной вертикали на основе возрождения идеалов древности, перечеркнутых и растоптанных прежней династией. У истоков системы библиотечной классификации, которая в течение последующих двух тысяч лет совершенствовалась, но не видоизменялась, стоял великий филолог Лю Сян (77? — 6 гг. до н. э.). Как члену императорской семьи ему было поручено составление описи дворцовой библиотеки, работу завершил уже сын ученого Лю Синь (53? до н. э. — 23 г. н. э.). Система была семичленной, впоследствии была предложена еще одна — четырехчленная классификация,

представлявшая собой сокращение количества разделов за счет увеличения некоторых из них. Основу системы составляли труды Конфуция или приписываемые ему, так называемые «цзинь» — «канон», буквально «уток» ткани. На эту тканевую основу крепилась остальные классы литературы — философские и исторические сочинения, произведения философов и религиозных деятелей неконфуцианской направленности (буддизм, даосизм), труды по истории, военному делу, географии, сельскому хозяйству, медицине. Последний раздел «разное», «смешанные записи» позволял включать в себя произведения того типа, который принято называть «литературой». Эта классификация активнейшим образом поддерживалась экзаменационной системой на право занятия государственных должностей, т.е. библиографические списки фактически имели силу закона.

Смысл первоначальной идеи конкурсного отбора кандидатов на занятие государственных должностей заключался в борьбе централизованной империи с меритократией бывших удельных княжеств. В 134 г. до н. э. по приказу императора был произведен отбор талантливых юношей для годичного обучения у ученых-сановников, специалистов по конфуцианским классикам.

В официальную систему общегосударственные экзамены (*кэцзюй*) оформились в середине VII в., со второй половины X в. только экзамены *кэцзюй* давали доступ к чиновничьим должностям. Знатоки конфуцианских канонов захватили монополию на образование, превратившись в активную общественную силу и заняв позиции, сравнимые со жреческими в других обществах древности. Проведенный экзаменационный отбор можно разделить на ученых-философов, сановников-политиков и собственно учёных, специализирующихся в отдельных областях знаний: астрологии, астрономии, математике, медицине и сельском хозяйстве.

Содержание государственных экзаменов основывалось на безукоризненном знании канонических конфуцианских текстов. Конкурсный отбор был трехступенчатым: на уровне области или уезда, провинции и, наконец, дворцовый экзамен. Основным заданием на экзаменах было написание особого сочинения, толкующего древние конфуцианские тексты. Множество произведений популярной литературы свидетельствуют о том, что уже столетия назад практика экзаменационных сочинений представлялась схоластической, механическое зазубривание классиков подвергалось осмеянию, всё чаще звучали требования модернизации системы.

Решающая роль в окончательном оформлении конфуцианской системы управления и образования принадлежит трем великим цинским императорам. Многие здесь со мной не согласятся, но одно дело — зафиксировать конфуцианскую традицию, дав возможность синологам будущего наслаждаться прекрасно изданными и комментированными изданиями древних текстов, другое дело — сделать систему жизнеспособной и конкурентной. Во времена правления императоров Канси (на троне 1661–1722), Юнчжэна (на троне 1722–1735) и Цяньлуна (на троне 1735–1796) при дворе работало много христианских миссионеров, познакомивших элиту с достижениями западной науки. При содействии миссионеров был пересчитан и исправлен китайский календарь, что крайне важно для точного определения дат императорских ритуальных жертвоприношений предкам.

В это время возникает стойкий интерес западных интеллектуалов к китайской культуре и философии. Стоит назвать в этой связи имя Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716), который очень увлекался древнекитайской — конфуцианской, выделим особо — философией, находя в ней много похожего на свои собственные построения. Известно, что Лейбниц внимательнейшим образом изучил первый

латинский перевод из Конфуция миссионеров Ф. Купле и др.: Philippe Couplet, tr. Confucius Sinicus Philosophus sive Scientia sinensis latine exposita. Parisiis: Apud Danielem Northemels <...> 1687, изданный с посвящением Людовику XIV. Своими соображениями о прочитанном немецкий философ активно делился с христианскими миссионерами в Китае, не так давно эта переписка была опубликована в переводе на русский язык [5].

Если древняя китайская философия будоражила умы европейских ученых (к Лейбницу можно добавить и Вольтера), то китайская библиография отказывалась учитывать труды западных ученых, таким образом, у западной науки не было никакой возможности оказать реальное влияние на китайскую науку и систему образования. Роль библиографии в поддержании status quo была определяющей. Мир, тем не менее, стремительно менялся, во многом под влиянием разного рода контактов с Западом. Прогрессивно мыслящие молодые китайцы массово уезжали учиться в Японию, а позднее и в меньших количествах — на Запад.

В самом конце XIX в. буржуазным реформаторам удалось добиться замены схоластических сочинений по толкованию древних книг на вопросы о текущей политике и недавней истории, о проблемах государственного управления, о достижениях современных западноевропейских наук [6, с. 103, 202–203], прежде всего математики. Тем не менее, ничто уже не в силах было реанимировать застывшую за многие века систему. Было безнадежно поздно. Китайская мысль, китайский язык оказалась не в состоянии описать новые реалии в отсутствии подлинной рекомендательной библиографии.

Когда в 1905 г. экзаменационная система была отменена, а библиография как инструмент идеологического диктатора утратила свое влияние, в стране стали происходить решительные изменения. На смену традиционным конфуцианским штудиям приходит молодая

филологическая наука, получившая со временем название «госюэ», буквально — «наука о государстве», нашем государстве, т.е. о Китае. Её представители переосмыслили старую китайскую науку, ввели в научный оборот множество текстов, ранее отвергаемых традиционной библиографией. Китайские ученые, чья любознательность и любовь к художественному слову более не сдерживались официальными представлениями о том, чем пристало интересоваться подлинным интеллектуалам, обнаружили и опубликовали во множестве ранее неизвестные произведения, были открыты и описаны полностью забытые литературные жанры. Старинные издания находились в частных собраниях, в библиотеках министерств и ведомств, а также в Японии, где было много почитателей китайской литературы, свободных в выборе своих пристрастий. Но если новая китайская филология развивалась стремительно, то до появления работ на китайском языке в области точных наук было ещё очень далеко.

Если взглянуть на «проблему Нидема» с рассмотренных выше позиций, то получается, что именно традиционная библиография и культивируемая ею экзаменационная система сдерживала развитие новой науки в Китае. Нидемовская апология даосизма вполне соотносится с этой концепцией. Конечно, история не терпит сослагательных наклонений, и мы никогда не узнаем, какой бы была «даосская библиография», если бы Лао-цзы и его последователи её сформулировали. Победившая же конфуцианская концепция библиографии стала с течением времени инструментом жесткой идеологической диктатуры и особого рода цензуры, в этом своем качестве она не могла обеспечить конкурентоспособность китайской науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и

образование / ред.: М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, В.Е. Еремеев, А.Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2009. 1087 с.

2. *Sivin N.* Why the scientific revolution did not take place in China – or didn't it? // *Chinese Studies*. 1982. Т. 5. Р. 45–66; редакция 2005 г. см.: <https://docs.google.com/file/d/0B5VWWDsYaHARWVMODRXU3RjOGM/edit>. Дата обращения 08.04. 2016.

3. *Захаров А.* «Не всякая стрела попадает в цель»: технология и Абсолют на Востоке и на Западе // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4 (90). <http://www>.

nlobooks.ru/node/3852. Дата обращения 11.04. 2016.

4. *Виноградова Т.И.* Древнекитайская библиография: рожденная смутой // Чтения памяти К.И. Шафрановского (1900–1973): сб. трудов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.). СПб.: БАН, 2008. С. 230–234.

5. *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: ИФ РАН, 2005. 404 с.

6. *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М.: Наука, 1980. 360 с.

ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ АРАБСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ЕГИПТЕ: НАУЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

АННОТАЦИЯ

Начало формирования национальной арабской историографии новой эпохи относится ко второй половине XIX в., хотя первые работы в этой области появились вскоре после экспедиции Наполеона в Египет (1798–1801). Она существенно отличалась от классической средневековой арабо-мусульманской историографии по методологии, форме и даже языку. Наиболее значительный вклад в возрождение египетской национальной историографии нового времени после известного упадка XVI–XVIII вв. внес Абд ар-Рахман аль-Джабарти. В тексте арабские слова переданы в практической транскрипции, без диакритических знаков.

Ключевые слова: Ближний Восток, Египет, средневековая арабо-мусульманская историография, Новое время, национальная историография, Общество знаний, Египетское общество, Хедивское географическое общество Египта.

История формирования ближневосточной политики ведущих держав Запада — Великобритании и Франции на пороге Нового времени, когда оба эти государства, следуя интересам набирающей силу национальной буржуазии, начинают сложную и продолжительную борьбу за усиление своего влияния на ближневосточных перекрестках, отнюдь не является сегодня монополией европейских, американских или российских ученых. Особенно бурная колониальная экспансия европейцев на Ближнем Востоке и в Северной Африке на протяжении XIX в. привела к зарождению здесь национальной историографии новой эпохи, существенно отличавшейся по методологии, форме и даже языку от классической средневековой арабо-мусульманской историографии. Именно во второй половине XIX в. зарождается, таким образом, историография политической истории Арабского Востока как важнейший элемент становления национального самосознания арабов, осмысления ими своего места во всемирной истории в подчас драматической летописи взаимодействия культур христианского Запада и мусульманского

Востока. Однако первые работы в этой области появились уже вскоре после экспедиции Наполеона в Египет (1798–1801). Пожалуй, наиболее значительный вклад в возрождение египетской национальной историографии нового времени, пережившей до того известный упадок на протяжении XVI–XVIII вв., внес Абд ар-Рахман аль-Джабарти. По словам Джамаль ад-Дина аш-Шайаля [1, с. 27], А. аль-Джабарти впервые после Ибн Ийаса и Ибн Занбаля обратился к воссозданию истории Египта [2].

Книга аль-Джабарти «Аджа'иб ал-асар...», по мнению Макдональда, переведшего и опубликовавшего её на английском языке, является крупнейшей работой по истории Египта в XII–XIII вв. и лучшим памятником историографии конца эпохи мамлюков, истории французской экспедиции в Египет и Сирию и первых лет правления Мухаммада Али. Работа основана на многочисленных официальных документах эпохи. В ней приводится, например, манифест, который Наполеон издал, вступив на землю Египта, его обращение к египтянам, в котором объясняются причины

неудачной попытки овладеть Аккой, текст судебного протокола по делу Сулеймана Халыби, убившего генерала Клебера, а также многочисленные указы и законы, издававшиеся османскими или французскими властями. Как пишет аш-Шайаль, некоторые современники аль-Джабарти также предпринимали попытки написать историю своей эпохи, однако это были, как правило, редкие и малозначительные сочинения [1, с. 27]. Тем не менее, и эти работы заслуживают упоминания, поскольку их авторы фактически представляли историческую школу, во главе которой стоял сам А. аль-Джабарти.

К числу этих историков следует отнести, например, Абдаллаха аш-Шаркауи — шейха университета аль-Азхар, главу первого дивана, сформированного французами после вступления войск Бонапарта в Египет в 1798 г. Перу аш-Шаркауи принадлежит небольшое историческое сочинение под названием «Тухфат ан-назирин фи мен вала миср мин ал-вилат ва-с-салатин» («Дар созерцающим правителям Египта из наместников и султанов») [3]. Эта работа была опубликована в Каире в 1869 г. и охватывает историю Египта от эпохи праведных халифов, Омейядов и Аббасидов, вплоть до османского господства. Для исследователя Новой истории Арабского Востока данная работа аш-Шаркауи представляет интерес, поскольку в ней автор в сжатой форме рассказывает о французской экспедиции в Египет и ее главных последствиях. Ещё одним представителем этой школы можно назвать шейха Исмаила аль-Хашшаба, которого французы после восстановления египетского дивана при генерале Мену избрали его главным секретарём, или, по выражению аль-Джабарти, «составителем исторических хроник», то есть историографом тех событий. В его обязанности входила регистрация всех издаваемых распоряжений и запретов, официальной корреспонденции и т.п. [4, ч. 3, с. 144–145]. К школе аль-Джабарти следует отнести и двух других историков — Никола ат-Турк и шейха Халиля ибн

Ахмада ар-Рахби, написавшего в период 1817–1829 гг. «Историю Мухаммада Али-паши» [5]. Некоторые исследователи считают, что это сочинение ар-Рахби явилось своеобразным опровержением исторического труда аль-Джабарти, подвергнутого в своё время критике некоторые реформы Мухаммада Али. Работа же ар-Рахби всячески превозносит этого правителя и его заслуги перед Египтом [3, с. 32]. Сирийский историк Никола ат-Турк посвятил свою работу «Зикр тамаллук ал-франсавийа...» истории французского завоевания Египта и Сирии [6]. Эта книга, содержащая личные свидетельства и наблюдения автора во время его пребывания в Египте, была переведена на французский язык и издана в Париже в 1839 г. Египетская историография эпохи Мухаммада Али в значительной мере базируется на переводе научных трудов. По примеру первого научного общества, созданного в Египте Наполеоном в 1798 г. (и затем закрытого в 1801 г.), при Мухаммаде Али появляются новые ассоциации учёных, занимавшиеся, в частности, и изданием исторических сочинений. В 1835 г. было создано так называемое Египетское общество, в которое вошли многие известные европейские ученые и востоковеды и одной из целей которого была публикация работ по истории, географии и культуре Востока [1, с. 207]. Составление и перевод исторических трудов в годы правления Мухаммада Али получают всё большее распространение среди чиновников и служащих правительственного аппарата. Так, была переведена на турецкий язык книга аль-Джабарти «Мазхар ат-такдис фи заваль даулат ал-франсис» («Акт посвящения в эпоху французского правления» [7]. С турецкого на арабский был переведен трактат султана Мурада IV об устройстве османской державы. Впервые появились на арабском языке сочинения Макиавелли, на турецкий язык были переведены также мемуары Наполеона, написанные им во время пребывания на о. Св. Елены, история Наполеона Бонапарта, принадлежащая перу герцога де Ровиго, и т.д.

В 1868 г. при хедиве Исмаиле ряд египетских учёных создал научную ассоциацию под названием «Общество знаний», имевшую целью распространение культуры с помощью издания разнообразных научных трудов, в том числе по истории, языку и литературе Арабского Востока [8, с. 242]. В 1875 г. было создано Хедивское географическое общество Египта, занимавшееся сбором, составлением и изданием научных, и прежде всего географических сочинений. Ученными из Египта и других арабских стран были изданы работы по национальной и всемирной истории, среди которых следует отметить работу Мустафы Камиля «История восточного вопроса» [9], серию трудов Джирджи Зейдана, например по доисламской истории арабов, истории мусульманской цивилизации, истории языка и литературы, истории Египта от арабского завоевания, истории Англии и др. [10; 11; 12].

Новой истории Арабского Востока посвящены и работы других авторов, например, «Египет — египтянам» Салима Наккаша, где приводятся и анализируются ценнейшие документы эпохи Мухаммада Али и его преемников [13]. Историком Ф. Джалладом был издан ряд законов, фирманов и официальных договоров с 1840 г. до конца XIX в. в рамках его сочинения, названного «Судебно-административный словарь» [14]. Первым исследователем документов по истории Египта в первой половине XX в. стал Амин Сами-паша, опубликовавший общую историю системы образования в Египте, а также книгу «Таквим ан-Нил» («Выправление Нила») [15], содержащую важные документы конца XIX — начала XX вв. [1, с. 229].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Аш-Шайаль Джамал ад-Дин*. Ат-Тарих ва-л-муарихин фи миср = [История и историки в Египте]. Каир, 1958.
2. *Аль-Джабарти Абд ар-Рахман*. Египет и период экспедиции Бонапарта (1796–1801) / пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Вост. лит., 1962. 540 с.
3. *аш-Шаркауи Абдалла*. Тухфат ан-назирин фи мен вала миср мин ал-вилат ва-с-салагин = [Дар созерцающим правителей Египта из наместников и султанов]. Каир, 1898. 112 с.
4. *Аль-Джабарти Абд ар-Рахман*. Ад-жаиб ал-асар фи тараджим ва-л-ахбар = [Чудеса прошлого в жизнеописаниях и хронике событий]. В 4 ч. Ч. 3. Каир, 1965. (1-е изд. 1879).
5. *Ар-Рафии Мустафа Садик*. Тарих адаб ал-араб = [История арабской литературы]: в 3 т. Каир, 1911. Т. 3. ч. I, б. г.
6. *ат-Турк Никола*. Зикр тамаллук джумхур ал-фарансавийа ал-актар ал-мисрийа ва-л-билад аш-шамийа = [Сообщение о французском правлении в Египте и в Большой Сирии (Шам)]. Бейрут, 1992.
7. *Аль-Джабарти Абд ар-Рахман*. Мазхар ат-такдис фи заваль даулат ал-франсис = [Акт посвящения в эпоху французского правления]. Каир, 1998. (Переизд.)
8. *Салим Наккаш*. Египет — египтяне = [Миср — ал-мисрийун]. Каир, б. г.
9. *Мустафа Камиль*. аль-Мас'ала аш-шаркийя = [История восточного вопроса]: в 2 ч. Каир, 1898.
10. *Зейдан Джирджи*. Тарих миср ал-хадис = [Новая история Египта]. Каир, 1889.
11. *Зейдан Джирджи*. Тарих ат-тамаддун ал-ислами = [История цивилизации ислама]. Каир, 1902.
12. *Зейдан Джирджи*. Ал-араб кабла-л-ислам. Каир, 1908.
13. *ар-Рахби*, Халил ибн Ахмад. История Мухаммада Али-паши. Бейрут, 2002.
14. *Джаллад Филиб*. Камус ал-идара ва-л-када = [Судебно-административный словарь]. Каир, 1899.
15. *Сами Амин*. Таквим ан-Нил = Нильский Альманах = (Выправление Нила): в 3 т. Каир, 1915–1936.

НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ЧИСЕЛ

АННОТАЦИЯ

Продолжение статьи «Проблема происхождения математической символики и ее значение для современной культуры», опубликованной в предыдущем выпуске.

Происхождение числовой символики и десятичной позиционной системы счисления, используемой в наше время повсеместно, с исторической точки зрения представляет научный интерес.

В статье приводится обоснование новой гипотезы о возникновении современных форм чисел, демонстрируются особенности написания арабских и европейских чисел и арабского алфавита.

Ключевые слова: арабский алфавит, индийские числа, арабские числа, математические символы, история письменности.

Изучая историю арабской рукописной книги, автор данной статьи задался вопросом: почему формы чисел 7 и 8, как их писали и пишут арабы, «v» и «l» соответственно, настолько похожи, в то время как их европейские потомки, 7 и 8, такие разные? В связи с этим возник еще один вопрос: почему европейские формы 6 и 9 выглядят словно близнецы-перевертыши, а современные арабские 6 и 9, «٦» и «٩» соответственно, имеют лишь условное сходство?

Эти «почему» я попытаюсь объяснить моей гипотезой о происхождении европейских чисел, которая может быть сформулирована следующим образом:

Формы современных европейских чисел произошли от арабского алфавита, который через арамейскую письменность восходит к финикийской. Что касается индийских чисел, то они имеют лишь косвенное отношение к истории происхождения чисел европейских и используются сегодня исключительно на территории Индии.

Во избежание путаницы следует сразу оговорить, что наши современные числа далее, для удобства изложения и в силу следования идее моей гипотезы, будут

называться «европейскими», а формы чисел, как их пишут современные арабы на Востоке, — «арабскими». Под «индийскими» числами следует понимать только те числа, которые используют или использовали в древности индийцы. Слово «цифры», произошедшее от арабского «сифр» (пустой, изъятый), везде заменяется на его более однозначный в плане истории эквивалент — «числа».

Для обоснования моей гипотезы необходимо изложить некоторые палеографические данные, касающиеся особенностей древних письменностей, связанных своим происхождением друг с другом: египетской, финикийской, арамейской, арабской и т.д. По этим особенностям можно проследить историю развития мировых письменностей, а также трансформацию форм чисел.

Египетские иероглифы писались *справа налево*, подобно современному арабскому письму, если только не было особых причин для того, чтобы писать их слева направо. Одной из таких причин были соображения симметрии. Например, иероглифическая надпись делалась на двух колоннах по обеим сторонам прохода [1, с. 24].

В работе петербургского востоковеда-египтолога Н.С. Петровского (1923–1981) сообщается следующее: «Иероглифические знаки писались во всех направлениях, исключая направление снизу вверх. Внутри столбцов знаки могли писаться в различных направлениях. Но обычное направление знаков *справа налево*. Знаки, представляющие изображения людей, животных, птиц, всегда повернуты лицом к началу строки» [2, с. 19].

Египетская система письма оказала значительное влияние на финикийскую письменность. Следуя египетскому образцу, финикийцы *не ввели в свой алфавит гласных* (при помощи гласных в семитских языках (арамейский, арабский, иврит) выражается грамматическая форма слова, но они, как правило, не обозначаются на письме. Человеку, читающему на таком языке, достаточно видеть корень из согласных, чтобы понять смысл слова) и приняли систему записи справа налево, сохранившуюся в алфавитах, производных от финикийского, во многих лишь на первых порах [3, с. 77–78]. Так древняя письменность Индии — *брахми* изначально записывалась справа налево, однако по неизвестной причине со временем произошла смена направления письма. Произошедшая от *брахми* письменность *деванагари* (санскрит, хинди) стала записываться уже *слева направо*.

В финикийском алфавите существовала твердо установившаяся *последовательность букв, которой следовали и другие происшедшие от него алфавиты*. Древнейшая из известных нам надписей, выполненная финикийским алфавитом, выгравирована на обломках двух бронзовых сосудов приблизительно первой половины X в. до н. э., откопанных на о. Кипр. На сто лет моложе надпись на гробнице сидонского царя Эшмуназара. На обоих этих памятниках виден финикийский алфавит в его *законченном и совершенном* виде — *22 согласные буквы без гласных, записанные справа налево* [1, с. 76–77].

Процесс распространения, заимствования и адаптации финикийского алфавита

другими народами шёл двумя путями. С одной стороны, среди народов, говоривших на семитских языках, он трансформировался в *арамейский* алфавит, который сохранил консонантность и дал начало целому ряду письменностей. С другой стороны, заимствование греками и индийцами шло через адаптацию путем добавления гласных.

При ознакомлении с современными формами некоторых производных алфавитов, например латинского, индийского или арабского, какое-либо родство между ними кажется немыслимым, однако при сопоставлении их древних форм это сходство сразу обнаруживается (Табл. 1. Приложение) [3, с. 79–80].

В настоящее время установлено, что *более четырех пятых известных нам алфавитных систем возникло из финикийского письма* (Табл. 2. Приложение).

Те же, которые не произошли от него по прямой линии, возникли как подражание какой-либо системе, образовавшейся непосредственно от финикийской и применявшейся у какого-нибудь соседнего народа [3, с. 79].

От финикийского письма произошло арамейское, давшее начало арабской письменности [4, с. 208]. Как и у финикийцев, у арамейцев было лишь 22 согласных буквы. Арамейцы выработали связное письмо и стали пользоваться некоторыми буквами также для выражения долгих гласных [4, с. 208–209].

В древности буквы арабского алфавита были расположены в той же последовательности, что и в финикийской и арамейской письменностях. На основании этого порядка основывалось их числовое значение, для запоминания которого придумано специальное выражение [4, с. 210]. В отличие от старо-арабского порядка, в современном арабском алфавите буквы группируются на основании сходства форм (Табл. 3. Приложение).

Древний порядок называется «*абджад*» или «*абджадийя*», по его первым четырём буквам: *'алиф, бā', джīm, дāl* (Табл. 4. Приложение). До перехода

к арабским числам использовались буквы, числовое значение которых соответствовало их порядку в 'абджаде. Вскоре после перехода к позиционной системе с использованием нуля алфавитный порядок был изменён на современный.

До появления чисел арабы использовали для арифметических вычислений буквы арабского алфавита, которые записывались слитно в форме слов *справа налево* соответственно их числовым значениям. Впоследствии арабские и европейские числа, являющиеся производными от арабского алфавита графическими формами, утратили с арабским алфавитом прямую связь и стали записываться слева направо.

В пользу арабского происхождения чисел говорит одна особенность латинского перевода *арифметического* трактата ал-Хорезми, который известен как распространитель «индийской» системы счисления: «Особое внимание ал-Хорезми уделяет способу записи чисел в этой системе с помощью специального знака для обозначения пустого разряда. Разряд единиц в записи должен стоять первым, а дальше разряды следуют *справа налево* (курсив мой. — П.Т.). Чтобы изобразить число десять, индийцы, как говорит ал-Хорезми, ставили во втором разряде единицу, а в первом — «маленький кружок», наподобие о, чтобы по нему знали, что разряд единиц пуст и что в нем нет никакого числа...» [5, с. 17].

Таким образом, исходя из латинского перевода работы ал-Хорезми, индийцы — авторы системы десятичного счисления записывали числа *справа налево* (!), от меньшего разряда к большему. Сегодня этого нельзя сказать о современных индийцах, которые приняли европейское направление написания *слева направо*, от большего разряда к меньшему.

В связи с этим примечателен один факт в современной арифметике: многозначные числа, переданные арабскими цифрами, требуется разбивать пробелами на группы (по три цифры) справа налево (например, 1 234 567), а многозначные

десятичные дроби — слева направо (например, 1, 234 56). Такое правило записи говорит о наличии особенностей чисел, объяснение которых, скорее всего, таится в истории происхождения десятичной системы счета.

Арабы, сохранившие до наших дней исходную систему письма *справа налево*, также пишут числа «по-европейски». Данный факт особенно интересен тем, что во многих арабских странах европейские языки не играют значимой роли в системе образования, а население специально не обучается письму слева направо (Египет, страны Персидского залива и т.д.). Кроме того, арабы в большинстве не владеют навыками использования числовых значений арабского алфавита для вычислений или датировки. Параллель между европейскими и арабскими формами чисел для них не очевидна, в то время как для палеографов эта связь на сегодняшний день не вызывает сомнения. Это свидетельствует об отрыве современного поколения арабов от собственной культуры, утрате ближневосточных традиций в области счисления.

Даже если предположить, что теория об индийском происхождении чисел верна и арабы якобы заимствовали формы чисел у индийцев, возникает вопрос: *по какой причине и когда произошла смена направления записи чисел, формы которых изначально приспособлены для написания справа налево?* Если бы арабы переняли у индийцев систему счёта, то зачем им при этом менять «арабское» направление на «европейское»?

Возможно, ответ кроется в истории происхождения индийской письменности.

В V в. до н. э. северо-западной частью Индии овладели персы (правление Дария I (522–486), Империя Ахеменидов). Они управляли ею через своих чиновников, пользовавшихся арамейским языком, бывшим до VI–VII вв. международным в дипломатических и коммерческих сношениях. Это был язык семитического народа, населявшего области Малой Азии между Палестиной, Финикией, Аравией,

с одной стороны, и р. Тигр — с другой. Греки называли Арамею Сирией. Арамейские чиновники распространили в Индии сиро-финикийское письмо, приспособленное к индийским наречиям, вследствие чего создалось раннее индийское письмо *кхароштхи* (kharoṣṭhī). Оно, как и финикийский алфавит, записывалось *справа налево*. *Числовые знаки того периода взяты в основном из алфавита кхароштхи*. Наиболее ранние известные образцы чисел *кхароштхи* были найдены в районе восточного Афганистана и Северного Пенджаба и относятся, вероятно, к III–I вв. до н. э. Это была десятичная непозиционная система с индивидуальными символами для 1, 2, 3, 4, 10, 20, 100 и 1000 [6, с. 45] и с характерным для сирийской нумерации преобладанием основы 20 (Табл. 6. Приложение).

Авторы «Энциклопедии элементарной математики» считают, что «видеть в цифрах *кхароштхи* прообразы наших цифр не приходится». Однако они упускают интересную и, на мой взгляд, важную деталь: формы чисел *кхароштхи* — 1, 2, и 3 (𐤀, 𐤁, 𐤂 соответственно) полностью (!) совпадают с формой современных арабских чисел (Табл. 5. Приложение). Такую особенность можно считать наследием от общего для этих письменностей предка — финикийского алфавита.

Наряду с числами *кхароштхи* с VI в. до н. э. в Индии появилась другая система обозначения чисел, основанная на алфавите письменности *брахми*. В этой системе имелись специальные знаки для девяти первых чисел, для десятков и для чисел 100 и 1000. Таким образом, в этой системе не было обозначений для чисел 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800 и 900, в то время как арабский алфавит представляет собой полный набор обозначений для следующего числового диапазона: 1–9, 10–90, 100–1000 (Табл. 7. Приложение).

Письменность *брахми*, ставшая прототипом всех остальных письменностей Индии и ведущая своё происхождение от финикийской [3, с. 193–195], как и арабский алфавит, сохранила систему

алфавитной нумерации и финикийский порядок букв, но записываться она стала *слева направо*. Тем не менее, по нашему мнению, цифры *брахми* не являются прообразами наших цифр.

Сторонники индийского происхождения чисел в качестве иллюстрации достоверности своей теории приводят ряд чисел письменности *деванагари*, восходящей к *брахми*, и европейские числа в одной таблице (Табл. 8. Приложение).

Первые три индийских числа оказываются похожими на европейские. На этом сходство оканчивается, так как вывести из оставшихся индийских форм (от 4 до 9) европейские числа представляется затруднительным. Существует большая вероятность того, что формы чисел *кхароштхи* (1, 2 и 3), по написанию идентичные арабским, повлияли на вид чисел в письменности *деванагари*, произошедшей от *брахми* [3, с. 195], чем и объясняется такое частичное сходство. Было бы ошибочным рассматривать это как свидетельство в пользу теории об индийском происхождении.

Более того, допустимо, что индийская четвёрка изначально писалась, как и в *кхароштхи*, в виде креста, но со временем две отдельные черты слились в скорописи и образовалась нижняя петля (Табл. 6 и 8), арабская же четверка, на наш взгляд, образовалась от арабской буквы *дāl* (см. Приложение).

К 711 г. волна завоеваний мусульман достигла границ Индии, а позднее распространилась почти на всю страну [3, с. 126]. К 712 г. мусульмане уже захватили часть Индии и покорили Синд (сегодняшний Пакистан). Среди историков математики бытует мнение, что якобы именно там мусульмане познакомились с индийской системой счисления, переняли ее, и с тех пор в мире стали говорить об «арабских цифрах». Такой взгляд на события предполагает, что у индийцев уже была десятичная позиционная система счисления и формы чисел, ставшие прообразами европейских. С учетом выявленных выше противоречий в индийской теории, подобный взгляд не выдерживает

критики. На мой взгляд, предположение, что события развивались иным образом, выглядит более правомерным. Может, именно мусульмане принесли с собой новую систему счета и формы чисел? Ведь в то время в арабский халифат входило большое количество этносов — арабы, персы, евреи, многие народы Средней Азии, среди которых были ученые, уже совершившие великие научные открытия.

Считается, что «индийскую» систему записи первым широко популяризировал ученый Абū 'Абдаллах Муḫаммад ибн Мūsā ал-Ḥавāризми (ал-Хорезми) (787–850), автор знаменитой работы «Книга о восстановлении и противопоставлении» («*ал-Китāб ал-муḫтасар фī ḫисāб ал-джабр ва-л-муқāбала*»), от названия которой произошел термин «алгебра». На латинском языке эта работа известна под названием «*De numero indorum*» (переведена в XII в.).

В 1831 г. арабский текст алгебраической рукописи ал-Хорезми вместе с английским переводом был издан Ф. Розеном, сам же список по сей день находится в библиотеке Оксфордского университета [7, с. 13]. Эта работа сыграла очень большую роль в развитии европейской арифметики и внедрении арабских чисел.

Ал-Хорезми также написал *арифметический* трактат, способствовавший популяризации десятичной позиционной системы записи чисел в арабском Халифате, который к тому времени (IX в.) охватывал территории от современного Ирана вплоть до Испании.

Ал-Хорезми считается популяризатором «индийской» системы счисления и «индийских» чисел. Именно благодаря его трудам стало возможным развитие европейской математики. Однако никто не ссылается на его *арифметический* или *алгебраический* трактаты в качестве обоснования теории об индийском происхождении десятичной позиционной системы счисления и современных форм чисел.

Подлинный арабский текст *арифметического* трактата ал-Хорезми до сих пор не найден. Его содержание известно

лишь по латинскому переводу XII в. под названием «Книга об индийском счёте», дошедшему до наших дней в единственной рукописи, найденной в 1857 г. в библиотеке Кембриджского университета [5, с. 15]. Латинский текст издан в 1857 г. итальянским историком математики Б. Бокомпани [5, с. 71]. Русский перевод издан в 1964 г. в Ташкенте [8].

В своем исследовании Г.П. Матвиевская пишет: «Относительно формы цифр, фигурировавших в его трактате, точных сведений не сохранилось. Но, по-видимому, они не отличались существенно от цифр, которые применяют и в наши дни народы, пользующиеся арабской графикой» [5, с. 22]. Таким образом, не существует достоверных сведений о формах чисел в *арифметической* работе ал-Хорезми. В латинском переводе используются только римские числа. Что касается списка *алгебраической* работы ал-Хорезми, то в нем встречаются арабские буквенно-числовые обозначения и изредка арабские числа в их современном написании.

Поскольку оригинальный текст *арифметической* рукописи ал-Хорезми не сохранился, наиболее вероятно, что ее арабское название было другим. К такому выводу приводит различие арабского и латинского названий *алгебраической* рукописи. Сравним дословный перевод названий: арабский — «Краткая книга о счете возмещения и противоположения» («*ал-Китāб ал-муḫтасар фī ḫисāб ал-джабр ва-л-муқāбала*») и латинский — «На счет чисел индийцев» («*De numero indorum*»). В данном случае различие в смысловых оттенках названия играет большую роль. Оно свидетельствует о возможных вольностях в латинском переводе. Весьма вероятно, что в арабском названии арифметического труда ал-Хорезми, и даже в самой работе, никаких «индийцев» не было и в помине. Кроме того, ее латинский перевод «страдает многими недостатками: в ней встречаются опуски, пробелы, отсутствует конец текста» [5, с. 15].

В связи с важностью для изучаемой проблемы точности латинских переводов

работ ал-Хорезми необходимо сказать несколько слов о переводчиках того времени.

Основная переводческая работа велась на территории Пиренейского полуострова, постепенно отвоевываемой испанцами у арабов. После взятия в 1085 г. города Толедо здесь была основана школа переводчиков и компиляторов под покровительством архиепископа Раймонда I. Переводами также занимались в Барселоне и Сеговии. В этом деле принимали участие люди разных национальностей и вероисповеданий: принявшие христианство арабы, испанцы, испанские евреи, англичане, итальянцы, фламандцы и т.д. Результатом явилось создание огромной научной и философской литературы на латыни, которая послужила основой для зарождения науки в Европе.

Крупнейшим переводчиком XII в. был Герардо Кремонский (Италия). Пятьдесят лет своей жизни он посвятил переводам с арабского языка на латинский труды по математике и астрономии, среди которых был *алгебраический* трактат ал-Хорезми. Другой перевод этой же книги, положивший начало алгебраическим знаниям европейских учёных, был выполнен англичанином Робертом из Честера в 1145 г. в Сеговии [5, с. 25; 9].

В то же время были сделаны два перевода на латинский язык *арифметики* ал-Хорезми столь же известными в истории европейской математики переводчиками Аделардом из Бата (Англия) и Иоанном Севильским (Испания) [10, с. 91].

Иногда переводчики с разных языков работали совместно. Так, Иоанн Севильский сотрудничал с испанским философом Доминго Гонсалесом, работавшим в Толедо в XII в. По-видимому, Иоанн переводил с арабского языка на кастильское наречие, а Гонсалес далее — на латынь. Им принадлежат переводы около двадцати сочинений, в том числе обработка *арифметического* трактата ал-Хорезми.

Достоверность переводов полностью лежала на совести переводчика. Сложно

себе представить, чтобы в XII в. кто-нибудь стал сверять оригинальный текст и его перевод. Выполненный единожды, латинский перевод арабского трактата становился калькой для последующих рукописных копий, которые расходились по частным коллекциям и библиотекам европейских университетов и монастырей. Кроме того, учитывая арабскую рукописную традицию, к слову просуществовавшую на Ближнем Востоке вплоть до XIX в., нельзя исключать, что сами рукописи, использовавшиеся для переводов на латынь, содержали описки, пропуски и искажения.

Принимая во внимание вышесказанное, не исключено, что переводчики трактатов ал-Хорезми:

1) имели в своём распоряжении текст рукописи, который был искажён преднамеренно (например, арабский переписчик понял смысл рукописи по-своему) или неумышленно (вследствие описки). Слово «зенит» появилось в результате такой ошибки при переписке латинского перевода одной из астрономических рукописей. Первоначально при переводе слово «самт» (ар.: зенит) было транслитерировано как «zemt», однако при последующем копировании уже готового перевода некий переписчик принял букву «m» за сочетание двух букв «ni». Таким образом, соединение в букве «m» оказалось разорванным, и на свет произошёл новый астрономический термин «zenit», вошедший в словарный запас большинства европейских языков («zenith»);

2) допустили ошибку в переводе (неграмотный перевод);

3) исказили оригинальный текст, передав его содержание по-своему (особенно это актуально для опосредованных переводов на латинский);

4) добавили в перевод непроверенную информацию из других источников.

Вследствие одной из указанных выше причин до нас вполне могли дойти искажённые переводы работ ал-Хорезми.

На мой взгляд, существующие особенности написания арабских и европейских

чисел и арабского алфавита можно объяснить следующим образом: формы европейских чисел произошли от арабских чисел, а те, в свою очередь, от букв арабского алфавита. До введения десятичной позиционной системы счисления арабы использовали алфавитную систему счета, в которой каждой букве алфавита соответствовало своё число. Необходимое значение получали сложением соответствующих букв, которые записывались слитно в виде слов.

С появлением десятичной позиционной системы отпала необходимость в буквах количеством более девяти, так как для вычислений было достаточно девяти знаков и нуля. Оставшиеся первые девять букв арабского алфавита и являются исходной формой наших чисел. Они закрепились в изолированной форме, а начали записываться слева направо только в Европе.

Что касается знака для нуля, то его круглая форма, скорее всего, является европейским творением, которое возникло из-за различий между ближневосточными и европейскими инструментами письма. Так, восточные арабы используют тростниковые перья (*қалам*), кончик которых, обрезанный под углом 45°, при письме даёт широкую горизонтальную линию и узкую вертикальную. При одиночном касании бумаги такое перо оставляет узкую черту «/», с небольшим перемещением кисти черта превращается в ромб «♦». Таким ромбом арабы и обозначают ноль. Главной особенностью этой формы нуля, помимо простоты написания, является её явное отличие от помарок и возможных чернильных клякс в рукописи. Кроме того, восточным арабам было проще обозначать ноль ромбовидной точкой «•», а не в виде круга, поскольку их тройниковые перья не столь удобны для изображения симметричных замкнутых окружностей из-за неравномерной толщины линии при письме.

Для западных арабов (Север Африки), как и для европейцев средневековья, характерны тростниковые (гусиные)

перья с округлыми концами, которые дают линию одинаковой толщины при любом повороте кисти. Ноль в виде круга «0» впервые появился именно у западных арабов, поскольку точка, напоминая восточно-арабского ромба, оставляемая на бумаге гусиным пером, была трудноотличима от помарок.

Известно, что у арабов в своё время образовались две системы чисел: у *западных* арабов, культурным центром которых был испанский город Кордова, цифры *ғубār* (*ал-арқам ал-ғубāриййа, хурўф ал-ғубār, хисāб ал-ғубār*); у *восточных* арабов, столицей которых являлся город Багдад на реке Тигр (современный Ирак), развилась своя цифровая система (см. табл. 5. Приложение) [10, с. 90–91].

Арабский алфавит, выстроенный в порядке числовых значений, отражает особенности как восточно-арабских цифр, так и западно-арабских (*ғубār*), от которых произошли современные формы чисел.

При сравнении европейских и арабских форм чисел, а также их основы — арабского алфавита следует учитывать законы письма, сформулированные ещё в начале XX в. [11, с. 2–3]:

1) закон упрощения или округления знаков в целях их более скорого и лёгкого изображения;

2) каллиграфический закон, то есть красивого и изящного изображения знаков, который часто ведёт не к более простому, а, наоборот, к более сложным формам;

3) диакритический закон, имеющий в виду устранить неясность там, где для разных знаков появляются довольно схожие формы, путём внесения сознательно условного отличия в сходные формы.

Далее в транслитерации приведены названия арабских букв в порядке возрастания их числовых значений, в круглых скобках даны формы арабских букв и формы современных арабских и европейских чисел.

Число 1 самое простое, по форме написания оно идентично в большинстве

мировых письменностей. Так и сходство единицы с арабской буквой 'алиф достаточно очевидно.

'алиф (1-1-1)

Число 2 в арабских странах имеет не только такую форму написания «۲», но и «۲». Второй вариант более наглядно отражает переход к форме «2». Обе формы происходят из-за различий в арабских почерках. Первое относится к скорописному шрифту *рук'а*, а второе к североафриканскому шрифту *'усмāни*. Арабская двойка «лежит на боку» в отличие от европейской. Это является вполне допустимой вольностью для средневековых европейских рукописей, авторам которых необходимо было адаптировать новую для них систему счёта для записи слева направо. Подобное изменение в положении свойственно всем числам, прошедшим через процесс адаптации к европейскому письму.

бā' (۲-۲-2)

Раннее написание числа 3, представленное в европейских математических трактатах (Испания, Италия, XII–XVII вв.), прямо соотносится с формой буквы *джīm* в её конечной и промежуточной позициях «۳». Форма арабской цифры 3 «лежит» на боку, как и арабская двойка «۲».

джīm (۳-۳-3)

Для старо-арабского написания буквы *дāl* характерна петля в месте преломления линии. В современных почерках эта особенность исчезла. Первоначально эта петля имела гротескную, разросшуюся форму в европейских рукописях («4», «4»). Со временем она разорвалась и получилась современная форма «4». Например, на полотнах А. Дюрера четвёрка представлена в старо-европейской форме, что вызывает удивление у непосвящённых искусствоведов и любителей его творчества.

Современная арабская четвёрка «۴», вероятно, является позднейшим арабским вариантом написания числа 4. Её персидское написание «۴» имеет схожий вертикальный элемент как у арабской

двойки «۲» и тройки «۳». Форма «۴» скорее позднейшее упрощение, используемое в скорописи. Также эта форма более близка к своему арабскому алфавитному прототипу «۴», т.е. букве «*дāl*».

Географически Персия (современный Иран и ряд прилегающих областей) находится ближе к Багдаду (центр восточной науки того времени, где жил и работал ал-Хорезми), из которого и шло распространение новой системы счисления в арабском Халифате. Иранцы сохранили первоначальную форму, в то время как у арабов она претерпела некоторые изменения, хотя именно эта форма стала основой для европейской четвёрки.

дāl (۴-۴-4)

Форма числа 5 и арабской буквы *хā'* имеют схожую окружность в основе. Верхний отстоящий вектор европейской пятёрки когда-то был присущ и букве *хā'*. Сегодня его следы прослеживаются только в североафриканском стиле письма *'усмāни*. В арабских рукописях число 5 часто встречается в форме двойной петли, идентичной по написанию арабской букве *хā'* «۵». Отсюда сходство с арабской буквой *хā'* очевидно.

хā' (۵-۵-5)

Число 6 — это отражённая сверху вниз буква *вāv*. В форме арабского числа окружность трансформировалась в незаметную петлю с характерной для скорописи опущенной чертой. Такая же черта наблюдается в формах арабских чисел 2, 3 и 4.

вāv (۶-۶-6)

Арабская семёрка имеет прямое сходство с европейской. Как свидетельствуют тексты различных европейских рукописей, направление угла числа 7 не играло особой роли. Её невозможно было спутать с другими числами, так как среди европейских чисел нет схожих с семёркой. Что касается арабской буквы *зā'*, от которой она произошла, то и в этом случае изменение плавного изгиба на угол прослеживается преимущественно в старо-арабских почерках.

зā' (۷-۷-7)

Европейская форма числа 8 представляет собой замкнутое написание буквы $\text{ħā}'$. Образцы такого написания были обнаружены мной в одной из арабских рукописей XVII в. (фонд ИВР РАН) [12]. Арабская форма восьмёрки представляет собой букву $\text{ħā}'$ в её начальной позиции при написании в слове « ħ » (формы арабских букв различаются по положению в слове. Для каждой буквы существуют четыре, схожие в своей основе, формы: изолированная, начальная, срединная, и конечная).

$\text{ħā}'$ (ħ – 8)

Число 9 — это отражённая сверху вниз буква $\text{mā}'$.

$\text{mā}'$ (m – 9)

Теперь несколько интересных наблюдений в обоснование изложенной гипотезы.

Числа 7 и 8 в современном арабском написании, « v » и « ħ », чрезвычайно похожи. На самом деле их формы происходят от разных арабских букв — « z » и « ħ ». Это является причиной отличия их европейских форм — 7 и 8.

С другой стороны, написание букв арабского алфавита $\text{ħā}'$ и džīm (« z » и « ħ ») отличается только одной точкой. Поэтому и числовые значения этих букв, 3 и 8, в европейской форме также схожи, при этом сохраняя в своей основе форму арабских букв.

Европейские формы чисел 6 и 9 различаются по уровню положения в них окружности и направлению концевого изгиба. Начертания их арабских алфавитных прототипов обнаруживают ту же закономерность (з и ħ). Примечательно, что формы арабских чисел, используемых сегодня в мусульманских странах, уже не отражают этой особенности из-за их адаптации к скорописи (« v » и « ħ »).

Существенная черта арабских чисел заключается в том, что все их формы приспособлены для написания справа налево, а не слева направо, как их пишут современные индийцы. Это одно из важнейших обоснований гипотезы о происхождении арабских и европейских чисел от букв арабского алфавита.

В результате проведённого анализа были выявлены «тёмные» места и «очевидности» в теории об индийском происхождении арабских и европейских чисел, которые также выступают в качестве обоснования гипотезы о происхождении форм чисел из арабского алфавита.

Подводя итог, можно сказать следующее:

1. Возможно, арабы заимствовали у индийцев идею обозначения пустого разряда в числах, что позволило им перейти к позиционной системе счисления, но, скорее всего, индийцы сами заимствовали эту идею, как и свою письменность, у более древних народов.

2. Гипотеза о происхождении арабских (индийских) и европейских (арабских) чисел от букв арабского алфавита имеет право на существование.

3. Возможно, что графическое обозначение современных чисел произошло от арабской письменности путём использования первых девяти букв арабского алфавита и добавления знака «ноль». Изначально знак нуля понимался арабскими счетоводами в ином значении, не как индийское «ничто». Ноль представлял собой лишь инструмент, необходимый для перехода к десятичной позиционной системе счисления, и использовался для компактного обозначения числовых рядов.

4. Старо-арабская алфавитная система нумерации, скорее всего, послужила основой для десятичной позиционной системы и дала миру формы современных чисел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Боневитц Р.* Иероглифы для начинающих. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003.
2. *Петровский Н.С.* Египетский язык: введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.
3. *Лоукотка Ч.* Развитие письма. М. : Изд-во иностранной литературы, 1950.

4. Юшманов Н.В. Избранные труды: Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М. : Восточная литература, 1998.
5. Сираджинов С.Х., Матвиевская Г.П. Ал-Хорезми — выдающийся математик и астроном средневековья. М. : Просвещение, 1983.
6. Александров П.С., Маркушевич А.И., Хинчин А.Я. Энциклопедия элементарной математики. Кн. 1. Арифметика. М.; Л. : ГИТТЛ, 1951.
7. Rosen F. The Algebra of Mohammed ben Musa. London: Oriental Translation Fund, 1831.
8. Ал-Хорезми Мухаммад. Математические трактаты / пер.: Ю.Х. Копелевич, Б.А. Розенфельд. Ташкент : Изд-во Наука УзССР, 1964.
9. Karpinski L.C. Muhammad ibn Musa Al-Khuwarazmi: Robert of Chester's Latin translation of the Algebra of al-Khowarizmi. With an introduction, critical notes and an English version. New York ; London : Macmillan, 1915.
10. Денман И.Я. История арифметики. М. : Комкнига, 1965.
11. Бубнов Н.М. Происхождение и история наших цифр. Киев, 1908.
12. Тентюк П.С. Две рукописи макама ал-'Аббāса (XVI век) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Вып. 2 (июнь). СПб., 2012. С. 84–88.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Происхождение мировых алфавитов из финикийского письма

Современная Латинская	A	B	G	D	E	F	Z	H	I	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T
Ранняя Латинская	A	B	C	D	E	F	Z	H	Y	K	L	M	N	O	Г	Q	P	Y	T
Греческая	Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Η	Θ	Ι	Κ	Λ	Μ	Ν	Ξ	Ο	Π	Ρ	Σ	Τ
Финикийская	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕	↕
Ранняя Арамейская	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍	𐤎	𐤏	𐤐	𐤑	𐤒
Набатейская	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉	𐤊	𐤋	𐤌	𐤍	𐤎	𐤏	𐤐	𐤑	𐤒
Арабская	ا	ب	ج	د	هـ	و	ز	ح	ط	ي	ك	ل	م	ن	س	ع	ف	ق	ش

Таблица 2

Генеалогическое происхождение различных видов письма

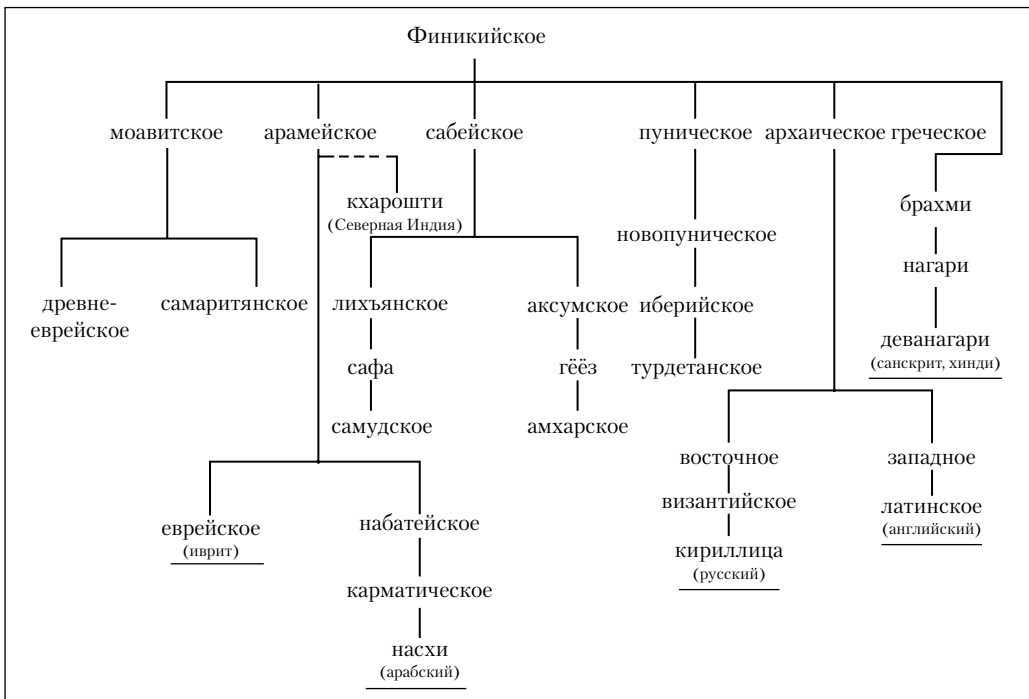

Таблица 3

Древний и современный порядок арабского алфавита (слева направо)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Старо-арабский порядок алфавита	ا	ب	ج	د	ه	و	ز	ح	ط	ي	ك	ل	م	ن	س	ع	ف	ص	ق	ر	ش	ت	ث	خ	ذ	ض	ظ	
Современный порядок алфавита	ا	ب	ت	ث	ج	ح	خ	د	ذ	ر	ز	س	ش	ص	ض	ط	ظ	ع	غ	ف	ق	ك	ل	م	ن	ه	و	ي

Таблица 4

Древний порядок арабского алфавита и числовые значения арабских букв (справа налево, Северо-Африканский шрифт)

ضخ	ثفه	قرشت	معفص	كلمن	حفي	هوز	أبجد
1000 98	7654321		98765432		1 98	7654321	
тысяча	сотни		десятки		единицы		

Таблица 5

Сводная таблица арабских и индийских форм чисел

Арабские числа, известные европейцам	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	
Написание арабских чисел принятое в XV–XVII веках											
Современные арабские числа, используемые в мусульманских странах	Западно-арабские числа	١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
	Восточно-арабские числа	١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
		١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
		١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
Буквы арабского алфавита в старо-арабском порядке ('абджадийя), шрифт "уамвий"	ا	ب	ج	د	ه	و	ز	ح	ط		
Буквы арабского алфавита в современном написании	ا	ب	ج	د	ه	و	ز	ح	ط		
Цифры в письме <i>деванагари</i> (возникла из письменности <i>брахми</i> ; <i>хинди</i> , <i>санскрит</i>)	१	२	३	४	५	६	७	८	९	०	
Цифры в письме <i>кхароитхи</i> (Северная Индия, существ. с III в. до н.э. по IV в. н.э.)	१	२	३	४							
Цифры в письме <i>гурмухи</i> (современный <i>панджаби</i>)	੧	੨	੩	੪	੫	੬	੭	੮	੯	੦	
Цифры в бенгальском письме (современный <i>бенгали</i>)	১	২	৩	৪	৫	৬	৭	৮	৯	০	

Таблица 6

Числа *кхароитхи*

۱	۳	۷	۴	۳	۲	۱
۱	۷	۷	۴	۳	۲	۱
100	20	10	4	3	2	1

Таблица 7

Числа *брахми*

1	2	3	4	5	6	7	8	9
-	=	≡	+	h	ϕ	ʔ	ς	ʔ

Таблица 8

Связь арабских чисел с арабским алфавитом

Арабский алфавит в порядке возрастания числовых значений	Арабский алфавит под иным углом	Арабские цифры	Современные цифры		Индийские цифры
		•		0	o
۱	1	۱	1	1	१
۲	۲	۲	2	2	२
۳	۳	۳	3	3	३
۴	۴	۴	4	4	४
۵	۵	۵	5	5	५
۶	۶	۶	6	6	६
۷	۷	۷	7	7	७
۸	۸	۸	8	8	८
۹	۹	۹	9	9	९

Таблица 9

Особенности написания некоторых арабских и европейских чисел,
иллюстрирующие их связь с арабским алфавитом

3	ج	6	و	۷	7	ز
8	ح	9	ز	۸	8	ح

**ВОПРОКИ ИСПЫТАНИЯМ СУДЬБЫ:
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ КОНГРЕССА США
в 1815–1851 годах**

АННОТАЦИЯ

Первая, созданная в 1800 г., Библиотека Конгресса сгорела при нападении английских войск на Вашингтон. В 1815 г. Конгресс приобрёл книжное собрание Т. Джефферсона, включавшее 20 наименований, посвящённых Российской империи, в т. ч. труды Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, Я. Потоцкого, Ф.П. Аделунга. В 1820-х гг. библиотека получила небольшое собрание описаний путешествий российских мореплавателей: О.Е. Коцебу, В.М. Головнина, И.Ф. Крузенштерна. С 1830 по 1840 г. «русская» коллекция выросла на 42 наименования. Только немногие академические издания, попавшие в Вашингтон в первую половину XIX в., сохранились, пожар 1851 г. уничтожил около двух третей книжного собрания библиотеки.

Ключевые слова: Академия наук, академик, Библиотека Конгресса США, книгообмен.

История российско-американских контактов началась с научных обменов. Академия наук стала первым отечественным учреждением, установившим постоянные и долгосрочные связи с американскими организациями. Уже во второй половине XVIII в., задолго до взаимного дипломатического признания Российской империи и США, американские ученые становились почётными академиками АН, присылали свои труды в Санкт-Петербург, вели обширную дружескую переписку с коллегами из России. Библиотека Конгресса (БК) практически с момента своего возникновения и до наших дней регулярно приобретала академические издания — сочинения, обнародованные АН, или труды её членов.

Президент Джон Адамс 24.04.1800 подписал закон о приобретении 155 изданий на английском языке, необходимых Конгрессу США [1]. Сменивший его Томас Джефферсон лично рекомендовал книги для БК. Разрабатывая концепцию её развития, он полагал, что иностранная литература мало полезна для конгрессменов. Абрахам Болдвин, председатель Библиотечного комитета Конгресса,

писал ему 14.04.1802: «Я приготовил каталог для БК, в соответствии с Вашими идеями: книги, предназначенные для развлечения, не должны включаться в него, как и книги на других языках <...>» [2, р. 36]. Не удивительно поэтому, что более чем через десять лет после основания коллекции из 941 наименования работ, включенных в её каталог 1812 г., только 14 были посвящены России [3].

Первая БК сгорела при нападении английских войск на Вашингтон 24.08.1814. В 1815 г. Конгресс приобрел личное книжное собрание Джефферсона, страстного библиофила и эрудита. Создавая свою книжную коллекцию, он руководствовался иными принципами, чем те, которые он полагал основными для БК. В его доме в Мотичелло можно было найти множество изданий на иностранных языках, поэтому некоторые конгрессмены выступили против приобретения коллекции. Сайрус Кинг, один из членов Палаты представителей, считал, что бывший президент собрал много «антирелигиозных и аморальных книг <...> и около 6000 книг <...> на языках, на которых многие

не могут читать, а большинству и не следует делать это» [2, р. 86]. В переизданном в 1950-е гг. каталоге его коллекции [4] упоминаются 20 наименований, 43 тома, посвящённых Российской империи. Некоторые работы о России Джефферсон мог приобрести еще в 1785–1789 гг. в Париже, например, труд профессора истории 01.07.1730 АН Герхарда Фридриха Миллера «Путешествия и открытия, сделанные русскими у берегов Студёного моря и Восточного океана <...>» [5].

Зная страсть президента к собиранию книг, служащие американских представительств в Европе пересылали ему интересовавшие его сочинения. В Санкт-Петербурге таким посредником стал первый консул США (1803–1816 гг.) в стране Леветт Харрис. Так, 18.04.1806 Джефферсон просил его найти «Сравнительный словарь всех языков и наречий»: «В самом начале моей жизни, размышляя над историей коренных жителей Америки, я пришёл к убеждению, что если бы существовала связь между ними и цветным населением Азии, следы этого можно было бы найти в нескольких языках. Поэтому я старался пользоваться всеми предоставляемыми мне возможностями, для того чтобы приобретать словари тех племен, которые могли попасть в моё распоряжение <...>. Недавно я видел доклад мистера Вольнея о работе мистера Палласа, озаглавленной “Сравнительный словарь всех языков и наречий” <...>. Я вынужден попросить вас об одолжении, найдите мне копию вышеназванного труда Палласа». Письма Харриса президенту и его отклики на них сохранились и были изданы в 2006–2007 гг. [6].

Заинтересовавший Джефферсона словарь Петра Симона Палласа, профессора естественной истории 01.07.1767 АН, публиковался дважды: в 1787–1789 гг. [7] и 1790–1791 гг. [8]. Несмотря на то что оба издания быстро стали библиографической редкостью, Харрис уже через четыре месяца извещал президента: «Я пытался несколько

раз раздобыть труд Палласа, копию которого Вы, Ваше превосходительство, заказали, однако он никогда здесь не был общедоступен. <...> Некоторые из академиков, с которыми я говорил об этом, обещали приложить все усилия, чтобы раздобыть мне копию, но прошлым вечером я встретался с министром коммерции, при нём я упомянул о своём желании, и он посчитал, что он просто обязан помочь мне разыскать [книгу], <...> благодаря учтивости графа [Николая Петровича] Румянцева, Ваше превосходительство получит её». Труды Палласа попадали в БК и после того, как Джефферсон прекратил лично заниматься её комплектованием. Например, в её каталоге 1830 г. [9] упоминается английский перевод [10] его «Путешествия по разным провинциям Российского государства» [11]. Через десять лет [12] БК приобрела восемь томов парижского издания этой работы [13].

Выполняя поручения Джефферсона, Харрис часто встречался с академиками, передавал ему их письма и сочинения. В течение многих лет президент получал труды почетного члена 29.01.1806 АН графа Яна Потоцкого, в т.ч. изданные АН «Gouvernement de Cherson», «Gouvernement de Wolhynie» [14], или исследования Федора Павловича Аделунга, чл.-корр. 01.11.1809 АН [15]. Харрис писал 12.07.1807: «Благодаря моему положению здесь я сошелся со многими здешними литераторами и учёными, прошлой зимой я смог посоветоваться с наиболее интересными из них и познакомился с двумя джентльменами, а именно – графом Джоном Потоцким, главой восточного отдела Колледжа иностранных дел <...> и м^{исте}р^{ом} Аделунгом, профессором художественной литературы, преподающим сей предмет юным великим князьям. Последний джентльмен, полагаю, более человек с богатым воображением, чем твердыми знаниями, хотя многие полагают его серьезным ученым мужем, он обещал мне <...> передать

некоторые результаты его изысканий, которые могли бы пригодиться Вам».

Отличавшаяся большим тематическим разнообразием библиотека Джефферсона лишь отчасти соответствовала требованиям, которые сам президент полагал основными для собрания сочинений, преимущественно юридического и справочного характера, необходимых парламентариям в работе. Немногие из них свободно, как бывший президент республики, владели несколькими древними и современными языками. В отчете 1824 г. в постоянную бюджетную комиссию Конгресса сообщалось: «Комитет придерживается того мнения, что было бы лучше приобретать английские книги и переводы иностранных книг на английский язык во всех случаях, когда подобные переводы уже сделаны. Они предлагают включать только те стандартные работы на иностранных языках, которые еще не переводились, или те, без которых невозможно обойтись» [2, р. 162].

В добавлениях к каталогам 1825 и 1827 гг. упоминались только 19 [16] и 14 [17] книг о России (преимущественно — британские, реже — французские издания), не входивших в коллекцию Джефферсона, в т.ч. английские варианты таких сочинений «квази-русских» авторов, как «Русские сказки» [18] Франсуа Ксавьера де Местра, сардинского дворянина, долгое время служившего в России, или «Письма о Кавказе и Грузии» [19] Фредерики Афанасьевны Фрейганг, переведённые её мужем Василием Ивановичем, дипломатом, чл.-корр. 12.12.1832 АН.

В 1820-х гг. БК приобрела небольшое собрание описаний путешествий российских мореплавателей Отто Евстафьевича Коцебу [20], Юрия Федоровича Лисянского [21], чл.-корр. 27.05.1818 АН Василия Михайловича Головнина [22], чл.-корр. 13.04.1803, почётного члена 10.09.1806 АН Ивана Федоровича Крузенштерна [23]. Английский перевод «Путешествия вокруг света <...>

последнего [24] был сделан одним из пионеров изучения Америки в нашей стране Георгом Генрихом фон Лангсдорфом (иностранн. чл.-корр. 19.01.1803, адъюнкт по ботанике 18.07.1808, экстраординарный академик по зоологии 01.04.1812 АН), который в 1803–1806 гг. плывал на шлюпе «Надежда». Тогда же БК получила и два тома лондонского издания работы учёного, посвящённой его путешествиям в 1802–1807 гг. [25].

Не только успехи российских моряков в освоении Мирового океана интересовали конгрессменов в эти годы. С 1830 по 1840 г. «русская» коллекция БК выросла на 42 наименования [26]. На её полки впервые попали сочинения российских писателей и поэтов [27, 28]. Читатели могли познакомиться с «Историей государства Российского» почётного члена 28.01.1818 АН Николая Михайловича Карамзина [29], сравнить русский, французский и итальянский варианты «Басен» ординарного академика АН по Отделению русского языка и словесности 19.10.1841 Ивана Андреевича Крылова [30] или узнать о деятельности АН из воспоминаний её директора Екатерины Романовны Дашковой [31]. Именно в этот период БК впервые приобрела периодические издания АН: «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» [32], «Novi commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» [33] и «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg» [34].

Если в начале столетия, в момент основания библиотеки, только две работы Уильяма Кокса, британского историка, встречавшегося и переписывавшегося с профессором Миллером [35], были посвящены Российской империи, то к 1836 г. «из 24 000 томов, купленных <для БК в 1815–1836 гг.>, примерно 6000 были на других языках, кроме английского, из них 4083 — на французском, 844 — на латыни, 314 — на испанском, 268 — на итальянском, 281 — на греческом и латинском,

66 — на греческом, 29 — на китайском, 13 — на древнесаксонском <?>, 12 — на германском и 52 — на других древних и современных языках» [2, р. 239]. «Русская» коллекция включала 164 произведения, 4 из них были написаны на русском, 15 изданы в России [26].

В уже упоминавшихся описаниях БК 1830 и 1840 гг. и каталоге 1849 г. [36] перечислено несколько сочинений учёных, сотрудничавших с АН: экономиста Юлия Андреевича фон Гагемейстера [37], чл.-корр. 03.12.1855 по разряду статистики историко-филологического отделения; дипломата и лингвиста Ивана Александровича Гульянова, почётного члена 21.11.1841 по отделению русского языка и словесности [38]; метролога, чл.-корр. 26.12.1826, ординарного академика по минералогии 27.08.1828, ординарного академика по физике 11.01.1841 Адольфа Яковлевича Купфера [39]. К сожалению, только немногие академические издания, попавшие в Вашингтон в первую половину XIX в., сохранились. Пожар 1851 г. уничтожил около двух третей книжного собрания БК.

Гибель коллекции на время приостановила поступательное развитие её «русской» составляющей. Другие научные центры США, прежде всего Смитсоновский институт, начали организовывать первые международные книгообменные программы [40]. Развивались и личные контакты учёных двух стран. Купфер, например, с 1849 г. переписывался с Мэтью Фонтейном Мори, чл.-корр. 02.12.1855 АН. Американский учёный высылал в Санкт-Петербург опубликованные им каталоги, которые до сих пор хранятся в фондах академической библиотеки. В свою очередь, Купфер отправлял Мори новые тома метеорологических изданий, выпущенных в России [41, с. 4–15]. В БАН и её филиалах сохранились исследования и других учёных и организаторов науки в США — Ричарда Харлана (чл.-корр. 21.12.1838), Джеймса Дуайта Дана (05.12.1858), Александра Далласа

Бейча (29.11.1861), Аса Грея (07.12.1862) [42]. БК же только в начале XX в., после приобретения коллекций Мартина Хатталы, чл.-корр. 07.12.1862 АН, и Геннадия Васильевича Юдина, включавшей несколько тысяч томов академических изданий, смогла создать «русское» собрание, получившее сначала общенациональное, а впоследствии и общемировое значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Catalogue of Books, Maps, and Charts, Belonging to the Library of the Two Houses of Congress. Washington, D.C. (W.), 1802. 10, [2] p.
2. Johnston W.D. History of LC. Vol. 1 : 1800–1864. W., Library of Congress (LC) : US Government Printing Office, 1904. 535 p.
3. The 1812 Catalogue of LC : a Facsimile. LC, 1982. xxiv, 141 p.
4. Catalogue of the Library of Thomas Jefferson. W. : LC. 1952. Vol. I. 562 p.; 1953. Vol. II. 433 p.; Vol. III. 481 p.; 1955. Vol. IV. 568 p.; 1959. Vol. V. 442 p.
5. Müller G.F. Voyages et Découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale & sur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amérique. Amsterdam, 1766. 388 p.
6. The Papers of Thomas Jefferson / ed. J. Jefferson Looney. Princeton : Princeton University Press, 2005. Vol. 2 : 16.11.1809 to 11.08.1810. 728 p., [8] pl. p.; 2006. Vol. 3 : 12.08.1810 to 17.06.1811. XLVII. 705 p.; 2007. Vol. 4 : 18.06.1811 to 30.04.1812. XLVI, 750 p.
7. Pallas P.S. Linguarum totius Orbis Vocabularia comparative. Petropoli : Typis Iohannis Caroli Schnoor, 1787. Vol. 1. 411 p.; 1789. Vol. 2. 491 p.
8. Паллас П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб. : Тип. Брейткопфа. 1790. Ч. 1. 458 с.; 1791. Ч. 2. 499 с.; ч. 3. 520 с.; ч. 4. 618 с.
9. Catalogue of LC. December 1830. W. : printed by D. Green, 1830. 257 p.

10. *Pallas P.S.* Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794. L. : Stockdale, 1812. Vol. 1, xxiii, 552 p.; vol. 2, xxxii, 523 p.
11. *Pallas P.S.* Physicalische Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs im 1768 und 1769sten Jahre. SPb. : Kayserliche Acad. der Wissenschaften, 1771. 12, 504 p.
12. Catalogue of LC in the Capitol of the United States of America, December 1839. W. : printed by Order of Congress, 1840. vii, 747 p.
13. *Pallas P.S.* Voyages du professeur Pallas, dans plusieurs provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. P. : Maradan, 1794. Vol. 1, xl, 422 p.; vol. 2, 490 p.; vol. 3, 492 p.; vol. 4, 499 p.; vol. 5, 448 p.; vol. 6, 455 p.; vol. 7, 448 p.; vol. 8, viii, 463 p.
14. *Potocki J.* Histoire ancienne des provinces de l'Empire de Russie. N I. Gouvernement de Cherson. SPb. : Imprime à l'Academie Imperiale des Sciences, 1804. viii, 51 s.; N II. Gouvernement de Podolie. SPb. : De L'Imprimerie de F. Drechsler, 1805. xxxiv, 15 s.; N III. Gouvernement de Wolhynie. SPb. : De L'Imprimerie de L'Academie. 15 s.; Chronologie de Deux Premiers Livres de Manethon. SPb. : De l'Imprimerie de F. Drechsler. 32 p.; Principes de Chronologie, pour les Temps Antérieurs aux Olympiades. SPb. : De l'Imprimerie d'Alexandre Pluchart et Comp., 1810. 84 p.
15. *Adelung F.* Rapports entre la langue sanscrit et la langue Russe présentés a l'Académie Impériale Russe. SPb., 1811. 18 p.
16. A Supplement to the Catalogue of LC. W. : printed by Davis & Force, 1825. 40 p.
17. A Supplement to the Catalogue of LC. W. : printed by P. Force, 1827. 109 p.
18. *Maistre X.* de. Russian Tales. Philadelphia : H.C. Carey and I. Lea, 1826. 197 p.
19. *Freygang F.W.* von. Letters from the Caucasus and Georgia. L. : J. Murray, 1823. xiv, [2], 414 p.
20. *Kotzebue O.* von. Voyage of Discovery, into the South Sea and Beering's Straits, for the Purpose of Exploring a North-east Passage, Undertaken in the Years 1815–1818, at the Expense of His Highness the Chancellor of the Empire, Count Romanzoff, in the Ship Rurick, under the Command of the Lieutenant in the Russian Imperial Navy, O. Von Kotzebue. L. : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. Vol. 1, xvi, 358 p.; vol. 2, 433 p.; vol. 3, 442 p.; A new voyage round the World, in the Years 1823, 24, 25, and 26. L. : H. Colburn & R. Bentley, 1830. Vol. 1, 341 p.; vol. 2, 362 p.
21. *Lisianskii I.F.* A Voyage round the World, in the Years 1803, 4, 5, & 6; Performed, by Order of His Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of Russia, in the Ship Neva. L. : printed for J. Booth, 1814. xxi, 388 p.
22. *Golovnin V.M.* Narrative of my captivity in Japan, during the years 1811, 1812 & 1813, by Captain Golownin, R.N. To which is added an account of voyages to the coasts of Japan, and of negotiations with the Japanese, for the release of the author and his companions, by Captain Rikord. L. : printed for H. Colburn, 1818. Vol. 1, iv, 302 p.; vol. 2, 350 p.
23. *Kruzenshtern I.F.* Recueil de memoires hydrographiques, pour servir d'analyse et d'explication A l'atlas de l'Ocean Pacifique par le commodore de Krusenstern. SPb. : de l'Imprimerie du department de l'instruction publique. 1824. xlviii. 324 p.; Reise um die Welt in den Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806; auf Befehl seiner kaiserlichen Majestät Alexander des Ersten auf den Schiffen Nadeshda und Neva unter dem Commando des Capitains von der Kaiserlichen Marine A.J. von Krusenstern; erster Theil. Spb. : Gedruckt in der schoorschen Buchdruckerey, auf Kosten des Verfassers. 1810, xx, 354 p., 1811, 436 p., 1812, iv, 376 p.
24. *Kruzenshtern I.F.* Voyage round the World in the years 1803, 1804, 1805, & 1806, by Order of His Imperial Majesty Alexander the First, on Board the Ships Nadeshda and Neva, under the Command

of Captain A.J. von Krusenstern. L. : printed by C. Roworth for J. Murray, 1813. xxxii, 314 p., 404 p.

25. *Langsdorff G. H.* von. Voyages and Travels in Various Parts of the World, during the Years 1803, 1804, 1805, 1806, and 1807. L.: H. Colburn, 1813–1814. Vol. 1, xxi, 362 p.; vol. 2, 386 p.

26. *Cannon A.* Origins of the Russian Collection at LC (1800–1906) // Slavic and East European Information Resources. Haworth Information Press, 2014. Vol. 15: 1–2. P. 3–59.

27. *Bowring J.* Specimens of the Russian Poets. L.: printed by R. and A. Taylor, 1821. Vol. 1, xxxv, 239 p., L. : printed by Th. Davison, 1823. Vol. 2, xxi, 271 p.

28. *Saint-Maure E.D.* de. Anthologie russe, suivie de poésies originales, dédiée à S.M. L'Empereur de Toutes les Russies. P.: chez C.J. Trouvé, imprimeur-libraire, 1823. 6, xlv, 360 p.

29. *Karamzin N.M.* Histoire de l'Empire de Russie. P. : impr. De A. Belin, 1819. Vol. 1, xlviii, 418 p.; 1819. Vol. 2, 427 p.; 1819. Vol. 3, 409 p.; 1819. Vol. 4, 451 p.; 1820. Vol. 5, 508 p.; 1820. Vol. 6, 469 p.; 1820. Vol. 7, 392 p.; 1820. Vol. 8, 376 p.; 1823. Vol. 9, 640 p.; 1826. Vol. 10, 424 p.; 1826. Vol. 11, 473 p.

30. *Kryloff I.A.* Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs, précédées d'une introduction française de M. Lemontey, et d'une préf. italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff. P. : Bossange, 1825. Vol. 1, 245 p.; vol. 2, 378 p.

31. *Dashkova E.R.* Memoirs of the Princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II, Empress of all the Russias. Written by herself, comprising letters of the Empress and other correspondence. Edited from the originals by Mrs. W. Bradford. L. : H. Colburn, 1840. Vol. 1, xxxix, 397 p.; vol. 2, vii, 439 p.

32. Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae. Petropoli: typis Academiae, 1728. T. 1, 488 p.; 1729. T. 2,

520 p.; 1732. T. 3, 464 p.; 1735. T. 4, 328 p.; 1738. T. 5, 458 p.; 1738. T. 6, 400 p.; 1740. T. 7, 426 p.; 1741. T. 8, 452 p.; 1744. T. 9, 452 p.; 1747. T. 10, 509 p.; 1750. T. 11, 378 p.; 1750. T. 12, 364 p.; 1751. T. 13, 474 p.; 1751. T. 14, 392 p.

33. Novi commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae. Petropoli : typis Academiae scientiarum, 1750–1776. T. 1, mdcccl, 500 p.; t. 2, mdcccli, 471 p.; t. 3, mdccliiii, 473 p.; t. 4, mdccclviii, 494 p.; t. 5, mdccclx, 480 p.; t. 6, mdccclxi, 564 p.; t. 7, mdccclxi, 520 p.; t. 8, mdccclxiii, 532 p.; t. 9, mdccclxiv, 512 p.; t. 10, mdccclxvi, 558 p.; t. 11, mdccclxvii, 574 p.; t. 12, mdccclxviii, 600 p.; t. 13, mdccclxix, 560 p.; t. 14, p. 1, mdccclxx, 604 p., p. 2, mdccclxx, 616 p.; t. 15, mdccclxxi, 683 p.; t. 16, mdccclxxii, 710 p.; t. 17, mdccclxxiii, 732 p.; t. 18, mdccclxxiv, 675 p.; t. 19, mdccclxxv, 653 p.; t. 20, mdccclxxvi, 643 p.

34. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. Spb. : de L'Imprimerie de l'Académie des Sciences, 1809. T. 1, iv, 730 p.; 1810. T. 2, 562 p.; 1811. T. 3, 462 p.; 1813. T. 4, 568 p.; 1815. T. 5, 742 p.; 1818. T. 6, 836 p.; 1820. T. 7, 559 p.; 1822. T. 8, 708 p.; 1824. T. 9, 692 p.; 1826. T. 10, 819 p.; 1830. T. 11, 320 p.

35. *Coxe W.* Account of the Russian Discoveries between Asia and America: to which are added, the Conquest of Siberia, and the History of the Transactions and Commerce between Russia and China. L. : printed by J. Nichols for T. Cadell, 1780. xxii, 344, [16] p.; Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark, Interspersed with Historical Relations and Political Inquiries. Dublin: printed for S. Price [etc.] 1784. Vol. 1, xi, 499 s.; vol. 2, 504 s., vol. 3, 479 s.

36. Catalogue of LC, 30.06.1849. W., 1849. 1022 p.

37. *Hagemeister J.A.* Report on the commerce of the ports of Russia, Moldavia, and Wallachia, made to the Russian government, in 1835, in pursuance of an investigation, undertaken by order of Count Woronzow, by Julius von Hagemeister. L. : E. Wilson, 1836. 232 p.

Из истории библиотек

38. *Gul'ianov I.A.* Archéologie égyptienne. Leipsic : J.A. Barth, 1839. Vol. 1, 312 p.; vol. 2, 462 p.; vol. 3, 572 p.

39. *Kupffer A.T.* von. Tables psychrométriques et barométriques à l'usage des observatoires météorologiques de l'empire de Russie. SPb., 1841. 256 p.

40. РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 320. Л. 8.

41. *Смирнов В.Г.* От карт ветров и течений до подводных мин. Неизвестные страницы российско-американских научных и военных контактов в середине XIX в. СПб. : Гидрометеоиздат, 2005. 240 с.

42. Американские учёные и ИАН. Американцы — члены Императорской АН. СПб. : Изд-во БАН, 2010. 412 с.

**«...ХОТЯ И ТЕСЕН, ВСЁ ЖЕ ДОСТАТОЧЕН»:
(Дом Демидовых на Васильевском острове
в судьбе Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук)**

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены факты и события, связанные с пребыванием Библиотеки Академии наук и Кунсткамеры в доме Демидовых на Васильевском острове. Выявлены причины, по которым после пожара 1747 г. для размещения книг и коллекций был выбран именно этот дом. Основное внимание уделено второму десятилетию пребывания в нём библиотеки и музея. В начале этого периода завершился раздел наследства, в состав которого входил данный дом. У здания появился конкретный владелец, добивавшийся его освобождения. Выясняется, как на истории с домом отразилась непростые отношения между членами Академии и сотрудниками её аппарата (М.В. Ломоносов, И.И. Тауберт и др.). Приведены сведения о лицах, проживавших в доме в период пребывания в нём Академии. Уточняется, когда дом был полностью освобожден от её имущества.

Ключевые слова: Петербург, Васильевский остров, застройка, Академия наук, Академическая библиотека, Кунсткамера, Демидовы, Михаил Васильевич Ломоносов, Иван Иванович Тауберт, коллекции.

Важный период истории Библиотеки Академии наук — неполные двадцать лет после случившегося 5 декабря 1747 г. пожара [1, с. 98; 2, с. 118], повлекшего перемещение фондов её и Кунсткамеры в дом Демидовых на Васильевском острове, — остаётся всё ещё недостаточно изученным.

Сведения, касающиеся начальной его фазы, изложены нами в статье [3]. Ниже рассмотрены связанные с этим домом и академическими учреждениями в нём события десятилетия с конца 1757 по начало 1767 г. — времени, в течение которого получивший его в наследство Н.А. Демидов пытался вступить в реальное владение им. Выявить новые данные позволили документы фонда (№ 1267) Демидовых, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Трёхэтажного дома, о котором идёт речь, в настоящее время не существует: он был снесён при подготовке площадки под строительство Биржи. Здание, возведённое в конце 1710-х гг. для графа

П.М. Апраксина, находилось недалеко от Стрелки Васильевского острова, на берегу Малой Невы, на участке, который сейчас занимает строение с адресом: Наб. Макарова, 2. По сторонам от него находились постройки городских усадеб баронов Строгановых (восточнее) и княгини А.И. Голицыной (западнее) [4, с. 89, 91]. Около 1726 г. дом Апраксина купил крупнейший металлозаводчик России Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) [5].

Использование этого дома для нужд Академии определил именной указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 декабря 1747 г. В нём со ссылкой на президента Академии графа К.Г. Разумовского констатировалось, что «все нужные вещи благополучно вынесены как из Библиотеки, так и Кунсткамеры, только теперь лежат в крайнем беспорядке». В связи с этим императрица повелевала «отдать под Библиотеку нашу и Кунсткамеру дом дворян Демидовых впредь до нашего указа, по коих мест академические полаты построены будут» [6].

Причин, по которым для размещения спасённого от огня академического имущества было выбрано данное здание, существовало несколько.

Во-первых, постройка находилась поблизости от пострадавших от огня академических «палат» и рядом с уже арендовавшимся Академией домом Строгановых.

Во-вторых, Демидовский дом казался «от огня безопасен». В рапорте президента Академии императрице это обстоятельство выделено и обосновано: «палаты дворян Демидовых... больше железом, нежели деревом, снабдены» [7, с. 633–634].

В-третьих, вскоре после смерти прежнего хозяина дома (А.Н. Демидова) императрица указом президенту Берг-коллегии А.Ф. Томилову от 30 сентября 1745 г. взяла на себя контроль над разделом наследства. Согласно её распоряжению, имущество умершего «всё и везде» следовало переписать, опечатать и хранить по описям «до указа» [8], что было равносильно запрету на сделки с ним. Учитывая это, а также наличие в составе наследства ещё одной петербургской усадьбы, дом на Васильевском острове казался возможным без ущерба для наследников (братьев Прокофия, Григория и Никиты Акинфиевичей Демидовых) использовать по особому назначению. К этому времени двое из них, будучи увлечёнными «ботанофилами», уже имели контакты с Академией. По-видимому, против такого использования номинально оставшегося в их собственности дома наследники не возражали.

Дом Демидовых был спешно очищен и подготовлен к перевозу книг и вещей. В начале 1748 г. большая часть спасённых академических коллекций силами солдат петербургского гарнизона была в него успешно перемещена [1, с. 103].

На протяжении последовавшего за этим десятилетия происходившее в доме, по-видимому, не особенно интересовало наследников — во всяком случае, документов, отражающих такой интерес,

пока не находим. Ситуация радикально изменилась после завершения раздела имущества, оставленного А.Н. Демидовым. Ключевыми событиями явились подписание наследниками документов по разделу (оно состоялось 1 декабря 1757 г.) и их вступление в «особые владения» (1 мая 1758 г.) [9, с. 340]. Дом в Петербурге на Васильевском острове достался младшему из братьев, Никите Акинфиевичу (1724–1787).

Полагая, что подготовка помещений в Академии, где должны были размещаться книги и коллекции, фактически завершена, он попытался ускорить освобождение дома и получить плату за его использование.

Самое раннее посвящённое этому вопросу прошение Демидова, сохранившееся в его архиве, датировано мартом 1758 г. Он писал в нём, что академические учреждения находятся в его доме больше десяти лет и здание пришло в «худое состояние». «И не токмо кругом ево вся подмаска опустилась, — пояснял он, — но и полы и подволоки, которыхья суть накатныя, весьма ветхи, и опасно, чтоб от той ветхости вторичнаго Кунстъкамере и Библиотеке незапного повреждения не учинилось, ибо и стены во многих местах розселись, а надворныя службы и все опустились». В связи с этим Демидов просил, «ежели есть куда», Библиотеку и Кунсткамеру «перенестъ».

Возвращением здания его притязания не ограничивались. Он настаивал на материальной компенсации износа, обусловленного долговременной эксплуатацией постройки. Демидов полагал, что имеет полное право требовать этого, поскольку «при помянутом занятии того дому в Кабинете вашего императорского величества объявлено нам обще з братьями моими, что, кому оной дом по разделу нашему достанется, то за все то время, сколько оная Библиотека и Кунстъкамера в нем пробыть может, заплачены будут денги». Демидов просил Академию выдать ему необходимые для ремонта средства подобно тому, как Строгановым

они «за такой же от Академии наук постоянной выдаваны были» [10].

Прошение было направлено в Академическую канцелярию. Ответ последовал через месяц с лишним — 6 мая. Проситель получил отказ по всем пунктам. Своим определением Канцелярия приказала объявить, «что, понеже в оном указе (от 23 декабря 1747 г. — *И.Ю.*) ни о каком платеже денег от Академии не упомянуто, а еще меньше, чтоб куда о том велено было представить, того ради просить ему о том в надлежащем месте, а Академическая канцелярия никакого представления учинить не может. Тем наипаче, что полаты Библиотеки и Кунсткамеры строением ещё не окончаны и потому неизвестно, сколь скоро вещи на прежнее место перенесены быть могут» [11].

Добиться просимого Н.А. Демидову удалось только через десятилетие. Полученная им плата оказалась гораздо умереннее той, на которую он рассчитывал.

Потерпев неудачу, Демидов духом не пал. Летом 1760 г. он затеял строительство перед своим домом пристань — во всяком случае, прошёл весь цикл необходимых согласований и утверждений проекта. Эта акция свидетельствовала, что хозяин намеревался реально вступить во владение домом и использовать его был намерен в соответствии с нуждами бизнеса. «Железные караваны» ежегодно доставляли в Петербург с Урала значительное количество демидовского железа — часть его уходила по казённым поставкам, часть предназначалась для отправки через Петербургский порт за границу. Заводовладельцу требовались складские помещения — подвалы собственной усадьбы подходили для этого как нельзя лучше. В первую очередь именно поэтому, а отнюдь не из-за упрямства и жадности Демидов добивался освобождения дома.

На Малой Неве существовало несколько пристаней. Неподалеку от демидовского дома находилась обладавшая ею таможня. Демидов стремился обзавестись пристанью, находившейся в полном его распоряжении. Дом и усадебные

постройки оставались по-прежнему занятыми академическим имуществом и служителями, однако построить пристань Демидову разрешили.

Документы (переписка Демидова и доверенных его лиц с Сенатом, Кабинетом Е.И.В. и Академической канцелярией) сообщают множество подробностей, характеризующих (в динамике), с одной стороны, состояние дома и того, что в нём тогда находилось, с другой — подготовку Академии к возвращению Библиотеки и Кунсткамеры в собственные их помещения. Выясняется, в частности, что в 1761 г. в Демидовском доме жило до 40 человек («ундер-библиотекариус», ученик, солдат, счётчик, конюх, служители и мастеровые), все они с семьями, в том числе большими — семейство библиотекаря достигало девять человек. Из них лишь немногие (Демидов назвал троих — С. Бухвостова, И. Ильина и И. Фадеева) были непосредственно связаны с надзором за размещенным в здании имуществом [12]. В подвалах дома хранилось пиво, и Демидов на это тоже жаловался: «...Погребы, в которые прежде складывалось железо, академической советник Тауберт занял аглинским пивом и железа складывать не допустил, для чего то железо принудил нанимать, возить и складывать на Гостином дворе с убытком» [13]. (Исполняя сенатское распоряжение, Академия специально разбиралась, как это пиво там оказалось.) Все помещения дома годами оставались переполненными. У приезжих демидовских приказчиков, пытавшихся остановиться в хозяйском доме, возникали почти непреодолимые трудности. Демидов сообщает: «А для жительства их (технического персонала Академии. — *И.Ю.*) поблизости академических полат и неподалеку от того моего двора построены особливые деревянные покои, которые они вместо того отдают в наймы. Как то и прикащики мои, прибывшие из Сибири в прошлом 1760-м году з железом, принуждены были у них же нанимать, а на свои двор советником

господином Таубертом жить были недопущены, ис чего явная учинена мне именованному обида» [14].

Нагрузка на здание, неизменно большая в течение длительного времени, вела к его ускоренному изнашиванию. Справедливости ради следует отметить, что, эксплуатируя дом на износ, Академия время от времени проводила в нём ремонтные работы. За период с 1748 по 1761 г. затраты на них, приходящиеся в основном на Демидовский дом (остальное — на Строгановский), поглотили 434 руб. 18 коп. казённых средств. В доме Демидова в эти годы были разобраны печи и камин, двери всех этажей снабжены замками (1748), в одном «покое» отремонтирован пол (1749), в окна и двери вставлены стекла (1750), произведены «разные починки» (1754), отремонтирована кровля с частичной заменой черепицы (1758), снова починена кровля (1760). Последний известный нам ремонт осуществили в 1761 г. — тогда заменили всю кровлю, в покоях переделали потолки и полы, починили печи [15].

Сомневаемся, что этого было достаточно для поддержки удовлетворительного состояния здания. Из анализа смет очевидно, что перечисленное — по большей части работы по приспособлению дома. Только для одного ремонта 1761 г. (поглотившего треть суммы, израсходованной на эти цели за всё время) перечень выполненных работ выглядит более или менее основательно, но и этот ремонт не отнесёшь к капитальным. Дом старел, и у нас нет оснований не доверять присутствующим в прошениях Демидова характеристикам постепенно ухудшавшегося его состояния.

Тауберт, как лицо, непосредственно отвечавшее за Библиотеку, добивался того, чтобы возвращение книг и вещей в стены Академии произошло не раньше полного завершения ремонта повреждённого пожаром здания и установки в нём нового оборудования — шкафов. Умелый политик, он не отказывался освободить дом, даже называл конкретные сроки,

в течение которых это будет сделано. Но по их истечении неизменно оказывалось, что положение существенно не изменилось, и Тауберт столь же неизменно находил весьма основательные внешние причины, это объясняющие.

Сенат, утомлённый просьбами Демидова о помощи в удовлетворении казавшихся вполне обоснованными претензий, по крайней мере, в принципе занял в конфликте его сторону. Указом от 8 июня 1761 г. сторонам было сообщено, что «Библиотеку и Кунсткамеру в доме дворян Демидовых велено перенести в непродолжительном времени» [16]. «Непродолжительное время» растянулось ещё на пять с лишним лет.

В истории с домом отразились непростые отношения между членами Академии и сотрудниками её аппарата. Изготовление библиотечных шкафов требовало времени и немалых средств, для изыскания которых Тауберт считал допустимым переброску сумм другого назначения. М.В. Ломоносов и секретарь Академической канцелярии М.М. Гурьев полагали правильным испрашивать во всех таких случаях разрешение Сената или Кабинета, а Ломоносов прямо осуждал Тауберта за его заботу о «позолоченных шкафах», заявляя, что не в них, а в «довольстве книг надобных» состоит ценность библиотеки [3, с. 119–121; 17, с. 205]. Оспаривать это утверждение не приходится, как не приходится и сомневаться, что действия Тауберта были обусловлены стремлением обеспечить наилучшие условия хранения уникального библиотечного собрания, которым он заведовал.

В касающемся демидовского дома делопроизводстве останавливает внимание письмо Тауберта генерал-прокурору Я.П. Шаховскому от 28 августа 1761 г. Его тема — изложение и обоснование мнения, как наилучшим образом могут быть приведены в порядок «Императорская Кунсткамера и Библиотека, собранная по болшой части самим Императором Петром Великим

и возбудившая поныне любопытство как природных российских, так и всех приезжающих сюда иностранных». Тауберт сообщает краткие сведения об истории библиотечного собрания и дает оценку вклада Петра в его формирование. Он отмечает, что «весь дом Демидовых чрез все три апартамента сверху до низа наполнен как вещми, так и книгами» (уточняет: вещей и книг в здании — «до несколько сот тысяч разных званий»). Он предупреждает, что «при скором (в смысле, поспешном. — *И.Ю.*) переносе неотменно великое множество долженствует переломатца, повредится и утратится, а иных вещей ни за какие деньги возвратить невозможно. Блаженной памяти Государь Император Петр Великий болшую часть сих редкостей сам собрал из разных государств, не жалея никакого иждивения, и столь высоко оныя поставлял, что первоначальную Кунсткамеру до перенесения Ея в <...> дом (пропущено место для «имени» дома. — *И.Ю.*) имел в собственном своем дворце. А потом для пространнейшаго расположения вещей с пристойным украшением велел построить особливой дом, в котором Библиотека и Кунсткамера находились в наилучшем порядке до несчастливаго пожара, как о том свидетельствуют напечатанныя в то время во многих томах состоящие каталоги вещам и книгам, также и вырезанные на меди планы, профили и фасады, кунсткамерских и библиотечных полат» [18].

По словам Тауберта, «беспременно приходят знатныя особы, как иностранные, так и здешние, любопытствующие видеть Кунсткамеру и Библиотеку, которым я ныне принужден почти со стыдом и со всегдашнею оговоркою сказывать, что оныя вещи хранятся в том партикулярном доме не инако, как в магазине, толко до того времени, пока настоящее для них место, где они до пожара были, пристойным образом шкафами и прочим внутри украшением отделается, которая работа уже и действительно производится» [19]. Здесь интересно не только

упоминание о внимании к академическим учреждениям посторонних лиц и их частных посещениях. Примечателен пассаж о смущении, с которым Тауберт объясняет, почему ценные предметы находятся в частном доме и хранятся в нём, как «магазине», то есть на складе. Конкретных свидетельств того, что условия хранения в Демидовском доме неудовлетворительные, Тауберт не приводит. Полагаем, что серьезных оснований стыдиться положением вещей у него не было, условия являлись вполне приемлемыми. Душевные же муки, которые он, якобы, испытывал, по меньшей мере отчасти — риторика, призванная продемонстрировать его заботу о вверенном ему собрании и о связанном с ним большом и важном деле — подготовке помещения для его постоянного размещения.

Обещая, что по завершении приближающейся к окончанию работы по изготовлению и монтажу шкафов Демидовский дом от книг и вещей будет быстро освобожден, Тауберт одновременно искал возможность задержаться в этом доме, судя по этому факту, для Академии удобным и вполне исправном. Задержаться в том числе после его освобождения от находившегося в нём академического имущества. Об этом свидетельствует ещё одно его письмо — Н.А. Демидову от 27 января 1765 г. В нём Тауберт предлагает арендовать у него дом на Васильевском для размещения академических книжной лавки и магазина, при этом соглашается на то, чтобы часть помещений оставить хозяину. Демидова он просил пообещать одно: что тот в течение оговоренного договором срока не станет дом продавать [20]. Демидов предложение не принял. Можно предположить, что в ситуации выбора взяли верх интересы бизнеса, требовавшего наличия в Петербурге усадьбы, находившейся в полном распоряжении промышленника. Заметим, однако, что в 1766 г., когда дом уже постепенно освобождался, книжный магазин в него на некоторое время Академия всё же перевела.

Полностью академическое имущество из усадьбы Н.А. Демидова на Васильевском острове было убрано лишь к началу 1767 г. К этому году относятся два прошения Н.А. Демидова [21], в которых он сообщал, что за пользование домом получил только 500 руб. за последний год пребывания в нем Академии, за 18 же лет ему всё ещё не заплачено. Он просил зачесть арендную плату за эти годы в счет доимки — десятинных денег, начисленных на его заводы Берг-коллегией.

Любопытно, что в текст одного из прошений (от января 1767 г.) первоначально был включен следующий аргумент, обосновывавший необходимость платы за постой: «По призыву нас нижайших в кабинет Вашего Императорского Величества от статского советника Демидова имянным Ея Императорского Величества указом объявлено нам, сколько время оная Кунсткамера в том нашем доме пробудет, за то заплачены будут денги» [22]. На это обязательство хозяин дома в своих прошениях ссылался уже неоднократно (в 1758 г. сообщал об анонимном обещании, в 1765 г. называл полное имя лица, его давшего, — Василий Иванович Демидов) [23]. В черновике прошения 1767 г. упоминание об этих уверениях при редактировании было вычеркнуто. Можно предположить: потому, что они представляли собой устное нигде не закреплённое

очень давнее обещание, которое, будучи не раз воспроизведённым, неизменно игнорировалось.

Почему Библиотека и Кунсткамера обосновались в Демидовском доме — разъяснено выше. Причин того, что Библиотека и Кунсткамера на столь длительный срок задержались в чужом для них доме, хозяин которого чем дальше, тем менее был этому рад, тоже несколько. Основную вину возложим на неудачные формулировки поспешно составленного указа 1747 г. и отсутствие в нём разъяснений по поводу вопросов, которые неизбежно должны были возникнуть: о компенсации владельцу за отчуждение и пользование его имуществом, об обеспечении реализации прочих его владельческих прав.

Дом на Васильевском и для Демидова, и для Академической канцелярии долгое время оставался большой проблемой. Хотелось бы, однако, отметить, что на протяжении всего времени, пока она разрешалась, стороны сохраняли в переписке корректный тон, прислушивались к чужому мнению и, не забывая о своём интересе, шли в ряде случаев на уступки.

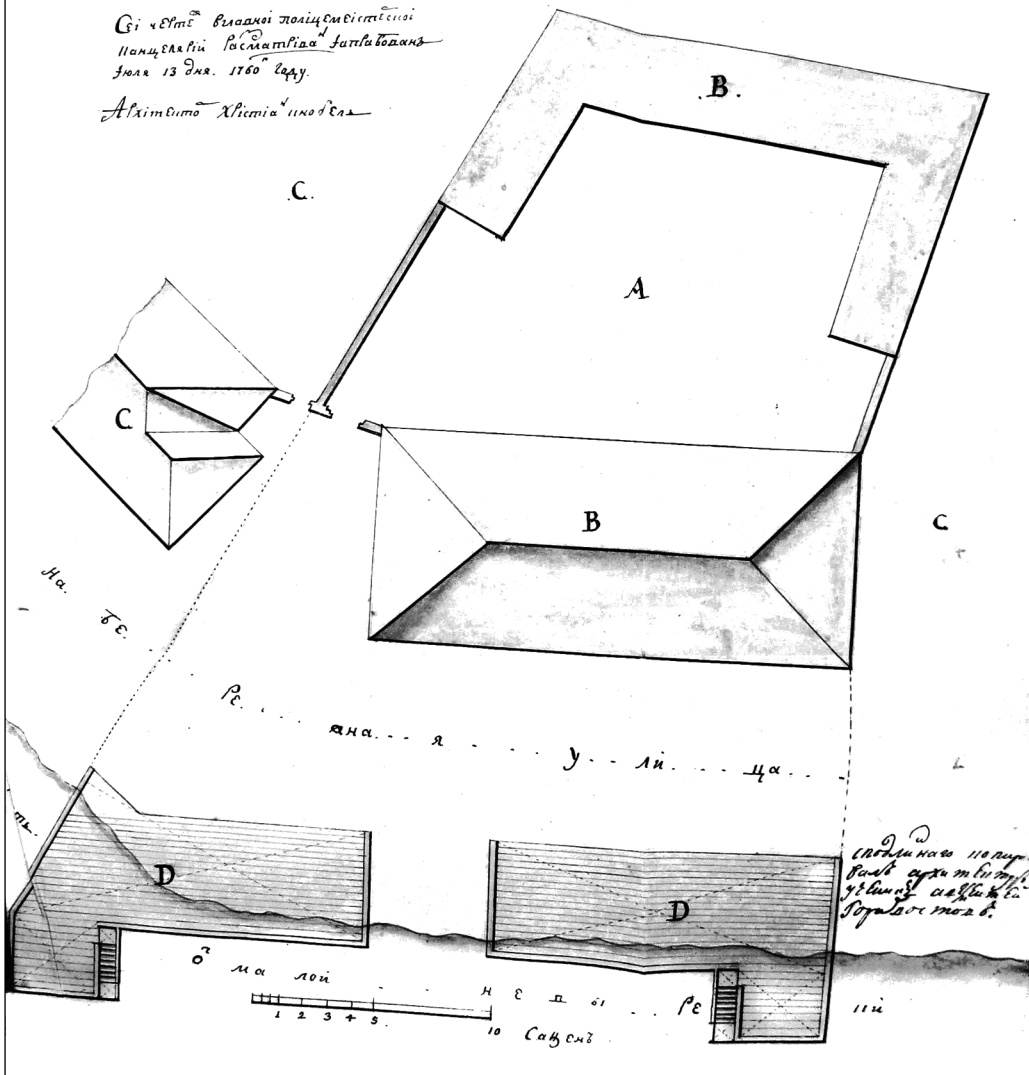
Предоставление дома на Васильевском острове — яркий, но далеко не единственный пример содействия Демидовых деятельности Российской Академии наук и её подразделений.

ОПИСАНІЕ.

- A. Дворъ дворянина. Никиты. Акимовича. сына Демидова.
- B. Магн^т Дворъ. Памѣныя. полаты.
- C. Часты Осѣци Дворовъ.
- D. Позволено было построи пристань^ю Жуевни^ю Берез^ю

Сіи чѣсти вмааніи полиціи вѣдѣнаго
Панцелярїи Російскаго Императорскаго
Юля 13 дня. 1760 году.

Акимово Хлѣбно^е именованъ

Петербург, Васильевский остров. План домовладений баронов Строгановых (слева) и Н.А. Демидова с проектируемой пристанью на Малой Неве. Север внизу. Июль 1760 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1 : 1714–1900. СПб., 2004.
2. *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М. ; Л., 1953.
3. *Юркин И.Н., Калита С.П.* Академия наук в гостях у Демидовых : первый рос. музей и акад. б-ка после пожара 1747 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 102–128.
4. *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений : застройка и застройщики. М., 2014.
5. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 765.
6. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.
7. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8.
8. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 229 об., 230.
9. *Юркин И.Н.* Демидовы: столетие побед. М., 2012.
10. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 2–3.
11. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 5–5 об.
12. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 12 об.
13. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 33.
14. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 12 об.
15. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 17 об.
16. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 18.
17. *Ломоносов М.В.* Записка о служебных преступлениях и упущениях И.И. Тауберта // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М. ; СПб., 2012. Т. 10. № 463.
18. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29 об.–30.
19. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29–29 об.
20. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–3 об.
21. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 41–43.
22. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 42.
23. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 2, 36.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ДИРЕКТОРА И УЧЁНЫЕ СЕКРЕТАРИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК В 1930–1950-е годы: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ

АННОТАЦИЯ

Проблема взаимоотношений интеллигенции и общества нашла свое отражение и в истории Библиотеки Академии наук. Довольно длительно проходил процесс притирания друг к другу специалистов прошлого и руководителей нового времени.

Судьба руководящего состава второго ранга — заместителей директоров, ученых секретарей этого времени известна лишь фрагментарно. Изучение биографий управленческого состава довоенного и сразу послевоенного времени может дать ценный материал для построения некоей «коллективной биографии» управленческого состава Библиотеки.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, заместитель директора, ученый секретарь, советский период истории.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и общества нашла свое отражение и в истории Библиотеки Российской академии наук (БАН). Особенно многоплановыми отношения с обществом у интеллигенции оказались после Октябрьской революции, когда к управлению обществом и его учреждениями пришли люди «новой формации».

Довольно длительно проходил процесс «притирания» друг к другу специалистов прошлого и руководителей нового времени. Библиотекой и её отделениями руководили знаменитые академические учёные с мировыми именами. Известна судьба тех из них, кто дожил и доработал в БАН до 1917 г. Послереволюционный период принес в их жизнь не только экономические и бытовые трудности, но часто и полное отторжение новой властью, выливавшееся в увольнение, заключение или уничтожение.

Судьбы руководящего состава второго ранга — заместителей директоров, ученых секретарей — этого времени прослеживаются лишь фрагментарно. Наши современники интересуют биографии К.И. Шафрановского, А.А. Моисеевой — о них пишут статьи, делают

выставки, а остальные фигуры в той или иной мере остаются в тени. Однако во время работы над подготовкой биографических справок о сотрудниках БАН мы поняли, что изучение биографий управленческого состава довоенного и сразу послевоенного времени может дать довольно ценный материал для построения некоей «коллективной биографии» управленческого состава БАН.

Так, следует отметить, что в среду руководителей БАН в основном подбирались лица с высшим образованием. Правда, это образование порой было в духе времени: происхождение играло главную роль, а образование второстепенную. В качестве примера можно привести биографии ученого секретаря БАН Нины Филимоновны Шишук и заместителя директора БАН Александра Михайловича Силина.

Н.Ф. Шишук (1902–1955) — дочь кассира, окончила гимназию в Вильно. В ранней юности состояла в части особого назначения (ЧОН) Красной армии в Витебске, в 17 лет стала ученицей библиотекаря 7-й (а не 1-й, как ошибочно указано в «Биографическом словаре

сотрудников Российской Академии наук» и в биографическом словаре «Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры») советской трудовой школы. Была секретарем комсомольской организации, «женоргом» в 1919–1920 гг. и, закономерно, председателем комиссии по партийной чистке в институте культуры в 1929, 1933, 1935. В Петроград попала в 1922 г., когда по командировке Витебского губернского комитета партии поступила на общественно-педагогическое отделение Петроградского университета, который закончила в 1926 г. Затем в её биографии идут руководящие посты различных библиотек (большой частью политпросветительского характера). В 1936 г. окончила аспирантуру института им. Крупской без защиты диссертации.

В 1937 г. Дзержинским РК ВКП(б) на Н.Ф. Шишук было наложено взыскание — выговор за несообщение о судимости бывшего мужа, с которым «в разводе с 6 мая 1935 г., но воспитывала его дочь и иногда получала от него материальную помощь». В 1939 г. выговор снят.

Бывший муж Нины Филимоновны Роберт Августович Джордж (наст. имя — Абрам Моисеевич Ронько) был осуждён в 1936 г. по ст. 109 (должностное преступление). Псевдоним был ему присвоен в 1920 г., когда он работал в органах ВЧК — особый отдел при РВСР 13-й армии особого отдела 46-й дивизии. Его имя встретилось в статье Шуламит Шалит «Рахиль и Зяма. (О поэтах Рахили Баумволь и Зиновии Телесине)», опубликованной в альманахе «Еврейская старина»:

«В архиве Рахили хранилось письмо, датированное 5.7.1944 г. Оно было отправлено Телесину в редакцию газеты “Призыв Родины”. (Переписывая, ничего не исправляла. — *Ш.Ш.*): “Очень тяжело писать по поводу смерти нашего милого и скромного Элички, но ничего не поделаешь. На войне смерть неумолима. Перед началом нашего артноступления в районе Гороховище — Эля выехал на огневые минометчиков. 21 июня

немец открыл убийственный огонь и осколок снаряда ранил Элю в правое бедро. Рана была тяжёлая и смертельная. Прожил он в полубессознательном состоянии около суток и умер от газовой гангрены 22.6.44 г. Похоронен на южной окраине дер. Залье, Полесской обл., на западной опушке леса, около кустарников, рядом с бойцом Овсяниковым. На досточке надпись: “Погиб в боях за Родину 22.06.44 г. рядовой Илья Шоломович Каган”. Я сделал здесь приписку, когда посетил могилку: “Прощай, друг, писатель Белоруссии”. Мне повезло: при переезде я столкнулся с его штабом и взял его бумажник и таким образом получил возможность написать Вам и в Москву — Шустерману и выслать некролог в Союз Сов. пис. и Евр. Антифаш. Комитет и его сестре в Омск.

Отныне я спокоен, что выполнил долг перед другом до конца. Не пришлось ему повидать свой родной Минск. Но сожаления наши ему уже не нужны. Будьте вы живы и здоровы. Жму руку. Роберт Августович Джордж» [1].

С 1936 по 1940 г. Н.Ф. Шишук служила директором Центральной городской библиотеки им. Маяковского. Сведения об этом периоде её трудовой биографии приведены в статье С.С. Бушиной и Е.Н. Шубиной «Биография библиотеки» [2]: «В 1936 году на пост директора была назначена Нина Филимоновна Шишук, ранее в 1925 году работавшая заведующей библиотекой в Доме просвещения им. Коминтерна на Большом проспекте Васильевского острова, 55. В справочнике “Весь Ленинград” за 1925 г. фамилия указана иначе — Шишук-Джордж. С годами она утратила редкую часть фамилии и нашей библиотекой руководила под фамилией Шишук. Согласно характеристике: “энергичная, любившая своё дело, она боролась с рутиной, привлекала инициативных людей, которые вносили предложения по улучшению работы”. Директор добилась увеличения штатов, нового оборудования (стеллажи, столы). С приходом Н.Ф. Шишук на абонементе ввели

групповое обслуживание и закрепили библиотекарей по отделам. Были продлены часы работы абонемента — с 11 до 23 часов. В 1939 г. библиотека насчитывает 200 000 единиц хранения. В 1933–1937 гг. создавался справочно-библиографический отдел. В 1940 г. библиотеке было передано помещение на Фонтанке, 44 (здание бывшего подворья Троице-Сергиевой лавры). Н.Ф. Шишук была против размещения библиотеки в доме на Фонтанке и ушла по собственному желанию (как следует из рукописного документа) на преподавательскую работу в педагогический институт политпросветработы им. Н.К. Крупской (ныне СПбГУКИ).

С августа по октябрь 1941 Н.Ф. Шишук — боец ленинградского народного ополчения. С октября 1941 по март 1942 г. — заместитель по политической части райкома Красного Креста Дзержинского района. «В связи с болезнью родных перешла на работу по месту жительства» — с апреля 1942 по июнь 1945 г. была консультантом-лектором Василеостровского райкома ВКП(б) до июня 1945. Мать — домохозяйка и брат — агроном-зоотехник умерли в Ленинграде в 1942 г.

С 1946 по 1950 г. работала в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина заведующей плано-производственным отделом и заведующей учебной частью. С 1950 по 1952 г. заведовала справочно-библиографическим отделом библиотеки Военно-медицинской академии. В БАН на должности учёного секретаря с 1952 г. (временно) и главного библиотекаря (постоянно). 29 марта 1955 г. отчислена в связи с переводом на инвалидность. Умерла 31 мая 1955 г. в возрасте пятидесяти трех лет.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть» [3].

А.М. Силин (1903–1956) с 12 лет работал плотником, матросом. С 1930 г. рабочий Балтийского завода. Как ударник получил от парткома путевку на

учёбу в Институт политпросветработы им. Крупской. В 1934 г., окончив библиотечный факультет, получил специальность «инструктор библиотечного дела». Заведовал областным библиотечным сектором в областном отделе народного образования в Смоленске; преподавал в библиотечном техникуме в г. Зубцове Калининской обл. В БАН с 1937 по 1941 г. в должности и. о. заместителя директора и заведующего отделом. В архиве БАН хранится его автобиография. «Родился я в 1903 году в крестьянской семье в бывшей Новгородской губернии ныне Вологодской области Устюженского района деревня Лентьево. Ввиду малого количества земли отец занимался отхожими заработками, зимой плотником по строительству барж, а летом работал на баржах в качестве шкипера. Мать работала в своем сельском хозяйстве, в 1931 г. вступила в колхоз и работали в нем до самой смерти.

После окончания сельской школы в 1915 г., когда мне было 15 лет (так в ориг. — О.К.), я также пошёл на заработки к местным судовладельцам, мальчиком на постройке барж, а весной 1916 г. пошёл матросом на баржу, так началась моя трудовая деятельность, летом работал на баржах, а зимой строил их. Так было до приезда в Ленинград в 1928 г., правда, за этот промежуток времени работал председателем сельсовета с октября 1922 по октябрь 1923 г. и был избран членом правления Лентьевского общества потребителей, где работал в качестве закупщика товаров и заведовал магазином с 1926 по 1928 г.

Когда приехал в Ленинград и поступил на Балтийский завод и работал в качестве плотника, вечерами учился там же в заводе на курсах мастеров, там же меня принимали в члены партии в 1929. Будучи ударником на заводе партком направил меня на учебу, вначале учился на подготовительном отделении 6 месяцев, а затем был принят на основной курс, учился в институте им. Н.К. Крупской, окончил институт библиотечное отделение.

После окончания института был направлен на работу в Смоленск, где работал в качестве заведующего областным библиотечным сектором, затем когда организован библиотечный техникум в г. Зубцове, по моей личной просьбе через библиотечное управление г. Москвы был направлен преподавателем в этот техникум, где работал до января 1937 г.

Когда вернулся в Ленинград, Василеостровский райком направил меня на работу в БАН. В августе 1939 был взят на военный сбор. Затем финская война и был демобилизован в августе 1940 г. и обратно вернулся в БАН и работал до мобилизации, т. е. до июля 1941 г., и демобилизовался в августе 1946 г. В Отечественную войну был награжден орденом «Красной Звезды» и четырьмя медалями.

А.М. Силин с июля 1941 по сентябрь 1946 г. в РККА — слушатель курсов, парторг, инструктор политотдела, заместитель командира отдельного батальона по политчасти, член партийной комиссии политотдела тыла 5-й гвардейской танковой армии (г. Калинин, г. Ташкент, фронты: Сталинградский, Донской, 2-й Украинский, 2-й Белорусский). Закончил войну в звании капитана.

Военным советом 5-й гвардейской танковой армии награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С 1946 г. — заведующий всеми фондами БАН, рассредоточенными вне основного здания (запасными книжными фондами). Заведовал хранением литературы, поступившей из-за границы в 1946 г. В 1948–1951 гг. председатель местного комитета, комитета содействия армии и флоту (Комсода), с 1952 г. секретарь парторганизации, заведующий агитпунктом по выборам в народные судьи.

Представляют несомненный интерес и образование и послужные списки Е.Э. Виленкиной (Юновской) и Ф.М. Белова.

Юновская (Виленкина) Евгения Эммануиловна (1909 Гейдельберг, Германия — 2006 Петербург). Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета и институт истории искусств в 1931 г. (по другим сведениям — Высшие курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств). Работала консультантом справочного бюро Политпросвета им. Ленина в 1930 г., помощником редактора в Государственном издательстве в 1931 г., научным сотрудником в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) в 1933 г., в институте иностранного туризма до его ликвидации. С 1939 г. работала в БАН заведующей отделом комплектования, с 1940 г. учёным секретарем, с июня по сентябрь 1941 г. и. о. заместителя директора. Отчислена в феврале 1942 г. «ввиду непредставления подтверждения Президиума АН о выполнении командировки». Занималась преподаванием, ею написаны учебные пособия: Иностранный язык изучаю сам: методические советы по самостоятельному изучению английского и немецкого языков (М.: Воениздат, 1965); Книга для чтения на немецком языке (М.: Воениздат, 1965); Самостоятельная работа по немецкому языку в старших классах: пособие для учителей (Л.: Учпедгиз, 1957). В Академию наук, очевидно, больше не вернулась. Согласно архивной записи, получила на руки трудовую книжку 14 октября 1986 г. [4].

Белов Филипп Макарович (июль 1905–?). Специальность — судовождение. Последнее перед БАН место работы — Кировский завод. В 1936 г. принят в БАН на должность помощника директора по административно-хозяйственной части. В 1937 г. заведующий отделом хранения, старший библиотекарь отдела хранения. В 1938 г. и. о. учёного секретаря БАН. 30 мая 1941 г. уволился по причине инвалидности.

В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук хранятся документы, дающие некоторое

Из истории библиотек

представление о деловых и личностных качествах Филиппа Макаровича.

1

Автобиография

«Родился я в Витебском округе Городинском районе деревня Репки. Родители крестьяне. В 1923 г. окончил школу II ступени в гор. Городке Витебского округа. В 1923 г. поступил курсантом в военную электрoшколу. С 1924 по 1926 г. работал на заводах Невском судостроительном и Военно-Подковном — рабочим. С 1926 по 1927 г. ответственный секретарь ВЛКСМ к/з «Коминтерн». С 1927 по 1928 г. инструктор Василеостровского райкома ВЛКСМ. С 1928 по 1930 г. представитель Ленинградского обкома ВЛКСМ в областном отделе союза рабпрос и член Президиума. В 1929–1930 гг. студент института народного хозяйства им. Энгельса. С 1930 по 1934 г. рулевой на судах Совторгфлота и учился в мортехникуме. С 1934 по 1935 г. заведующий парткабинетом Кировского завода. С 1935 г. помощник директора БАН по административно-хозяйственной части. С 1936 г. старший библиотекарь. С 1938 г. и. о. ученого секретаря БАН».

В 1933 г. Ф.М. Белов имел строгий выговор от ЦКК: «За непринятие мер будучи секретарем ячейки к предотвращению безобразий на п/х «Алеут»».

2

Выписка из протокола заседания
Президиума АН СССР
от 5 февраля 1936 г.

Постановили: утвердить Филиппа Макаровича Белова в должности помощника директора БАН по административно-хозяйственной части.

Непременный секретарь АН СССР
Н.П. Горбунов.

3

Приказ по БАН от 31 мая 1936 г.

1. В соответствии с распоряжением Президиума АН СССР от 29 мая 1936 г.

помощник директора по административно-хозяйственной части Белов Филипп Макарович освобождается от занимаемой должности и направляется в распоряжение Василеостровского райкома ВКП(б).

2. Тов. Полковников Михаил Селиверстович назначается помощником директора по административно-хозяйственной части.

И.И. Яковкин.

4

Характеристика

Тов. Белов Филипп Макарович работал в БАН в должности помощника директора БАН по административно-хозяйственной части с 7 декабря 1935 по 11 июня 1936 г.

Порученные ему обязанности выполнял добросовестно и принимал все меры к тому, чтобы освоить производственные особенности такого мирового книгохранилища, каким является БАН, и в этой своей работе достиг соответственных результатов.

Характеристика выдана для представления в Совторгфлот.

15 июня 1936 г.

Директор *И.И. Яковкин.*

Учёный секретарь *Крауш.*

5

Проверив правильность увольнения тов. Белова Филиппа Макаровича, Бюро жалоб установило, что никаких причин к увольнению тов. Белова не было, что подтверждается и сообщением секретаря Василеостровского райкома ВКП(б) тов. Потемкина.

На основании изложенного Бюро жалоб предлагает восстановить тов. Белова на работе.

Заведующий бюро жалоб Уполномоченного Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров СССР по г. Ленинграду, Ленинградской области и Карельской АССР

Бауэр.

11 сентября 1936 г.

Приказ по БАН от 12 октября 1936.

Белов Филипп Макарович восстанавливается на работе в БАН и назначается с 13 сентября с. г. и. о. заместителя заведующего отделом хранения.

И.И. Яковкин [5].

Наряду с руководителями с явно «политическим уклоном» в БАН были люди, получившие хорошее образование: учёный секретарь БАН Людмила Михайловна Сабурова (этнограф, кандидат исторических наук, учёный секретарь БАН с 1952 по 1953 г.), заместитель директора по научной части Вера Матвеевна Тамань (филолог-русист, старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР, в 1943–1949 гг. — заместитель директора по научной части БАН, с 1949 г. — заведующая библиотекой

Института русского языка АН СССР), Ариадна Александровна Моисеева (в 1950 г. окончила ЛГБИ им. Н.К. Крупской по специальности «библиография», с 1956 г. заведовала библиотекой Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР в Колтушах, в 1960–1976 гг. — заместитель директора БАН по научной работе).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Шалит Шуламит*. Рахиль и Зяма. (О поэтах Рахили Баумволь и Зиновии Телесине) // Еврейская старина. 2011. № 3(70).
2. *Бушина С.С., Шубина Е.Н.* Биография библиотеки // История Петербурга. 2010. № 4 (56).
3. Архив БАН. Ф. 1. Оп. 2 л. Д. 2.
4. Картотека архива БАН.
5. СПб ФА РАН. Ф. 158. Оп. 7. № 558.

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ СБОРНИКА «ЧЕТВЁРТЫЕ ЛУППОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ»

АННОТАЦИЯ

Сборник научных статей «Четвёртые Лупповские чтения: Доклады и сообщения» публикуется в связи со 105-й годовщиной со дня рождения д.и.н. С.П. Луппова — основателя Научно-исследовательского отдела истории книги БАН. В сборнике представлены статьи по истории книги и истории БАН известных петербургских учёных, а также биографические материалы о жизни и творчестве С.П. Луппова и Н.А. Копанева.

Ключевые слова: Сергей Павлович Луппов, «Лупповские чтения», Николай Александрович Копанев, Библиотека Российской академии наук, БАН, история книги, история БАН.

Четвёртые Лупповские чтения были приурочены к 105-й годовщине со дня рождения доктора исторических наук Сергея Павловича Луппова — основателя Научно-исследовательского отдела истории книги БАН, яркого и самобытного учёного, многие годы отдавшего изучению книги, её распространения и бытования. Закономерно поэтому, что сборник материалов Чтений открывается публикацией биографической статьи, посвящённой С.П. Луппову.

Научные воззрения, энергия и обаяние личности Сергея Павловича до сих пор оказывают сильное концептуальное и эмоциональное воздействие на его сотрудников и продолжателей его дела, лучшим доказательством чему служит их постоянство в освещении историко-книжной проблематики в рамках Лупповских чтений.

Материалы сборника представляют собой два неравные по объёму, но насыщенные по содержанию блока: 1) биографические материалы и 2) материалы по истории книги и истории БАН.

Первый блок открывается прекрасной статьёй дочери и внучки С.П. Луппова Л.С. и А.А. Васильевых, посвящённой семейной переписке времён Великой Отечественной войны. Это не просто

интересные исторические документы — они снабжены пространными комментариями, которые позволяют прочувствовать культурно-исторический контекст, определивший личность С.П. Луппова и направления его научных интересов.

Приятно отметить, что биографическая статья о Сергее Павловиче соседствует с воспоминаниями о другом замечательном учёном, трудившемся в БАН, — Николае Александровиче Копаневе — основателе и руководителе Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера». Воспоминания и документы, представленные супругой и дочерью Н.А. Копанева, Н.П. и А.Н. Копаневыми, открывают Николая Александровича, которого бановцы помнят и ценят как историка и знатока французской книги, с неизвестной в БАН стороны. Перед нами крупный администратор, в котором слились и яркие организаторские способности, и дипломатический талант, и историческое дарование. На этом фоне ещё трагичнее выглядит столь ранний его уход...

Данный биографический блок материалов — несомненная удача организаторов конференции и составителя сборника. Он позволил протянуть связующую нить от одного учёного к другому, от учителя

Рецензии

к ученику, показав возможности формирования в БАН научной школы.

Остается пожалеть, что не всегда при жизни мы успеваем оценить всю значимость исследователей книги — этого уникального научного потенциала Библиотеки, которой они служат.

Во втором блоке собраны материалы книговедческого и библиотковедческого характера. Авторы статей — известные петербургские ученые А.В. Вознесенский, М.Ю. Гордеева, В.Г. Подковырова, Д.В. Руднев, Д.Д. Гальцин, Е.А. Савельева и организатор Лупповских чтений П.И. Хотеев, продолжающий традиции С.П. Луппова в области изучения истории книги. Возвращаясь к теме научной школы, отметим, что статья П.И. Хотеева завершает сборник, соотносясь с помещёнными в начале сборника биографическими материалами о Н.А. Копаневе. В итоге получается своеобразное литературное рондо из материалов, касающихся двух учеников С.П. Луппова. Это производит самое отрадное впечатление, показывая и высокий профессиональный уровень подготовленных Сергеем Павловичем учеников, и то почтение, с которым они продолжают относиться к его памяти.

В статьях освещаются проблемы истории отечественного шрифта, гравировального и издательского дела, изучения

судеб владельцев библиотек и их собраний, истории фонда БАН и особенностей его отражения в первых библиотечных каталогах. Проблематика статей, своеобразие научного подхода и глубина изучения выбранных тем характеризуют сборник как вводящий в научный оборот ценный научный материал.

Представленные в сборнике статьи являются результатом оригинальных научных разработок и дают представление о масштабах исследований, многие из которых, как представляется, завершатся публикацией интересных научных монографий.

Следует отметить, что сборник материалов Четвёртых Лупповских чтений продолжает традицию предыдущих трёх выпусков — в этом видится заслуга бесценного организатора Чтений и редактора сборника материалов П.И. Хотеева, благодаря усилиям которого сборник предстаёт чётко организованным, имеющим определенное композиционное развитие и строго научное оформление.

В целом сборник «Четвёртые Лупповские чтения» станет весомым вкладом в изучение истории БАН и истории книги. Он, без сомнения, представляет интерес как для специалистов по книговедению, библиотковедению и истории книги, так и для заинтересованной аудитории, и может быть рекомендован к печати.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Научные исследования

Андреева Н.С. Князь Г.Е. Львов: штрихи к биографии

Андреева Наталья Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: iskjul@gmail.com

Andreeva N. The prince Lvov: traits of biography

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

The biography of famous Russian politician prince Georgij Evgen'evich Lvov is analyzed in the article. His related environment, political career, participation in the Zemstvo movement, collaboration with P.A. Stolypin, activity in emigration as well is considered.

Keywords: Biography, Georgij Evgen'evich Lvov, Petr Arkad'evich Stolypin, history of Russia at the Beginning of the 20th c., political parties, World War I, Zemstvo, Zemgor, Emigration, State Duma, Russian Empire, Cadets, Provisional Government.

Соболев В.С. Академик П.П. Пекарский об экспедиции Д.Г. Мессершмидта

Соболев Владимир Семёнович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Университетская наб., д. 5
e-mail: Vlad_history@mail.ru

Sobolev V. Academician P.P. Pekarsky about the expedition of D.G. Messerschmidt

Sobolev Vladimir — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher

Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences
5, Universitetskaya emb., Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: Vlad_history@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to study of some aspects D.G. Messerschmidt's expedition in the academician P.P. Pekarsky's work «Science and literature in Russia under Peter the Great». The conducted research allowed him to make the main conclusion that Messerschmidt was the first scientist and traveler that acquainted the public with geography, history and ethnography of Siberia.

Keywords: archival materials, funds, expedition, results, traveler, Siberia, commandant, Tobolsk, Governor, prisoners of war, «ancient things» (antiques), Siberian animals, list.

Сапожникова О.С. Неизвестный русский перевод XVI века из медико-астрологического трактата «Книга о жизни» итальянского гуманиста Марсилио Фичино

Сапожникова Ольга Сергеевна — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: olsapoj@mail.ru

Sapozhnikova O. The unknown Russian translation of the 16th c. from the medico-astrological treatise «De vita libri» by the Italian humanist Marsilio Ficino

Sapozhnikova Olga — Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: olsapoj@mail.ru

ABSTRACT

Early Russian translation of the famous Renaissance treatise «De vita libri» by Marsilio Ficino stays out of attention of specialists. This fact is important in the context of translation of humanistic ideas into Orthodox milieu with expected transformation of the material. Russian translator didn't work with Latin text, but used a German interpretation in a sensational illuminated medical publication «Liber de arte distillandi de simplicibus» by Hieronymus Brunschwig (1500), who incorporated medical-alchemical text by Ficino. Russian translator edited the source intensely. The manuscript is a transcription of original translation has been recently found in the Collection of Russian Academy of Sciences Library. The Russian translation was completed with miniatures (288 ps.) based on the engravings of German publication. So, we have a chance to study a specific ways of perception of the European esoteric and scientific tradition in Russian culture of the 16th c.

Keywords: Marsilio Ficino, De vita libri, Italian Humanism, Hieronymus Brunschwig, Renaissance medicine, distillation, astrology, alchemy, Maxim Grek.

Клишева В.А. Проблемы описания рукописей с сочинениями писателей-старообрядцев второй половины XVIII века.

Клишева Вера Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской Академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В. О., Биржевая л., д. 1
e-mail: klisheva76@mail.ru

Klisheva V. The problem of description of manuscripts with Old Believers writers' compositions of the second half of the 18th c.

Klisheva Vera — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: klisheva76@mail.ru

ABSTRACT

This article is dedicated to the methodological principles of manuscripts description, which contain works of the writers of the Old Believers of the second half of the 18th c. Author made attempt to define the peculiarities of Old-Believers' books of that period. The article discusses problems, which have appeared during the manuscripts description, and solutions of these problems.

Keywords: manuscript, Old-Believers' books, manuscript collection, archaeography.

Ляховицкий Е.А. Основные подходы к интерпретации водяных знаков древнерусских рукописей

Ляховицкий Евгений Александрович — кандидат исторических наук, зав. Лабораторией кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей

Российская национальная библиотека
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18
e-mail: stoglav@bk.ru

Lyakhovitskiy E. The main ways for interpretation of watermarks in paper in the Old Russian manuscripts

Lyakhovitskiy Evgeniy — Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Codicological Researches and Technical Expertise of Documents, Department of Manuscripts

National Library of Russia
18, Sadovaya str.,
St.-Petersburg, Russia, 191069
e-mail: stoglav@bk.ru

ABSTRACT

In this article, two possible ways for interpretation of the watermarks are analyzed. The first way is the understanding the watermark as element of the mould, and the second is the understanding it as trademark. The advantages and disadvantages of both ways are enucleated in the article.

Keywords: watermarks, manuscripts, trademark, mould.

Сергеев А.Г. Водяные знаки в Описании славянских рукописей БАН XIV–XV веков

Сергеев Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая линия, д. 1
e-mail: sergeev_alexei@mail.ru

Sergeev A. Watermarks in the Description of Slavic manuscripts of RASL of the 14th–15th c.

Sergeev Alexei – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sergeev_alexei@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the investigation of watermarks in medieval Russian manuscripts of the 15th–16th c. held by the Russian Academy of Sciences Library.

The author discusses the problems of watermarks dating and prospects of its use for the codicological research.

Keywords: watermarks, manuscripts' localization methods, manuscripts in the Russian Academy of Sciences Library.

Подковырова В.Г. Некоторые аспекты изучения списков лицевых Апокалипсисов из фондов БАН и текст Откровения Иоанна Богослова из Библейского Сборника Матфея Десятого (1507 г., БАН, Срезн. II. 75)

Подковырова Вера Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая линия, д. 1
e-mail: ban.nior@gmail.com
vera.podkovyrova@gmail.com

Podkovyrova V. Several aspects of the research of Russian handwritten illustrated texts of Revelation (funds of RASL) and the Revelation of St. John the Divine from the Bible miscellany by Matthew the Tenth (1507, BAN, Srezn. II. 75)

Podkovyrova Vera – Candidate of Philology Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Manuscripts
Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: ban.nior@gmail.com
vera.podkovyrova@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the study of illustrated texts of the Revelation of St. John the Divine in the late Russian tradition. An overview of Revelation text classifications in foreign studies of recent years is done for the first time in Russian. On a material of 25 illustrated Apocalypse manuscripts scheduled preliminary scheme of different types of text and their sources.

Keywords: Revelation, manuscripts, medieval Russian book culture.

Михайленко А.В. Достижения изобразительного искусства в эпоху Писистрата и его сыновей

Михайленко Александра Викторовна – научный сотрудник Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая линия, д. 1
e-mail: Sasha_perm@list.ru

Mikhailenko A. V. Achievements of the fine arts during the period of Peisistratos and his sons rule

Mikhaylenko Alexandra – Researcher of the Research Department of Academy of Sciences editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: Sasha_perm@list.ru

ABSTRACT

In this paper we consider the main achievements and directions of the fine arts in the field of material culture which happened in the period of Peisistratos, Hippias and Hipparchus rule. Art during an era of Peisistratos and his sons served as the tool for carrying out religious promotion, sacralization and legitimization of an image of the governor. The central theme is vase-painting development – transition from black-figure pottery to the red-figure equipment. They appeared on vases very often and reflected a tendency to an idolization of tyrants.

Keywords: Peisistratos, Hippias, Hipparchus, tyranny, Athens VI century BC, red-figure ceramics, ancient gods and heroes.

Отдельные аспекты библиотковедения

Бокан М.Г., Пономарева Н.В. Личные архивы библиографов как составная часть научно-биографической работы в области библиотечно-информационной деятельности

Бокан Мария Георгиевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотковедения

Пономарева Нина Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотковедения

Библиотека Российской Академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: bogai@mail.ru
nvponomareva@inbox.ru

Bokan M., Ponomareva N. Personal archives of bibliographers as a part of scientific and biographical work in the library and information activities' field

Bokan Maria — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of bibliography and library science

Ponomareva Nina — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: bogai@mail.ru
nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

The archives belonging to the figures of library-information's sphere hold an important place in scientific and biographical work. The peculiarities of working with domestic bibliographers' archives and its importance for development of biographica in the bibliography's field are examined in the article by the example of Library Science department of RASL.

Keywords: Archives of domestic bibliographers, biographica, library-information sphere, Research Department of bibliography and

library science of the Russian Academy of Sciences Library.

Пименов Е.Н. Информационный шум в Интернет и неоднозначность поисковых терминов

Пименов Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела информатики и автоматизации

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: pen48@list.ru

Pimenov E. The information noise in the Internet and ambiguity of search terms

Pimenov Evgeny — Candidate of Philology Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Informatics and Automation Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: pen48@list.ru

ABSTRACT

We describe two types of noise information on the web related to homonymy and polysemy search terms. Homonymy provides information, diverging away from the users' information needs, and polysemy — not complete disagreement with such needs. An effective means of combating this noise is a lexical binding the query to the necessary for user thematic area.

Keywords: internet search, information noise, homonymy, polysemy, linking of a query to thematic area.

Авраева Ю.Б. Новая модель методических кадров общедоступных библиотек

Авраева Юлия Балыковна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры Библиотечно-информационных ресурсов, академик Международной академии информатизации, Заслуженный работник культуры Республики Бурятия
ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры
670031, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: kvsgaki@yandex.ru

Avrayeva J. New types of training specialists' staff of public libraries

Avrayeva Julia – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Librarian-Informative technologies

The East-Siberian State Institute of Culture
1, Tereshkovoi Street,
Ulan-Ude, Russia, 670031
e-mail: kvsgaki@yandex.ru

ABSTRACT

New types of training specialists in accordance with such famous scientific approaches as sociological, practice-oriented, civilized and comparative used by scientists in studying personality are considered in the article. «The common model of public libraries' types of training specialists» has been built on the basis of scientific research done by the author starting from the 1980s–90s till 2015 who questioned training specialists and librarians from different regions of Russia. The model includes 8 types of methodologists and 5 parameters and reflects a new structure of training specialists' staff of modern public libraries.

Keywords: training specialist, model, types, strata, traits, competencies, behavior style.

Восток и книга

Белова Л.Б. «Первый путеводитель от Батума до Турецкой границы» В.П. Врядия

Белова Людмила Борисовна – главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской Академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая линия, д. 1
e-mail: belovalb@list.ru

Belova L. «The first trip from Batum to the Turkish border» by V.P. Vryady

Belova Ljudmila – Chief Librarian of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: belovalb@list.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the unedited guide, which proof holds in the Research Department of Manuscripts of RASL. The outbreak of the First World War prevented this guide's publication.

Keywords: book history, First World War, Vryady, Batum, Turkish border, trip, Research Department of Manuscripts of RASL.

Виноградова Т.И. «Парадокс Нидема» и традиционная китайская библиография
Виноградова Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая Отделом литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Vinogradova T. «Needham question» and traditional Chinese bibliography

Vinogradova Tatiana – Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

ABSTRACT

The article attempts to give an answer to the so-called «Needham question» or «paradox» accordingly to our evaluation of the role of traditional bibliography in Chinese society.

Keywords: Needham, Chinese science, bibliography, Confucianism, educational system, state examination system.

Хамуд Н.М. Зарождение новой арабской историографии в Египте: Научно-библиографический обзор

Хамуд Назим Межид – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: hazimmaj@yahoo.com

Hamood N.M. The origin of a new Arab historiography in Egypt: scientific-bibliographical review

Hamood Nazim Majed – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: hazimmaj@yahoo.com

ABSTRACT

The formation of a national Arab historiography of the new era begins at the second half of the 19th c., although the first works in this field appeared soon after Napoleon's expedition to Egypt (1798–1801). It significantly differed from the classical medieval Arab-Muslim historiography by methodology, form and even by language. The most significant contribution to revival of Egyptian national historiography of the modern era after its decline in the 16th–18th c. was made by Abd ar-Rahman al-Jabarti.

Keywords: Middle East, Egypt, medieval Arab-Muslim historiography, modern era, national historiography, Knowledge Society, Egyptian society, The Khedive's Egyptian geographical society.

Тептюк П.С. Новая гипотеза о происхождении современных форм чисел

Тептюк Павел Сергеевич — кандидат филологических наук, библиотекарь Отдела литературы стран Азии и Африки Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: sunhealth@yandex.ru

Тептюк P. The new hypotheses about the origin of modern forms of numerals

Тептюк Павел — Candidate of Philological Sciences, Librarian of the Research Department of Oriental Languages Literatures Russian Academy of Sciences Library 1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sunhealth@yandex.ru

ABSTRACT

The article provides a rationale for a new hypothesis about the formation of modern forms of numbers and demonstrates the writing features of Arabic and European numbers and Arabic script. Because the numerical symbols and decimal positional numeral system is used everywhere, the task of identifying their true origin is of great scientific interest. The presence of well-established, but poorly grounded theories makes this question particularly attractive.

Keywords: Arabic alphabet, Hindi numerals, Arabic numerals, math symbols, the history of writing.

Из истории библиотек

Пивоваров Е.Г. Вопреки испытаниям судьбы: академические издания в Библиотеке Конгресса США в 1815–1851 годах.

Пивоваров Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., д. 5
e-mail: pivovaro@mail.ru

Pivovarov E. Against ordeals of fate: academic editions in the Library of Congress in 1815–1851

Pivovarov Evgeniy — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences 5, Universitetskaya emb., Vasilievsky Island, St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: pivovaro@mail.ru

ABSTRACT

The first, established in 1800, Library of Congress was burned down during the attack of British troops on Washington, D.C. In 1815 the Congress acquired a T. Jefferson's book collection including 20 items dedicated to the Russian Empire: works of G.F. Müller, P.S. Pallas, J. Potocki, F.P. Adelung. In the 1820s the library received a small collection of Russian mariners' (O.E. Kotzebue, V.M. Golovnin, I.F. Krusenstern, etc.) travelogues. From 1830 to 1840 «Russian» collection grew up to 42 titles, the library purchased Academy of Sciences serials. Only a few academic editions had arrived in Washington in the first half of the 19th c. were survived. About two-thirds of the library book collection was burned in 1851.

Keywords: Academy of Sciences, US Library of Congress, academician, book exchange.

Юркин И.Н. «...Хотя и тесен, все же достаточен» (Дом Демидовых на Васильевском острове в судьбе Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук)

Юркин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук 109012, Москва, Старопанский пер., 1/5
e-mail: ig-yurkin@yandex.ru

Yurkin I. «...Although small, but still sufficient» (The Demidov's house on Vasilevsky Island in the fate of Academy of Sciences Library and Kunstkamera (Cabinet of curiosities)

Yurkin Igor — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

Russian Academy of Sciences
1/5, Staropanskij lane,
Moscow, Russia, 109012
e-mail: ig-yurkin@yandex.ru

ABSTRACT

The facts and events connected with the Academy of Sciences Library and the Kunstkamera residence in the Demidov's house on Vasilevsky Island is analyzed in the article. The reasons to choose this house for placing the books and collections after a fire of 1747 are revealed. Particular attention is devoted to the second decade of Library and Museum residence in this house. The division of inheritance including this house ended at the beginning of this period. The concrete owner that assumed possession of the building wanted to vacate it. Clearing up the question how the difficult relationship between Academy members and its staff (M.V. Lomonosov, I.I. Taubert, etc.) reflected in the history of house. The article provides information on tenants that lived in the house during Academy used it as a residence and specifies when its property was vacated from the house.

Keywords: Petersburg, Vasilevsky island, building, Academy of Sciences, Academic library, Kunstkamera, Demidov, Lomonosov, Taubert, collections.

Комарова О.А. Заместители директора и ученые секретари Библиотеки Академии наук в 1930–1950-е годы: опыт коллективной биографии

Комарова Ольга Александровна — младший научный сотрудник Научно-иссле-

довательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

Komarova O. Deputy Directors and scientific secretaries of the Academy of Sciences Library in the 1930s-1950s: the experience of collective biography

Komarova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Academy of Sciences editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilevsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: olga.komarova3013@yandex.ru

ABSTRACT

The problem of relations between intellectuals and society reflected in the history of the Academy of Sciences Library. The studying of pre-war and immediately post-war managerial staff biographies can give quite valuable constructional material for certain «collective biography» of RASL's managerial staff.

Keywords: RASL, deputy directors, scientific secretaries, Soviet period of history.

Рецензии

Баженова Н.М. Научная рецензия на рукопись сборника «Четвёртые Лупповские чтения: Доклады и сообщения»

Баженова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, В.О.,
Биржевая л., д. 1
e-mail: n_bagenova@inbox.ru

Bazhenova N.M. Collection of articles «The Fourth Luppov's readings: Reports and messages» manuscript scientific review

Bazhenova Natalia — Candidate of Philological Sciences, Head of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilevsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

ABSTRACT

Collected scientific articles of «The Fourth Luppov's readings: Reports and messages» published in commemoration of the birth anniversary of Doctor of Historical Sciences Sergey P. Luppov – the founder of the Research Department of book history RASL. The collection

contains articles about book history and the history of RASL written by noted St.Petersburg scientists as well as biographical information about the life and work of Sergey Luppov and Nikolay Kopanev.

Keywords: Sergey Pavlovich Luppov, Luppov's readings, Nikolay Aleksandrovich Kopanev, Russian Academy of Sciences Library, RASL, book history, history of RASL.

